

проталина

дух дышит, где хочет

Мариец по происхождению, Эчик Барцев только в зрелом возрасте осознал, кто он и насколько глубоки корни его родового древа, в котором, по его словам, есть все нации России. В то же время он испытал всю горечь судьбы маленького народа. На этой боли и сыновьей преданности родной истории замешано все творчество Эчика Барцева, большого патриота и талантливого художника. Он долго шел к своей свободе, начиная с поисков куска хлеба и теплого угла. Но только в творчестве он, наконец, обрел эту свою свободу, к которой стремился всю жизнь.

Путешествие по необычной биографии марийского художника из Екатеринбурга читайте на страницах этого номера.

Екатеринбург. Метро. iPhone 5. Prisma

Журнал реализует свой проект
«Доброе чтение во имя любви к Родине,
к своей истории и к родному русскому Слову».
Верность направления этой работы
неоднократно подтверждалась наградами
Всероссийского конкурса СМИ
«Патриот России»

Адрес журнала в Интернете: www.protalina.com
Там вы можете найти дополнительную
информацию о нас

Культура тоже нуждается в защитнике

Журнал выходит в свет благодаря постоянной помощи наших спонсоров

«Проталина»

ООО «СВЕЙ»
г. Екатеринбург

Производство, проектирование, монтаж, наладка
оборудования для энергетических и промышленных
предприятий

www.aura-e.ru

содержание

ДОЛГИ НАШИ

От редакции журнала «Проталина»

Наследство машиниста Соколова

Хибара, которую трудно назвать домом, многие годы была гнездом машиниста бронепоезда № 742 Александра Соколова. Поезд носил гордое имя «Патриот»... Этот ишимский домишко на улице Непомнящего — вот все, что осталось семье отца-героя.

6

Ольга Смолянская

Как погибала семья Смолянских

Трагедия семьи — как стоп-кадр большой исторической несправедливости. Один за другим уходили из жизни по велению советской власти члены большой семьи, труженики и патриоты по своей сути. В 2016 году екатеринбурженка Ольга Смолянская решила найти следы гибели своих родных.

Голгофа Смолянских

Мы публикуем документы, присланные по запросам Ольги Смолянской из ФСБ РФ, свидетельствующие о преступлениях и безнаказанности.

12, 19

УЗЛЫ ИСТОРИИ

Ирина Филатова

Посмертная характеристика

Продолжая работать с архивами, открывающими правду о Великой Отечественной войне, журналистка обратила внимание на событие, произошедшее уже в мирное время — на рубеже 1980-1990-х. Поразительно, что трагичное происшествие нашего времени оказалось созвучным с драматизмом военных лет.

26

Александр Копырин

Дом заслуженного отдыха

Сохранились вазы на постаментах, ожили пловец и девушка с веслом. И опять появляются желающие запечатлеть себя на фоне вождя пролетариата... Все эти впечатления собрал неравнодушный краевед, постоянный автор «Проталины».

38

Борис Галязимов

В поисках покоя. Из несостоявшейся книги «Красные тени»

Очерк «В поисках покоя» всегда занимал особое место в задуманной автором книге. Точно и остро показана вся нелепость затянувшегося ритуала погребения «вождя мирового пролетариата». А споры о дальнейшей судьбе мавзолейного дела продолжают по сей день, обретая почти враждебный характер. Значит, еще до сих пор не осознана сама причина всей этой тревожной противоречивости.

В память о нашем земляке, умевшем находить уникальные факты и удивительные судьбы, мы продолжаем публиковать очерки из его архива.

46

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Иван Охрименко

Сюда вела сыновья память

Всю жизнь Ивана Охрименко не покидала мысль во что бы то

ни стало узнать, где похоронен его отец-фронтовик. Мечта сбылась, когда сыну исполнилось 86 лет.

52

Ирина Филатова

У памяти не может быть конца. Неумолкаемое эхо событий

Мы продолжаем рассказывать о тех без вести пропавших, имена которых удалось узнать.

58

Ирина Филатова

Музы фронтовых поэтов

Окопная тетрадь Анны Жуковой сохранила яркие моменты военных судеб.

64

МОЙ ПИСЬМЕННЫЙ ВЕРНЫЙ СТОЛ

Валентин Ферулёв

Родина малая — свет в мои окна... Стихи

Свой поэтический путь он начинал на Урале. А потом стал сибиряком, обосновался в таежном селе Верблюжье. По зову памяти о родном Урале он выслал нам свою подборку.

72

От редакции журнала «Проталина»

И рукопись заговорила...

Прошло почти три года, как не стало известного уральского художника и писателя Евгения Пинаева, а его картины продолжают свой путь к зрителю — проходят выставки, издаются календари и звучат его воспоминания. Найдены и переданы в редакцию три неоконченные повести. С одной из них — «В стране магнолий плещет море» — знакомим нашего читателя.

Евгений Пинаев

В стране магнолий плещет море... Праздные рассуждения и ненужные воспоминания в зимние вечера

Тьерри Мариньяк

В зоне техногенной катастрофы (На смерть художника Евгения Пинаева)

Страницы французского писателя об одной удивительной встрече.

76, 80, 95

Иван Охрименко

Параллели, которые не должны пересекаться

Документальное повествование

Рисковые приключения бродяги, брошенного в водоворот непонятной жизни. Автор из Екатеринбурга чистосердечно рассказывает, как в нем неразрывно слились голодная свобода беспризорной жизни и горячая мечта о море.

100

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Светлана Марченко

Еще одно партийное дело

У «Проталины» появилась возможность узнать подлинный ход событий, изломавших судьбу уральского поэта Михаила Пилипенко. Его стихотворение «Уральская рябинушка» стало песней, и поют эту песню во многих краях.

Многое помогла открыть и понять в этой судьбе поэтическая

«Проталина» — ощущение весны, обновления природы. Литературно-художественный и публицистический журнал под таким названием обрел прописку на Урале, в крае, богатом литературными традициями, и он наполнен голосами самобытных, порой малоизвестных, но, главное, честных авторов.

«Проталина» — внутренний мир неординарно мыслящего человека. Ему сегодня нелегко. Многие любители словесности замечают, что постепенно вымывается мудрое писательское Слово. На смену ему приходят коммерческие поделки, и всему царь — Рубль. Мы решили в какой-то мере помочь начинающим талантливым авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. Настало время говорить в открытую: когда культурные устои рушатся, должны появиться их защитники.

«Проталина» — добрый и мудрый собеседник. Не случайно родился девиз журнала «Дух дышит, где хочет», созвучный христианской мудрости. Дух мудр, всеведущ, и от него разрослась вся культура человечества. Разумеется, в этой культуре нет и не может быть понятия — провинция. Главный принцип издания: всё определяет талант, его духовный и нравственный посыл.

Так что приглашаем вас в путь!

содержание

тетрадь Михаила Пилипенко. Она впервые выходит к читателю из семейного архива. Шестьдесят лет ее рукописные страницы хранили душевные откровения автора.

Михаил Пилипенко

Сердца суровая нежность. Стихи из заветной тетради

110, 118

СПАСИ МЕНЯ, ЛЕОНАРДО!

Елена Минакова (фото автора)

Эчик, который стал Эрдене. Правдивая сказка о жизни

Человек, ставший художником во имя святой памяти о предках. Он прошел трудный, порой мучительный, и все-таки свой счастливый путь.

Эчик Барцев (вернисаж)

170, 176

Елена Минакова (фото автора)

Недолговечность белого листа

Встретились по душам... И каждому нашлось что сказать о своем заветном, о превратностях и радостях в служении искусству. Это были мастер акварели Вячеслав Сизов и мастер полиграфического дизайна Николай Пискулин. Беседовать с ними по-счастливилось главному редактору «Проталины» Елене Минаковой-Черновой.

Вячеслав Сизов. Вернисаж

Николай Пискулин. Вернисаж

122, 132, 134

СЛОВО О ДРУГЕ

От редакции журнала «Проталина»

Его проводили первые листочки

17 мая 2018 года большого художника и дизайнера Николая Пискулина не стало. В течение 10 лет, с первого номера, он был бессменным художественным редактором «Проталины». Работа его — это всегда вдохновенный поиск. Это он стал автором макета — журнал обрел свое лицо. Мы благодарны судьбе, подарившей нам встречу с большим мастером и настоящим другом нашего журнала.

136

СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ

Лев Григорян

Эффект Савраски

Фантастический рассказ молодого автора из Москвы.

138

Николай Медведев

В призме времени. Два рассказа

Наш постоянный автор из Калининграда, бывший уралец, как всегда, на тонкой грани между фантастикой и реальными переживаниями.

144

САТИРЫ

Александр Либих

Крокодил инженера Петрова. Рассказ из старых времен

Необычная история, случившаяся с инженером одного из отделов конструкторского бюро, рассказанная с печальной улыбкой. Рассказ прислан из Челябинска.

152

От редакции журнала «Проталина»

Жизнь на задворках мироздания. Рассказы из портфеля большого писателя

Вспоминаем Владимира Климовича. И из-под его пера выходили сатирические рассказы и фантастические юморески. На рубеже 1990-х он бывал в наших краях и даже участвовал в работе газет «Апрельский литератор» и «Живое слово». Сохранились малоизвестные страницы из его биографии.

Владимир Климович

Размышления о карликах

Землю дали. Весной пахать?

Заведующий (Повесть)

Рассказы, сохранившиеся в портфеле «Проталины»

Валерий Гинкул (иллюстрации).

Николай Рачков (шарж)

Николай Кочнев (фото)

154, 159

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

От редакции журнала «Проталина»

Ещё одна радость архивного поиска

Екатерина Иосифовна Цинговатова... Она считала главной своей задачей донести до читателей все грани писательской судьбы, где она была попутчиком и свидетелем. Нам удалось найти уникальные фотографии, когда-то ею собранные, в которых, как во вспышках магния, отражается далекое прошлое творческих встреч писателя Андрея Платонова.

166

ПРИЗНАНИЯ НАШИХ ПОБЕД

XVI Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России». Впечатления от встречи с Тулой

21 июля 2017 года в Туле состоялось награждение победителей конкурса «Патриот России». И мы радуемся, что «Проталина» получает уже девятую награду! Значит, мы продолжаем работать в нужном направлении. В главной номинации «Россия — великая наша держава» был отмечен Валерий Костюков (г. Берёзовский Свердловской области). За документальный рассказ «Тяжесть балканских объятий» он получил диплом лауреата (3 место).

184–190

СМОТРЮ И ВИЖУ

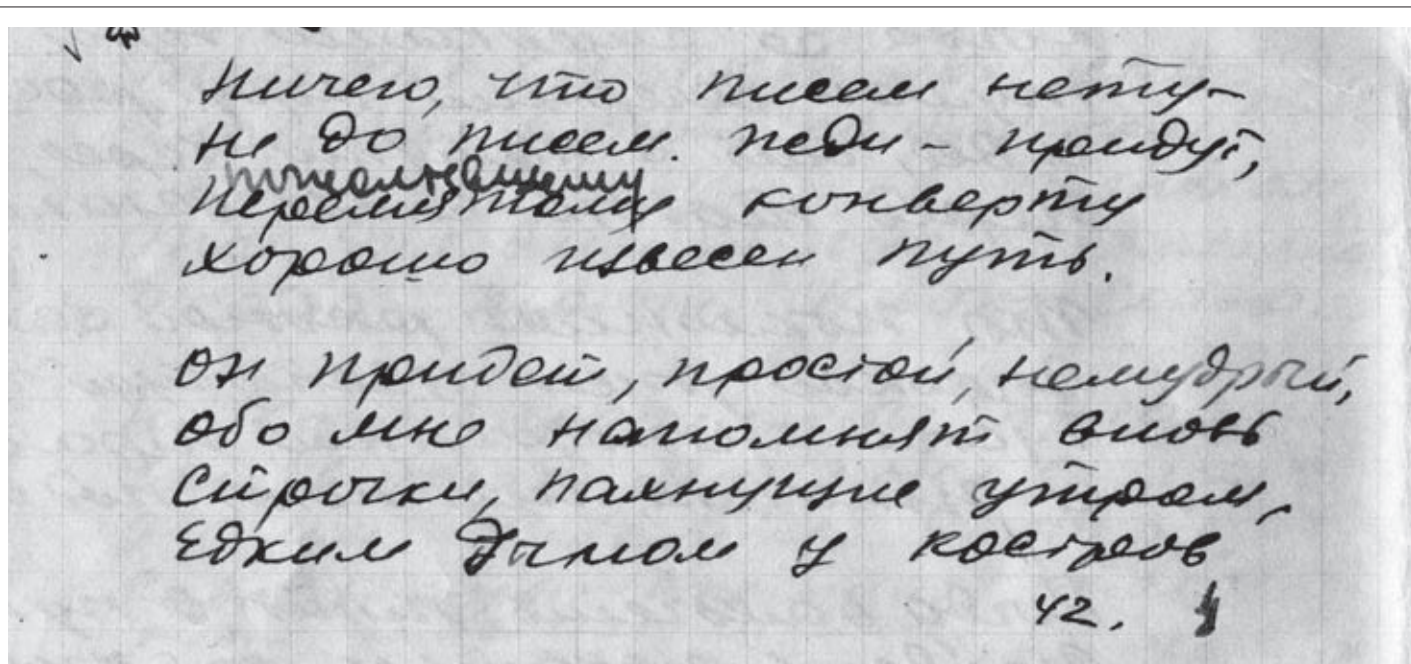
Фотовернисаж «Проталины»

Игорь Подвысоцкий (Екатеринбург)

Сергей Киселёв (г. Тюмень)

Сергей Мальгавко (Омская область, г. Тара)

2-я стр. обл., 50, 143, 63

Автограф на память.

Неизвестные до сегодняшнего дня страницы судьбы поэта Михаила Пилипенко открываются читателям на страницах этого номера. В 2019 году исполняется 100 лет со дня его рождения.

проталина

Литературно-художественный и публицистический журнал
Ежеквартальник

Издается с апреля 2008 года в Екатеринбурге

№ 1-4 (35-38), 2018

Этот номер содержит в себе материалы за 2017-2018 годы

Победитель Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Николай Карамзин» (2009), «Павел Бажов» (2009), «С чего начинается Родина» (2013).
Лауреат Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Наследники Победы» (2010), «Мгновения истории / Моя Россия» (2012), «Моя Россия» (2014), «Мы — Россияне» (2015), «Служу Отечеству» (2016), «Россия — великая наша держава» (2017).

Лауреат тюменского регионального конкурса «Книга года» в номинациях «Журнал года» (2008), «Редактор года — приз имени Панкратия Сумарокова» (2009), «Лучшее журнальное издание» (2011, 2013).

учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Проталина». Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Москва). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66395 от 14 июля 2016 г.

главный редактор Елена Минакова-Чернова

редакция:

зам. главного редактора по литературным вопросам Светлана Марченко,

художественный редактор Николай Пискулин,

технический редактор Игорь Подвысоцкий,
(верстка номера, препресс)

корректор Галина Гломоздова

группа поиска:

Михаил Захаров (Тюмень)
Ирина Филатова
(Калачинск)
Людмила Гришина-
Гривачевская (Киев)

адрес редакции:

620026, Свердловская
область,
г. Екатеринбург,
ул. Луначарского, д. 240,
корп. 1, оф. 7
www.protalina.com
E-mail:
post@protalina.com;
protalina-tmn@yandex.ru
Контактный телефон:
8-922-266-66-12
(Екатеринбург)

первый номер

«проталины» вышел в
2008 году

У истоков журнала стояли
писатель Борис Галязимов
и художник Николай
Пискулин

отпечатано

с готового оригинал-
макета в типографии
Форт Диалог-Исеть,
г. Екатеринбург,
ул. Монтерская, 3
Тел.: (343) 228-02-32
Тираж этого номера
ограничен — 300 экз.
Подписано в печать
10.12.2018 г.
Формат 60х84/8.
Печать офсетная
Бумага мелованная
матовая 80 г/м²
Заказ № _____
Цена свободная

Редакция не рецензирует
рукописи и не возвращает их
авторам. Журнал размещает
рекламу, приглашает
к сотрудничеству спонсоров,
за содержание рекламных
материалов ответственности
не несет. Все финансовые
поступления направляются
на развитие журнала. Мнение
редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов. По
вопросам распространения
обращаться в редакцию.
Подписку на журнал можно
оформить следующим образом:
— Напрямую через редакцию
можно заказать любой из наших
номеров.
— В группе компаний «Урал-
Пресс» во всех федеральных
округах России. Сайт: www.ural-press.ru

наследство машиниста соколова

История из жизни улицы Непомнящего

Э то ничем не приметное, тронутое временем строение имеет свою необычную историю. Хибара, которую трудно назвать домом, многие годы была семейным гнездом машиниста героического бронепоезда № 742 Александра Ивановича Соколова. Поезд носил гордое имя «Патриот».

Теперь в доме Александра Соколова живет его дочь Татьяна. На ее долю тоже выпало немало жизненных испытаний. Она вырастила племянников, оставшихся без отцов. Одна растила и свою дочь. Работала Татьяна крановщицей на заводе — там ее уважали за этот тяжелый неженский труд, там она получила квартиру. Татьяна отдала ее повзрослевшей к той поре дочери, а сама по-прежнему живет в родительском доме. Не зная удобств, она привычно лавирует среди скарба, подернутого патиной времени, даже не представляя иного быта, спокойно приняв отцовское, более чем скромное, наследие.

Этот ишимский домишко, глядящий в мир своими окошками уже век, закладывался в 1917 году. Что-то в нем с годами перестраивалось, лепилось усердием всей семьи, но нутро жилища обреченно хранит все приметы давности. На низком потолке «люстра» в два рожка с разными лампочками. В самодельной нише притулился один из самых первых советских холодильников, до сих пор работающий. Маленький сервант приютил игрушки, книжки и кое-что из посуды. На потерявших свет обоях расположились иконки и модные в свое время поделки с выжиганием. Огородное подворье — неизменная помощь в пропитании. При огороде — классический страж Шарик.

Удивительным образом нужда закалила Татьяну Соколову и сделала ее душу открытой людям. Она, как никто, понимает трудности жизни и всегда готова помочь, чем может.

Почему-то кажется символичным, что улица носит имя Непомнящего, скорее всего, героя гражданской войны. Судьба его не получила широкой известности. Поэтому имя улицы невольно воспринимается как знак исторического забвения.

Место это — территория частного сектора, густо заросшая зеленью, где многие годы жили семьи железнодорожников. Отсюда, из-под крыши дома на улице Непомнящего, отклонив бронь, уходил на фронт в Великую Отечественную машинист Александр Соколов. Он вместе с другими ишимцами участвовал в создании уникального бронепоезда «Патриот», а затем возглавил паровозную фронтовую бригаду.

Известна история этого славного бронепоезда. В составе 58-й дивизии он принял боевое крещение на Курской дуге летом 1943 года. Под ожесточенными ударами немецкой авиации «Патриот» сумел сбить пару «Юнкерсов» и сам тогда получил повреждения. Колеса «крепости» сошли с рельсов, но бой с противником не останавливался. Бойцы сумели вернуть поезд на путь и продолжили бои. Грозно именуясь «крепостью на колесах» и неся страх противнику, сам-то он не защищен, всегда открыт врагу, потому что путь его всегда привязан к рельсам. Он не мог куда-то укрыться и всегда на виду, под постоянным вражеским прицелом! Но «Патриот» не сдавался ни при каких тяжелых моментах — достойно принял бои по освобождению Украины, дошел до западных границ.

Грозная машина впервые была создана на Путиловском заводе еще в годы Первой мировой войны, оттуда и пошла ее героическая слава. В Великую Отечественную войну бронепоезда создавались на добровольно отданные средства железнодорожников и обретали достойные имена: «За Родину!», «Михаил Кутузов»... В депо города Ишима Омской железной дороги был собран бронепоезд «Патриот».

Подробности его фронтовой истории проявились только в последние годы, благодаря стараниям поисковиков и краеведов, поднявших материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Живые участники тех событий могли бы заложить в нашу память бесценные страницы. Но, вернувшись к своим мирным трудам, они погрузились в новые заботы о Родине.

Вернулся тогда, после боев, в свое родное депо и машинист Соколов, переживший ранение. В его трудовой книжке отражена только одна запись, то есть он пожизненно оставался верен своей профессии! По воспоминаниям ишимцев, о войне Соколов говорить не любил, вспоминал редко и с великой горечью, и всегда в его глазах стояли слезы. Свои чувства он иногда доверял баяну...

В Интернете бытует поэма, посвященная бронепоезду «Патриот». Автор ее Валерий Пономарёв с искренней теплотой отразил героические события суровой поры. И рука не поднимется исправить какую-то шероховатость строчки, все остается в неприкосновенности:

Фактов хватит на целую повесть,
материала почти на кино,
Как в Ишиме в войну бронепоезд
был построен когда-то давно.
Вряд ли в памяти все восстановишь,
на защиту страны поднялись
Очень грозный нарком Каганович,
Соколов Александр машинист.

Вспомнить хочется всех поименно,
кто возглавил ответственный труд,
Кто ковал в мастерских бронепоезд,
кто готовил фашистам капут.
Ночевал и дневал в депо Трибурт
и Щипцов Николай инженер,
Души вкладывали в детище люди,
им они подавали пример.

Как салют, стало первое пламя,
бронепоезд готов был, как дар,
Уголь в топку закинул Степанов,
легендарный теперь кочегар.
Бронепоезд, как айсберг, по рельсам,
как гора, весь сверкая броней,
Как со стапелей новенький крейсер,
взволновал весь Ишим мой родной.

Говорить я о нем не устану,
написать готов тысячу строк,
Машинист Александр был Иваныч,
как уже говорил, Соколов.
Хотя в жизни он скромная личность,
не любил говорить лишних фраз,
Но в боях машинист был отличный,
виртуоз, отчаюга и ас.

Так, «без лишних фраз», достойно выражен личный подвиг человека, скромного жителя тенистой улицы Непомнящего.

Редакция журнала «Проталина»

В одну дверь можно войти, а за другой — кое-что найти

С кухни начинается отсчет дней...

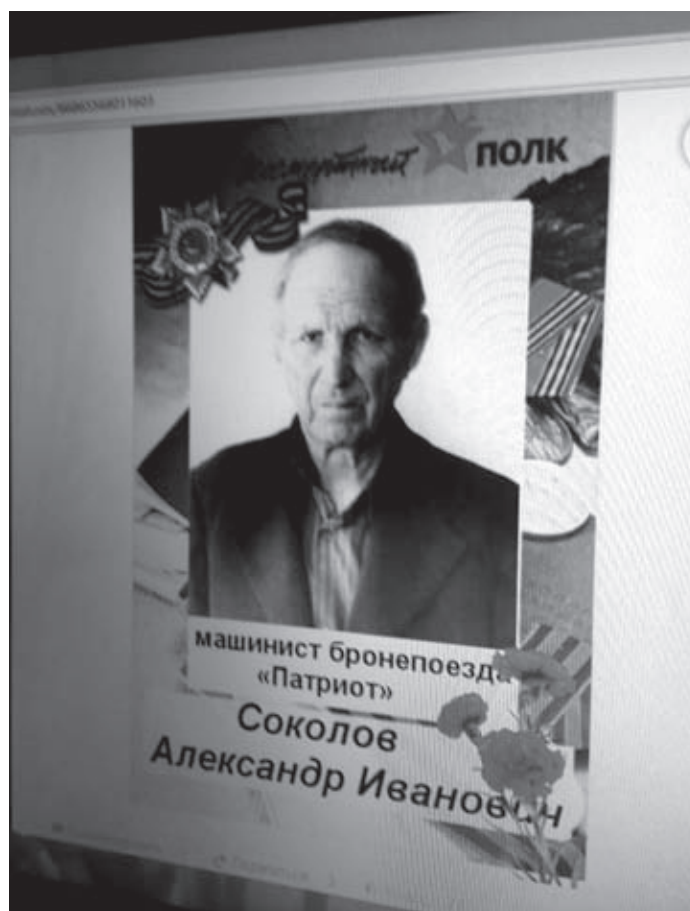
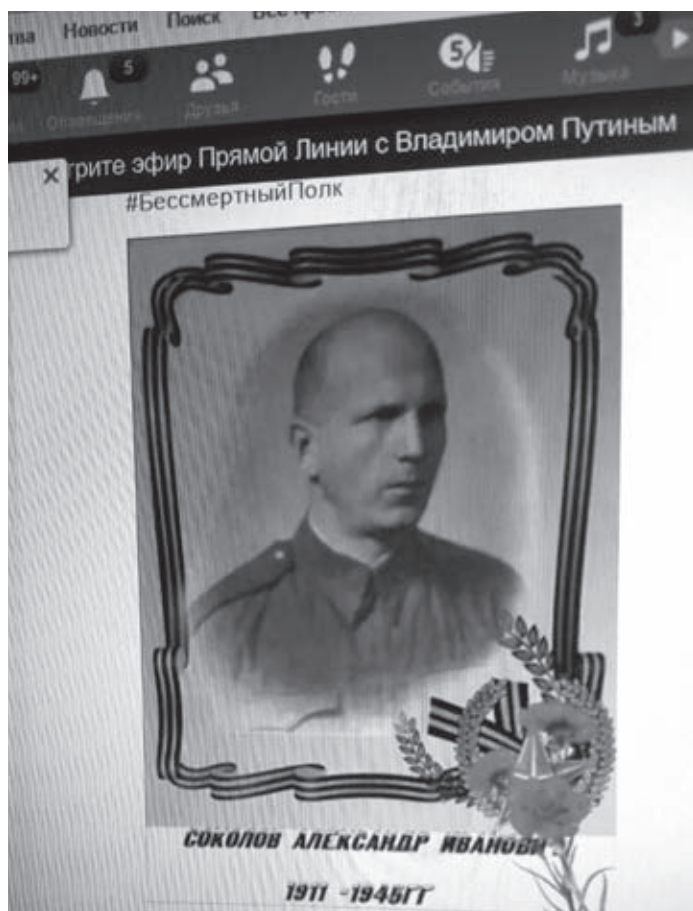
И стоит этот дом с незапамятных времен на улице Непомнящего

Сервант, выдавший виды, хранит воспоминания

Шарик. Верный страж при исполнении

Александр Иванович Соколов (снимки с монитора). О его боевом пути теперь можно узнать в Интернете

Татьяна Соколова (крайняя справа) в окружении соседей, с которыми неразрывна дружба с детских лет

Ольга Смолянская

как погибала семья смолянских

ВРЕМЯ СТИРАЕТ В ПАМЯТИ ОСТРОТУ КОГДА-ТО ПРОИСХОДИВШЕГО. УХОДЯТ ПОСЛЕДНИЕ УЧАСТНИКИ И СВИДЕТЕЛИ ТОЙ ЖИЗНИ, КОТОРАЯ ИМЕНУЕТСЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХОЙ. ГДЕ-ТО НЕНАМЕРЕННО, А ГДЕ-ТО И ПРЕДНАМЕРЕННО ЗАБЫВАЮТСЯ ТРАГИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ.

НОВЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ, ПРИШЕДШИМИ СО СВОИМИ ЧАЯНИЯМИ, НАДЕЖДАМИ И СВОИМИ ЗАКОННЫМИ ПРАВАМИ НА СЧАСТЬЕ, ФОРМИРУЕТСЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЙ МИР. В НЕМ, КАК ВСЕГДА, ЕСТЬ МЕСТО НАСТОЯЩИМ ПОБЕДАМ, ПОДВИГАМ И ОТКРЫТИЯМ — ЭТО НЕИЗБЕЖНО И ПРЕКРАСНО, ИБО ЭТО ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД. НО В ЭТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ ОСТРО ЧУВСТВУЕТСЯ ЯВНЫЙ ОТРЫВ ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ. ЛЮДИ НЕРАВНОДУШНЫЕ, САМЫХ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ, СЕГОДНЯ ОСОБЕННО ОБЕСПОКОЕНЫ ВОПРОСАМИ: ПОЧЕМУ В НАШЕМ ЦИВИЛИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ ТО И ДЕЛО ВОЗНИКАЮТ МЕЖДОУСОБИЦЫ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ ЖИЗНИ — ОТ СПОРТА ДО ПОЛИТИКИ, ПОЧЕМУ ПОРОЙ ПЕРЕВОДЯТСЯ СТРЕЛКИ, ОТВЛЕКАЮЩИЕ ОТ ГЛАВНОГО, ЧТО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСОВАТЬ И ЗАБОТИТЬ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ?

ВАЖНО ПОНЯТЬ, НАСКОЛЬКО ТЕПЕРЕШНЕЕ ОКАЗАЛОСЬ ЗАВИСЯЩИМ ОТ ЛЕГКОВЕСНОГО ОТНОШЕНИЯ К НЕКОТОРЫМ «ОШИБКАМ ИСТОРИИ».

И ЭТОТ ГРУЗ НИКОГДА НЕ ОСТАНЕТСЯ ПРОСТО ДОСТОЯНИЕМ АРХИВОВ. ЭТО БУДЕТ ВСЕГДА ПУЛЬСИРОВАТЬ — В КАЖДОМ НАШЕМ ДНЕ.

МАТЕРИАЛ, КОТОРЫЙ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ, НЕ ПРОСТО ЧАСТНАЯ ТРАГЕДИЯ, А ЗЕРКАЛО ВСЕХ НАШИХ ПРЕСТУПНЫХ ЗАМАЛЧИВАНИЙ.

«Проталина»

СТРАШНОЕ ВРЕМЯ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ ОЧЕНЬ БОЛЬНО ПРОШЛОСЬ ПО ВСЕЙ СЕМЬЕ МОЕГО ОТЦА. СУДЬБА ЗАГОТОВИЛА ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ СМОЛЯНСКИХ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТЯЖЕЛУЮ БИОГРАФИЮ. УДАР СЛЕДОВАЛ ЗА УДАРОМ.

О том, что почти все родственники моего отца ушли в ГУЛАГ и не вернулись, а выжил только он один, я знала с детства. Но, к сожалению, мой отец умер, когда мне было всего пять лет, и из его воспоминаний я очень мало что помню. Больше помню из рассказов моих двоюродных братьев и сестер, чьи родители были арестованы и расстреляны, и которые воочию помнят и пережили это страшное время.

В 2016 году я решилась на этот непростой для меня шаг и сделала запросы в архивные фонды УФСБ по Санкт-Петербургу и Москве.

Первые материалы я получила об отце по ленинградскому и московскому делам и впервые за всю свою жизнь увидела фотографии, сделанные в дни ареста. На одном снимке ему 30 лет, на другом — 35 лет. Я-то помнила его с выбитыми зубами, очень пожилым, больным и измученным жизнью.

После прочтения и изучения этих материалов я заболела. Я поняла, что он пережил и какой надо было обладать силой и тягой к жизни, чтобы выстоять в борьбе. Откуда он брал силы? Это, наверно, остается загадкой природы человеческого духа.

Позднее я получила материалы на двух его расстрелянных братьев и их жен, а также на брата, который погиб в ГУЛАГе.

Старший брат моего отца Смолянский Григорий Борисович был арестован 26 июля 1937 года. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1937 года на основании ст.ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР Смолянский Г.Б. был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 27 октября 1937 года.

Григорий Борисович родился в 1890 году, уроженец города Чернобыля, там он прожил до 1903 года. Учился в бобруйской гимназии. С 1910 года учился в Сорбонне (юридический факультет) в Ecole de France (Париж), в Лозанне (медицинский факуль-

тет). Активный член партии левых эсеров до 1918 года, с 1920 года член УКП(б). Профессиональный революционер. В 1913 году был арестован и осужден на вечное поселение за принадлежность к Киевской партии эсеров. Находился в ссылке в Томске, откуда бежал. Автор популярной книги о левых эсерах — повесть называлась «Обреченные», она была написана после его перехода в партию большевиков. В 1919 году Григорий Борисович Смолянский был арестован денкинцами в Киеве, но затем освобожден Красной Армией. С 1921 года до ареста работал в Коминтерне, политпомощник секретаря Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) ЭРКОЛИ, редактор журнала «Коммунистический Интернационал».

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 марта 1956 года приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1937 года отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

4 ноября 1937 года, почти следом за арестом Григория Борисовича, была арестована и его жена Смолянская Анна Аркадьевна.

Анна Аркадьевна родилась в городе Мозырь (Белоруссия) в 1897 году. Член ВКП(б) с 1918 года (после ареста мужа была исключена). До ареста работала секретарем учебной части театрального института.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 22 ноября 1937 года, как «член семьи изменника Родины», Анна Аркадьевна была заключена в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Из ГУЛАГа Анна Аркадьевна не вышла, не выдержала, погибла.

Определением Военной коллегии Верховного суда от 2 июня 1956 года постановление Особого совещания при НКВД СССР от 22 ноября 1937 года отменено, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

У Григория Борисовича и Анны Аркадьевны остался 13-летний сын Владимир. После ареста родителей воспитывался у родственников. Несмотря на тяжелое детство, сиротство участвовал в Великой Отечественной войне, окончил юридический факультет МГУ. Защитил докторскую диссертацию, был философом, заслуженным деятелем науки РСФСР, работал в Институте государства и права.

Подробности жизни Анны Аркадьевны и Григория Борисовича изучает их внучка Наталья Владимировна Смолянская для будущей своей книги. Она художник, проживает в Москве.

У Анны Аркадьевны была родная сестра Татьяна Аркадьевна, по мужу Фиш. Ее муж Геннадий Фиш — писатель. Татьяна Аркадьевна работала в издательстве «Художественная литература». Она принимала у писателя Анатолия Рыбакова к изданию в журнале «Дружба народов» его рукопись «Дети Арбата». Все это подробно описано в книге последней

Александр Борисович Смолянский. Февраль 1954 года.
Поселок Северо-Енисейск (в ссылке на поселении)

жены писателя — Татьяны Рыбаковой — «Счастливая ты, Таня».

15 февраля 1938 года был арестован второй брат моего отца Смолянский Лев Борисович.

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 сентября 1938 года на основании ст.ст. 58-2, 58-6, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР Смолянский Лев Борисович был осужден к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 16 сентября 1938 года. Место захоронения точно неизвестно, предположительно Бутово.

Лев Борисович Смолянский, 1893 года рождения, уроженец Киева. Профессиональный революционер. С 1911-го по 1917 год — эсер, с 1917-го по 1918 год — левый эсер, с 1918-го по 1920 год — левый эсер-борьбист. С 1920 года — член ВКП(б). Окончил коммерческое училище в Киеве. С 1914-го по 1917 год находился в ссылке в Нарыне, где и женился. Работал в руководстве украинских профсоюзов. До ареста — начальник Главного управления трудовых устройств Наркомсобеса РСФСР.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 апреля 1956 года приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 сентября 1938 года отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Александр Борисович — главный инженер механического завода, где он проработал с 1954-го по 1961 год, до последних дней жизни. Фотография 1959-1960 годов

Спустя пять месяцев после ареста Льва Борисовича, 3 июля 1938 года была арестована его жена Смолянская-Ямпольская Минна Борисовна. Основанием к заключению послужило то, что ее муж Смолянский Л.Б. был осужден в 1938 году за контрреволюционную деятельность.

Минна Борисовна Смолянская-Ямпольская, 1892 года рождения, место рождения — город Умань. Профессиональная революционерка. С 1911-го по 1912 год состояла в партии левых эсеров. До революции арестовывалась в 1907 и 1908 годах за распространение прокламаций в Умани. В 1913 году была арестована в Одессе и просидела 9 месяцев. В 1915 году, находясь в ссылке в Нарыне, вышла замуж за Льва Смолянского.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 22 октября 1938 года, как «член семьи изменника Родины», Смолянская-Ямпольская М.Б. была заключена в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Из лагеря она вышла, полностью потеряв все здоровье, и спустя короткое время умерла от рака.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 апреля 1956 года постановление Особого совещания при НКВД СССР от 22 октября 1938 года отменено, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

На момент ареста Минны Борисовны в их семье было трое детей. Их выселили из квартиры в комнату. Дети остались без средств к существованию. Они прошли очень тяжелый жизненный путь, узнали силу слабости и мощь немощи, испытали положение детей «врагов народа», когда многие близкие и знакомые из-за страха перестают узнавать и общаться, учились и работали. Старшая дочь Аида работала артисткой в театре Блюменталь Тамариной. Марк окончил институт, защитил диссертацию и преподавал в педагогическом институте им. Ленина в Москве, был заместителем главного редактора журнала «Квант». Младшая дочь Мэри преподавала французский язык. А ее дочь, Ирина Каплун, в 70-е годы принимала активное участие в правозащитной деятельности. Была арестована, и год провела в застенках Лефортовской тюрьмы. По трагическому стечению обстоятельств в 1980 году в автомобильной катастрофе в Литве погибли все ее дети и единственная внучка. Трагическая судьба родителей повторилась в детях. Что может быть страшнее?

После ареста двух старших братьев моего отца и их расстрела последовал первый арест моего отца.

Александр Борисович Смолянский, 1908 года рождения, родился в Киеве, до ареста проживал в Ленинграде и работал руководителем гр. оборуд-

Поселок Большой Исток Свердловской области. Антонина Васильевна и Александр Борисович незадолго до появления на свет их дочери Ольги

дования «Главцемент» (как написано в протоколе допроса).

5 октября 1938 года он был арестован Управлением НКВД по Ленинградской области с обвинением в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР (участие в контрреволюционной организации).

Приговором Военного трибунала Ленинградского военного округа от 15-19 июня 1939 года оправдан по указанным статьям за недоказанностью обвинения и тут же осужден по ст. 109 УК РСФСР на 3 года лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1940 года оправдательный приговор оставлен в силе, а приговор по ст. 109 УК РСФСР отменен за отсутствием состава преступления. 27 августа 1940 года отец был освобожден из-под стражи. В Ленинграде оставаться было очень опасно, и отец вынужден был скрываться где-то под Ленинградом, боясь нового ареста. С началом войны ему удалось уехать в Москву.

В 1943 году был сделан донос на моего отца и двух его братьев Смолянского Якова Борисовича и Смолянского Вениамина Борисовича.

Яков Борисович Смолянский работал в ЦКП(б), в МПС и Совете Министров, генерал, главный референт у Лазаря Моисеевича Кагановича. Благодаря вмешательству Кагановича, который очень ценил Якова Борисовича, тот не был арестован.

13 декабря 1943 года в один день были арестованы сразу два родных брата — мой отец Александр Борисович и Вениамин Борисович. Для отца это был уже второй арест в его жизни. Для Вениамина Борисовича — первый и последний. Из ГУЛАГа живым он не вернулся.

Вениамин Борисович Смолянский, 1899 года рождения, уроженец города Киева. До ареста работал начальником планового отдела управления рабочего снабжения Главгазтопрома при СНК СССР.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13 мая 1944 года в соответствии со ст.ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР «за антисоветскую агитацию» Смолянский В.Б. заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. В 1947 году, спустя четыре года после ареста, он умер в Нижнетагильском лагере.

В 1957 году Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 15 ноября 1957 года Смолянский В.Б. реабилитирован.

Мой отец Александр Борисович Смолянский до второго ареста работал старшим инженером производственного отдела Главуглемаша Наркомугля СССР.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 26 августа 1944 года в соответствии со ст.ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР «за участие в антисоветской группе и антисоветскую агитацию» Смолянский А.Б. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Находясь в заключении, работал в группе Туполева (шарашка). Все это описано в романе А. Солженицына «В круге первом», а позднее, после расформирования, прошел трудовую каторгу и путь от Калининграда, закончив его лесоповалом в 1953 году в Красноярском крае, Северо-Енисейском районе, на руднике Советский, где после окончания 10-летнего срока был приговорен отбывать пожизненную ссылку на поселении.

И только в 1954 году решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР был освобожден, и ему было разрешено следовать к избранному месту жительства.

Избранным местом жительства была Москва, где 11 лет назад его арестовали. Теперь он вернулся к своим родным сестрам Розалии Борисовне и Фане Борисовне, которые все эти годы ждали его, беспокоились и посылали посылки. В течение 5 лет связи с отцом вообще не было никакой. Его мама Анна Исааковна, которая так много пережила, не дождалась своего сына. Умерла незадолго до его

Поселок Большой Исток. 1959 год. Ольга со своим отцом Александром Борисовичем рядом с парком, куда они ходили гулять

Ольга Александровна со своей тетей по отцу Розалией Борисовной Смолянской. Из воспоминаний племянницы: «Она владела пятью языками и последние годы работала у писательницы Софьи Марковны Нельс (шекспировед). Всегда оставалась принципиальной, верной своим братьям. Помогала отцу после освобождения из лагеря, когда он вернулся в Москву. Его принимали две его родные сестры — Роза и Фаня. После ухода отца из жизни и до самых последних дней мы поддерживали отношения. Вечная им память»

возвращения. Как известно, после ареста отца его первая жена сразу отказалась от него.

В Москве отца ждали большие трудности с устройством на работу. Трудовая книжка оставалась в НКВД, и устроиться можно было только в определенном ограничительном радиусе от Москвы (200 км), а это оказалось невозможным. Отец уехал на Урал, в Свердловскую область, в поселок Большой Исток, где проработал главным инженером механического завода до самой смерти. В 1961 году в возрасте 53 лет, прожив всего 7 лет после возвращения из ГУЛАГа, отец умер. Отцу досталось недолгое семейное счастье — он встретил Антонину Васильевну, человека, который смог понять, разделить его нелегкую судьбу и создать семью. В 1956 году у них родилась я. В возрасте около двух лет я перенесла тяжелую форму полиомиелита (с параличом трех конечностей). Так на всю жизнь я стала инвалидом.

автобиография

Я, Смолянская Ольга Александровна, родилась в 1956 году в поселке Большой Исток, Сысертского района, Свердловской области. С 1968 года постоянно живу в Екатеринбурге. По специальности я экономист. В 1978 году окончила Свердловский институт народного хозяйства и работала в ПО «Уралэлектротяжмаш». В настоящее время нахожусь на пенсии и пытаюсь осмыслить то время и те события, которые моему поколению и поколению моих родителей пришлось пережить. Увлекаюсь изучением языков. В течение нескольких последних лет пыталась познать и изучить древнееврейский язык (иврит). Люблю художественную литературу. Очень жаль, что не хватает времени и сил на многое. Несмотря на все трудности и проблемы, все равно в жизни очень много интересного и прекрасного. Очень радуюсь, когда встречаюсь и общаюсь с хорошими людьми, а их немало.

А в 5 лет я осталась без отца, с мамой, с ней я и прожила всю жизнь до 2012 года, когда она покинула этот мир.

Еще при жизни отец добился реабилитации. Все реабилитированы, но раны на сердце и в душе не заживают.

Прочитав и изучив полученные из архивного фонда УФСБ материалы о трагической гибели фактически всей моей семьи Смолянских и пропустив все это через сердце, я пришла к мысли, что Россия умерла в ГУЛАГе, если не навсегда, то, наверное, на целое столетие. Убили и погубили миллионы не только великих, но и простых замечательных людей, которые своим мышлением, творческим потенциалом, культурой могли изменить жизнь, внести большой вклад в науку, искусство, политику. И все-таки они оставили после себя такие понятия, как интеллигентность, культура, миролюбие и самое главное — совесть!

голгофа смолянских

Документы, свидетельствующие о преступлениях и безнаказанности

История этого мучительного поиска — дело наших дней. В 2016 году екатеринбурженка Ольга Александровна Смолянская решила все-таки найти следы трагической гибели своей большой семьи. День за днем, мужественно и терпеливо она вела переписку с Центральным архивом Федеральной службы безопасности Российской Федерации, чтобы по мере сил восстановить справедливость и наконец узнать, как все было...

Шесть членов ее большой трудовой семьи пострадали в ГУЛАГе. Двое были расстреляны в 1937 и 1938 годах. Один умер в лагере. А трое, пройдя пытки, допросы и лагеря, потеряв здоровье, обрели свободу уже инвалидами, и дни их были сочтены.

По каждому из пострадавших Ольга Смолянская собрала отдельную папку с ответами на запросы, и копии этих документов передала в редакцию «Проталины». Только теперь она смогла впервые увидеть лица родных на фотографиях, сделанных при аресте.

Страница за страницей встает обвинительный акт чудовищного злодеяния.

Содержание каждой папки стандартно и выстраивается по фактически одной схеме:

1. Ордер Главного управления государственной безопасности НКВД на производство ареста и обыска.
2. Анкета арестованного.
3. Протокол допроса.
4. Приговор.
5. Справка (о приведении приговора в исполнение).
6. Определение Военной коллегии Верховного суда СССР (об отмене приговора).

Эти дела настолько полны дотошного бреда, допущенного в процессе допросов, и такая видна казуистика, что просто невозможно все это представить в полном объеме! Мы решили показать наглядно хотя бы некоторые моменты.

григорий борисович смолянский

В деле этого человека все тот же стандартный бумажный набор. Открывается дело Ордером Главного управления государственной безопасности НКВД на производство ареста и обыска № 3655 от 26 июля 1937 года и Анкетой арестованного. Затем следуют сразу два протокола допроса. Один — от 27 июля 1937 года, второй — от 28 сентября 1937 года. Общий объем запротоколированного — 32 страницы машинописного текста!

Обращает на себя внимание такой момент: на каждый короткий и определенно провокационный вопрос следует шесть-восемь страниц ответа подудимого, как будто человек заранее охотно готовился к обстоятельному докладу. Вот пример вопросов: «Что вам известно о работе контрреволюционных групп организации в зарубежных странах?» Ответ на шести страницах! Вопрос: «Что вам известно о

контакте вашей организации с другими организациями в СССР и за границей?» Ответ на восьми страницах!

В протоколе допроса перечислены все члены семьи и родственники: жена, сын (13 лет), братья, сестры — не упущен никто...

Смолянскому инкриминируется участие в троцкистско-правой антисоветской организации. Следует признание арестованного. На страницах то и дело мелькают штампы: «разложение секции...», «путем разжигания...», «с целью срыва указаний...».

Приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР подписан в закрытом судебном заседании в Москве 27 октября 1937 года. Подписан очередной «тройкой». Фамилии известные:

«Председательствующий: армвоенюрист В.В. Ульрих

Григорий Борисович Смолянский. Июль 1937-го. Фотография сделана в день ареста

Члены: бригавоенюрист Рутман и Стельмахович
При секретаре: военном юристе 1 ранга т. Кондра-
тьеве».

Содержание приговора:

«Григория Борисовича Смолянского подвергнуть
вышей мере наказания — расстрелу с конфискацией
лично ему принадлежащего имущества. Приговор окон-
чательный и приводится в исполнение немедленно».

Документ о незаконной расправе называется про-
сто: «Справка». В справке указано: «Приговор о рас-
стреле приведен в исполнение 27.X.1937г.», — то есть
действительно «немедленно».

Итог этого дела — вопиющее свидетельство невино-
вности расстрелянного — Определение Военной кол-
легии Верховного суда СССР от 17 марта 1956 года.

Выдержка из документа:

«Из материалов дела усматривается, что Смолян-
ский в предъявленном ему обвинении виновным себя
признал и заявил, что в контрреволюционную орга-
низацию он был завербован в 1934 году Бела Куном...
Дополнительной проверкой по делу Смолянского

установлено, что его признательные показания в кон-
трреволюционной деятельности в Коминтерне не со-
ответствуют действительности.

В настоящее время установлено, что Бела Кун, Кно-
рин и Пятницкий за антисоветскую деятельность
были осуждены необоснованно...

Кроме того, в ходе проверки были допрошены быв-
шие работники Коминтерна, которые дали Смолян-
скому положительные отзывы и характеризуют его
как честного партийного работника.

Рассмотрев материалы дела, Военная коллегия Вер-
ховного суда СССР определила:

Приговор от 27 октября 1937 года в отношении Смо-
лянского Г.Б. отменить по вновь открывшимся обсто-
ятельствам и дело прекратить за отсутствием состава
преступления».

И опять якобы объективный анализ! Нашлись но-
вые обстоятельства, доказывающие невиновность по-
страдавшего. Но те, от кого он пострадал, остались не-
подсудны тогда, неподсудны и по сей день.

анна аркадьевна смолянская

Анна Аркадьевна Смолянская (жена Григория Борисовича). 4 ноября 1937-го. Фотография сделана в день ареста

Ордер Главного управления государственной безопасности НКВД на производство ареста и обыска № 941 датирован 4 ноября 1937 года. В Анкете арестованного собраны все данные по биографии. Дата анкетирования — 4 ноября 1937 года. Муж Анны Аркадьевны — Григорий Борисович Смолянский, расстрелян неделю назад — 27 октября.

И как кощунственно звучит первый вопрос протокола: «Где и когда вы познакомились со Смолянским?»

Дальше следуют вопросы: «Состояли ли вы в каких-либо группировках?», «Были ли за границей?», «Что известно об антисоветской и контрреволюционной деятельности Смолянского?», «Какие вам известны связи Смолянского?». Анна Аркадьевна отвечает очень кратко: «Нет», «Мне ничего неизвестно», «Служебные связи Смолянского мне неизвестны».

Следующий документ в деле: «Выписка из протокола Особого совещания при Народном Комиссаре

Внутренних дел СССР от 28 ноября 1937 года. В графе «Постановили» указывается:

«Смолянскую Анну Аркадьевну — как члена семьи изменника родины — заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, сч. срок с 4/XI-37 г. Дело сдать в архив».

В Определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июня 1956 года устанавливается:

«Смолянская репрессирована была в связи с тем, что ее муж, то есть Смолянский Григорий Борисович, осужден был за совершение контрреволюционного преступления...

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 22 ноября 1937 года в отношении Смолянской Анны Аркадьевны отменить и дело за отсутствием состава преступления прекратить».

лев борисович смолянский

Лев Борисович Смолянский. Февраль 1938. Фотография сделана в день ареста

Ордер Главного управления государственной безопасности НКВД на производство ареста и обыска № 712 датирован 15 февраля 1938 года. Тогда же, в феврале, была заполнена Анкета арестованного. И только спустя два с половиной месяца состоялся допрос. Протокол допроса подписан 30 апреля 1938 года. Содержание этого допроса занимает 27 машинописных страниц!

Следователь бомбардирует наводящими вопросами. Но на все арестованный отвечает: «Я категорически отрицаю предъявленное мне обвинение», «Я буду говорить правду». Однако, начиная с четвертой страницы, абсолютно меняется ход допроса. Смолянский вдруг заявляет: «Дальнейшее заpiresательство бесцельно...» И следует многостраничное признание: «Я признаю, что с 1920 года и до дня ареста являлся участником антисоветской организации эсеров-борьбистов и принимал активное участие в террористической, вредительской и шпионской деятельности». Примечательно, что каждый ответ допрашиваемого подкреплен его личной подписью. Есть и такая формулировка ответа: «Вредительством занимались все лица, входившие в организацию, каждый в своей отрасли работы». Это звучит как фраза какого-то трибунно-

го докладчика по итогам долгих исследований. И совершенно выбивается... потому что очевидно: это реально выбито! Можно себе представить, каким мучительством добывались такие ответы.

Приговор за тремя подписями выносится 16 сентября 1938 года — через несколько месяцев после допроса. Отдельной справкой извещается: «Приговор о расстреле Смолянского Льва Борисовича приведен в исполнение в городе Москве 16 сентября 1938 года».

Определение Военной коллегии Верховного суда СССР выносится 28 апреля 1956 года. Рукописный текст! Недрогнувшей рукой, как в порядке вещей, сообщается:

«...Установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о невиновности Смолянского, ввиду чего приговор подлежит отмене, а дело Смолянского прекращению, за отсутствием состава преступления, по следующим основаниям:

В суде Смолянский виновным себя не признал, показания, данные им на предварительном следствии, не подтвердил и заявил, что никакого участия в подготовке террористического акта он не принимал...»

минна борисовна смолянская-ямпольская

Минна Борисовна Смолянская-Ямпольская (жена Льва Борисовича). 4 июля 1937-го. Фотография сделана в день ареста

Ордер Главного управления государственной безопасности НКВД на производство ареста и обыска № 198 датирован 3 июля 1938 года. Анкета арестованного заполнена 4 июля. Самое пристальное внимание — к составу семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий).

В Протоколе допроса от 2 августа 1938 года уже подробно выясняется все о родственниках — в первую очередь, о близких мужа Льва Борисовича Смолянского: где кто живет и кем работает, с кем наиболее активная связь? Арестованная называет восемь человек: у Льва Борисовича четыре брата, три сестры и мать Ханна Исаковна, проживающая в Киеве. На вопрос: «Назовите близких знакомых мужа Смолянского Льва Борисовича?», — арестованная отказывается отвечать. Вот ее слова: «Об этом должен сказать сам Смолянский».

Выписка из протокола Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР датирован 22 октября 1938 года. Минна Борисовна Смолянская, как «член семьи изменника родины», получает срок 5 лет в «исправтрудлагере».

Определение Военной коллегии Верховного суда СССР выносится 28 апреля 1956 года, то есть в тот же самый день, когда было вынесено такое же Определение в отношении мужа Минны Борисовны — Льва Борисовича Смолянского.

Содержание лаконично:

«...Постановление Особого совещания при НКВД СССР в отношении Смолянской-Ямпольской Минны Борисовны отменить и дело о ней в установленном порядке прекратить за отсутствием состава преступления».

В качестве основания для отмены дела приводится тот факт, что «дело на ее мужа Смолянского Л.Б. прекращено, и он полностью реабилитирован, а сама она никаких преступлений не совершала».

александр борисович смолянский

Александр Борисович Смолянский. Фото 1938 года

Этот же человек через пять лет. Фото 1943 года

Александр Борисович (по материалам дела — Абрам Беркович) Смолянский первый раз был арестован 5 октября 1938 года в Ленинграде по обвинению «в диверсионной деятельности и участии в контрреволюционной организации». Анкета арестованного и Протокол допроса датируются 5 октября 1938 года.

Первый вопрос следователя: «Назовите Ваших родственников и знакомых, проживающих в СССР».

Ответ арестованного:

«Из моих родственников проживают в СССР:

1. Смолянский Григорий Борисович, 45-47 лет, арестован в 1937 году, за что не знаю, до ареста работал на руководящей работе в Коминтерне.

2. Смолянский Лев Борисович, 42 лет, арестован в 1938 году в г. Москве, за что, не знаю, до ареста работал в ЦК ВКП(б)...»

Следователь тщательно записывает слова арестованного. На момент допроса оба брата — и Григорий, и Лев — уже расстреляны.

Второй вопрос следователя: «Назовите Ваших родственников и знакомых, проживающих за границей».

Ответ арестованного: «Родственников и знакомых, проживающих за границей, у меня нет». И, наконец, последний вопрос следователя: «Назовите ваших родственников и знакомых, арестованных органами НКВД». Ответ: «Кроме указанных двух моих братьев, арестованных органами НКВД, у меня никого нет».

Второй арест состоялся 13 декабря 1943 года. Постановлением Особого совещания НКВД СССР от 26 августа 1944 года «за участие в антисоветской группе и антисоветскую агитацию» Александр Борисович Смо-

лянский был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Протоколы двух допросов — от 15 декабря и 17 декабря 1943 года. Появляются четкие детали и даже фиксируется время: начало допроса — в 23.50, окончание — в 2.40 (то есть глубокой ночью!). Содержание вновь и вновь сводится к перечислению имен:

Вопрос: «Назовите ваших родственников».

Ответ: «Я имею двух братьев и трех сестер...» (Александр упоминает только братьев Якова и Вениамина).

Вопрос: «Лев и Григорий Смолянские вам известны?»

Ответ: «Да, известны, они мои родные братья».

Вопрос: «Где они находятся?».

Ответ: «Оба они были арестованы в 1937 году. После этого я о их местонахождении сведений не имел».

Вопрос: «С какой целью, отвечая на ранее поставленный вам вопрос, вы скрыли факт ареста своих братьев?».

Ответ: «Я упустил о них из виду».

Следователя беспокоит и то, с кем и когда Александр Борисович мог обсуждать факты ареста братьев. Больше вопросов в протоколе не имеется.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 31 октября 1956 года Александр Борисович Смолянский реабилитирован. Об этом сообщается в письме из Центрального архива ФСБ Российской Федерации от 19.05.2016 года, полученном дочерью Александра Борисовича Смолянского — Ольгой Александровной.

ВЕНИАМИН БОРИСОВИЧ СМОЛЯНСКИЙ

Вениамин Борисович Смолянский. Фотография сделана в начале 1940-х, за год-два до ареста

Вениамин Борисович Смолянский был арестован 13 декабря 1943 года, то есть в тот же день, когда был арестован и его брат Александр. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13 мая 1944 года «за анти-советскую агитацию» он был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

Умер он в ИТЛ 28 сентября 1947 года.

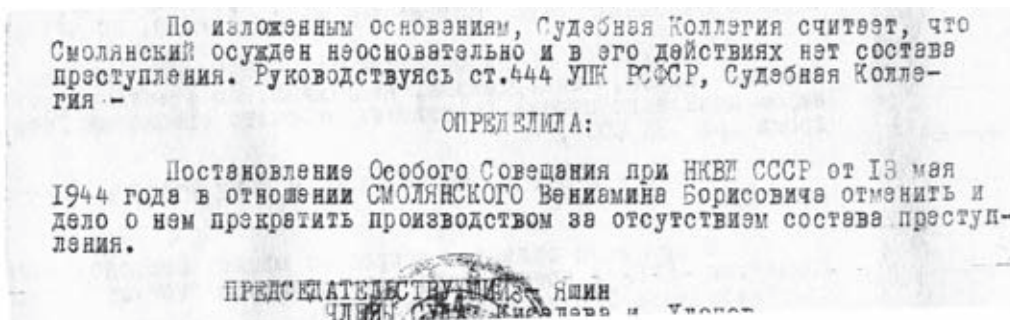
Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 15 ноября 1957 года Вениамин Борисович Смолянский реабилитирован. Об этом сообщается в письме из Центрального архива ФСБ РФ от 29.07.2016 года, полученном дочерью репрессированного Александра Борисовича Смолянского — Ольгой Александровной. Для

сведения сообщается, что материалы указанного дела еще только проходят процедуру рассекречивания в Верховном суде РФ и Генеральной прокуратуре РФ.

Протоколы нескольких допросов Вениамина Смолянского, подписанных в декабре 1943-го, феврале, марте и апреле 1944-го, отражают ту же бесчеловечную и трусливую позицию чудовищной машины советского «судопроизводства».

Редакция журнала «Проталина»

Редакция благодарит Галину Александровну Кочурину за активное участие в подготовке материала к печати

Из Определения Судебной коллегии от 15 ноября 1957 года

Ирина Филатова

ПОСМЕРТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ирина Филатова — постоянный автор «Проталины», ныне живет в городе Калачинске Омской области. А наша творческая дружба завязалась, когда она жила и работала в Испании, в Барселоне. Несмотря на отдаленность, она уже тогда, почти десятилетие назад, начала активно работать с архивами, раскрывающими неизвестные страницы истории Великой Отечественной войны. Целый цикл ее публикаций в «Проталине» был связан с драматической, на многие годы засекреченной трассой АЛСИБ. Во время войны западные союзники оказывали советской стране многостороннюю помощь. По этой трассе через Россию наши летчики перегоняли американские бомбардировщики к линии фронта. При расследовании конкретных трагических событий в материалах Ирины Филатовой оживали забытые имена, безвестные захоронения обретали памятники. Много удалось узнать только спустя годы.

Продолжая работать с историческими документами, журналистка обратила внимание на событие, связанное с авиационной службой уже в мирное время — на рубеже 1980-1990-х. Поразительно, что драматизм далеких военных лет оказался созвучен с происшествиями нашего времени. Об этом и повествует автор на страницах журнала.

«Проталина»

В одном из выпусков журнала рассказывалось о гибели целой эскадрильи, вылетевшей из уральского города Свердловска 11 февраля 1944 года*. Летчики перегоняли на фронт американские самолеты «Аэрокобра» через города Татарии и Чувашии до Иваново. В этот день в Казани было объявлено штормовое предупреждение, стоял густой туман. Однако вопреки здравому смыслу, игнорируя метеосводку, начальник отдела перелетов УрВО полковник Коробко выпустил на трассу 22 самолета. Он считал, что вскоре «туманчики рассеются».

Однако при подлете к Казани облачность слилась с туманом до земли, и летчики потеряли ориентиры. Радиосвязь отсутствовала. Положение усугубилось потерей самолета-лидера. Погиб экипаж из четырех человек, и следом потянулась череда катастроф. Самолеты падали на землю и разбивались, пилоты гибли. Четыре летчика совершили вынужденную посадку и были травмированы, лишь двое смогли избежать смерти и вернуться на аэродром вылета, но 16 летчиков навсегда улетели на небо...

Виновных настигла расплата: начальник метеостанции застрелился, не вынеся груза вины, а полковник Коробко искупил свою вину кровью в штрафном батальоне.

Горько, что 16 молодых и крепких ребят погибли не в смертельной схватке с врагом, а благодаря преступному головотяпству и непомерным амбициям лиц, ответственных за выпуск самолетов.

Увы, это не стало никому никаким уроком. История давнего трагизма над землей Татарии, как эхо, повторилась в мирное время. Однако теперь наказание за смерть летчиков высокие чины понесли отнюдь не соразмерно вине, разве что их репутация оказалась как бы слегка подмоченной.

Вот эта история в подробностях.

Шел август 1989 года. В поселке городского типа Кречевицы, что в 15 километрах от Новгорода, базировался 110-й транспортный авиаполк. Мигая разноцветными огнями, многотонные Ил-76 шли своей трассой над мирными кварталами, тревожа население

*Филатова И. «Живыми им не вернуться» // Проталина. 2009. №2-3 (5-6).

Поставка вооружения в Анголу

громким гулом турбин. Когда гул затихал вдали, люди судачили: полк отбыл на войну. Так по-бытовому угадывались особые командировки по поставке вооружения в Анголу и Афганистан.

Авиаполк (войсковая часть 65204) входил в состав 3-й гвардейской транспортной дивизии, которая начала свою историю в годы Великой Отечественной войны и получила почетное наименование «Смоленская». Да и в самих Кречевицах жила память о событиях, оставивших след в истории: 200 лет назад тут размещался штаб Третьего округа императора Австрийского полка, образованного по указу Александра 1.

Но вернемся к 1989 году. 10 августа день был ненастным. Метеосводка, полученная командиром полка подполковником Баталовым, показывала, что небо нужно закрыть для полетов. Однако подполковник пренебрег предупреждением и отправил в полет восемь штатных экипажей. Девятый пришлось собирать, поскольку одни пилоты категорически отказались лететь из-за непогоды, а другие были в отпуске.

Командиром сборного экипажа был назначен летчик 2-го класса старший лейтенант Заставнюк. С ним полетели второй пилот Мишустин, штурман Быковченко, старший бортинженер Черепанов, старший бортрадист Тукаев, борттехник авиадесантного оборудования Глушенко и хвостовой стрелок Левчук. Средний возраст ребят не дотягивал до 30 лет, но у

них у всех уже были семьи, дети. Но чувство воинского долга было превыше всего, и приказы не обсуждались.

Первым вылетел экипаж самого командира полка подполковника Баталова, выполнявший функцию до-разведчика погоды. Следом шел его заместитель, ведущий группы подполковник Хренов. С интервалом в полторы минуты поднялись в воздух остальные самолеты. Полет проходил на высоте 940 метров.

Тем временем разыгралась непогода, грохотала мощная гроза. Группа руководства полетами на земле не видела самолетов на радарх — из-за вспышек молний на экранах стояла сплошная засветка. Что стоило командиру полка отменить это сумасшествие? Но он продолжил полет в надежде, что группа обойдет очаг грозы, хотя от попадания шаровой молнии в самолет никто не был застрахован. Как считают авиаторы, этот плазменный шар опасен тем, что при попадании в самолет может взорваться и повлиять на ход полета.

И молния угодила прямо в самолет, пилотируемый Заставнюком! В результате экипаж оказался частично выбит из рабочего режима. Машина стала неуправляемой — ее резко бросило вверх до отметки 1300 метров. В 19 часов 22 минуты запись радиообмена черного ящика МС-61 прервалась из-за полного отключения электроэнергии. На скорости 570 км/ч самолет с левым креном пошел к земле. В последний момент кто-то из пилотов начал приходить в себя и

Заставнюк Владимир Фёдорович

Погибший экипаж самолета Ил-76

попытался вывести самолет из пике, но было поздно. Через 53 секунды он столкнулся с землей. Экипаж погиб. Семь жизней были оборваны.

Катастрофа произошла близ деревни Глухая Кересть в 32 километрах от аэродрома Новгород-Кречевицы. На следующий день штурман Быковченко должен был уйти в отпуск...

Виновники катастрофы, как свидетельствуют записи в штабных документах, — командир части Баталов и его заместитель Хренов, которые безответственно нарушили «Авиационные правила полетов». Согласно этим правилам, продолжение полетов считается бессмысленным, если экипажи в сложных метеоусловиях не выходят на контрольные пункты радиосвязи с ведущим группы. На данном маршруте таких пунктов было пять. Экипаж Заставнюка не вышел ни на один из них, что говорит о возникновении нештатной ситуации. В этом случае подполковник Хренов обязан был дать команду к возврату группы на аэродром. Но он промолчал.

Молчали виновные и после трагедии.

А дальше все пошло по руслу недоговоренностей, или просто лжи. Женам летчиков, которые недоумевали, почему их мужья не возвращаются домой, морочили головы. Их без объяснений не допускали на территорию части. После начали ссылаться на якобы проводимые учения, на ходу подбирая и другие отговорки. Анне Заставнюк напрямую заявили, что ее муж — дезертир, бросил экипаж и где-то скрывается, боясь понести наказание за разбитый самолет. Резко бросили в лицо: «Все, что вам надо, узнаете из газет».

В каждом слове сквозило бездушие. В части и в самом деле не знали, что произошло.

Анна Заставнюк ждала третьего ребенка. В полном отчаянии от неизвестности она искала хоть какие-то пути, обращалась даже к экстрасенсам. Между тем слух о катастрофе все же просочился: самолет упал. А что с людьми?

Пока руководство части оставалось в неведении, в Управление милиции по железнодорожному транспорту поступил сигнал о странных взрывах под поездами в районе станции Кересть. Туда был направлен милиционер Андрей Афанасьев. Он возглавлял отряд безопасности проезда на данной железнодорожной ветке. Афанасьев выяснил, что местные мальчишки подкладывают на рельсы снаряды, которые где-то находят. Игра в партизан могла стоить детям жизни.

Так определилось место возможной катастрофы. О «партизанских» вылазках сообщили в воинскую часть.

А ведь были свидетели, которые побывали на месте катастрофы в ближайшее же время! Летчик полка Петр Гуляев узнал о случившемся раньше, чем появилось известие о партизанах. Вот что он рассказывает: «Мы в этот день были с Найденовым в командировке. Ожидали разрешения на вылет. Около 20 часов пришло сообщение о падении самолета, и нам только на следующий день дали «добро» лететь домой. Я сам был на том месте и увидел жуткое зрелище: вековые деревья скошены, как пилы, и просека — длиной 400 метров. 3-й и 4-й двигатели улетели за просеку. Лешка-стрелок лежал возле своей кабины».

По словам Гуляева, в полку все понимали, что самолет упал. Но ждали и надеялись, что летчики живы, что смогут связаться с полком. Однако время шло, ребята в части не появлялись. А тут на носу — День Военно-Воздушных Сил. 12 августа — профессиональный праздник пилотов. Вероятно, подготовка к нему оказалась задачей первостепенной: именно к этому дню и проводились злополучные тренировочные полеты по десантированию. Дело с поиском людей было пущено на самотек, и тело стрелка пролежало в лесу несколько дней.

То, что по горячим следам не было создано розыскной группы, подтвердил еще один сослуживец погибших — Владимир Таурин — на тот момент штурман отряда.

Командование полка наконец неофициально попросило командира Азотовского поискового отряда Виктора Глотова обследовать район на наличие взрывчатых предметов. В том отряде были Александр Кисляк с отцом. Саша вспоминает:

«От первой скошенной сосны до того места, куда воткнулась носовая часть самолета, мы шли минут 10-12. Картина была ужасной: прорубленная самолетом просека метров 400-500, кругом разбросаны обгоревшие и искореженные обломки самолета — оторванный хвост, крылья, шасси и прочее. И среди этого валялись личные вещи экипажа: кошельки, планшеты, чей-то ботинок. При ударе оторвались даже металлические «молнии» от карманов с летных курток. Останков людей нигде не было видно. Естественно, мы ничего не трогали, так как ждали военных. А военные пригнали бульдозеры, сняли с самолета секретное оборудование радиосвязи, вырыли два огромных котлована и бульдозерами загребли туда обломки. При этом давили их гусеницами. И уехали».

На месте катастрофы был найден «черный ящик», и лишь через 12 лет (опять-таки дети!) найдут второй.

Командование отдалось скупым ритуалом. Вдовам были выданы ящички размером с посылку. Якобы с останками.

Что, по сути, находилось в тех ящичках, можно только предполагать. Страшно получать вместо мужей такие посылки, в которых кровь смешалась с землей!

Семья Владимира Заставнюка захоронила ящик на малой родине летчика в Львовской области. «Груз 200» с останками Сергея Мишустина повез в Оренбург его друг и сослуживец Владимир Юрчук. О том, как родные пережили трагедию, — из первых уст.

Владимир Заставнюк, сын командира корабля: «Мама очень любила папу и даже после его гибели она ни с кем не знакомилась и замуж больше не выходила. В итоге, по прошествии многих лет, мы так ничего и не узнали о той катастрофе. Летчики в Кречевицах говорили, что данный полет не должен был состояться. У меня о военных, честно говоря, остались только плохие воспоминания. Когда я прочитал в газете, что был обнаружен недостающий черный ящик, то побывал в

части, но так ничего и не узнал. Говорили, мол, приезжайте, будем рады. Но это были только слова. Эх, если бы отец был жив!.. Думаю, не только моя судьба сложилась бы иначе. Все бы отдал, лишь бы он остался жив!»

Елена Сидорова (Черепанова), дочь бортинженера: «Я очень долго не верила в смерть, даже не плакала на похоронах, так как кроме небольшой закрытой посылки ничего не видела. Военные сказали только, что там часы, и то не факт, что папины. Не верила, потому что думала: как папа может в маленькой коробке поместиться? Он же большой! Вот эту коробку и захоронили. Думала, где-нибудь без сознания лежит или катапультировался... пусть без ног, без рук, но живой. Долго ждала, очень долго. Сейчас только приняла. Сколько лет ездим на могилку, внуков ему показываем!»

Лене тогда было 9 лет, а ее сестренке — 8. Не суждено им было больше видеть отца.

Александр Глущенко, сын бортмеханика: «Мне было всего 13 лет. Об отце могу сказать, что его знали как человека очень исполнительного, приказы никогда не обсуждал. После того, как его вызвали из штаба, быстро собрался и ушел на полеты. И всё. Больше мы его не видели. Когда сообщили, что самолет разбился, причем узнали вначале от соседей, мы не поверили. Но отец дома не появлялся. Мама пыталась звонить в штаб, но там ссылались на необходимость и оправдывались: «Служба». Только через несколько дней пришли из штаба офицеры и официально, без подробностей, заявили о гибели отца. Из дома забрали документацию по изучению Ил-76, которая отцу была выдана на работе, и кобуру от пистолета ПМ. Еще забрали зимнюю форму одежды и даже... носки, сославшись, что он не выносил положенный срок. Но нам было не до вещей, все плакали. После потери отца мы жили трудно. Подкосил нас этот случай основательно. В 2016 году я установил памятник на месте официального захоронения экипажа в Кречевицах, так как памятник от военкомата, поставленный военными, через 6-7 лет развалился».

Больнее всего горе ударило по детям. Многодетной семье Заставнюка долго не оформляли пособие в связи с потерей кормильца. Работники военкомата контролировали Анну, назойливо учиняли допрос детям: не работает ли мама? Вся эта канитель вызывала недоумение, но «недоумение», пожалуй, самое невинное слово, которым характеризуется данная ситуация. Чтобы положить конец волоките, вдове пришлось обратиться в суд. Советский суд длился два года, пока в 1991 году — уже российская власть — не назначила пособие на детей.

Мертвых не поднимаешь. Но напрашивается справедливый вопрос: какое наказание понесли виновные в этих смертях? Наказание практически не коснулось самых ответственных в этой ситуации — Хренова и Баталова, последнего слегка задела рокировка в кадрах.

Могильная плита Черепанова Владимира Павловича

Елена Сидорова (Черепанова) с матерью

Саша Сидорова, внучка Черепанова, с отцом

КОМАНДИРЫ 110 ВТАП

Иванов В.М.
1966-1968 г.г.

Новиков М.М.
1968-1977 г.г.

Черкасов Ю.М.
1977-1980 г.г.

Левковский И.М.
1980-1984 г.г.

Гребелкин В.А.
1984-1988 г.г.

Боталов В.М.
1988-1989 г.г.

Зеленов С.А.
1989-1993 г.г.

Деев В.В.
1993-1995 г.г.

Горсков А.М.
с 1995 г.

Аэродром, где базировались самолеты

Через месяц, 9 сентября, его сняли с должности и перевели в 339-й транспортный полк той же дивизии в город Витебск. Назначили на должность руководителя полетами. На должность, связанную с безопасностью летчиков в воздухе, пришел человек, уже на деле проявивший полную безответственность в работе.

А ведь еще с самого начала вступления в должность 17 ноября 1988 года не заладилась служба у новоиспеченного командира полка Баталова! Первый звонок прозвучал уже через день, но это не заставило человека остудить свою горячую голову и укрепить правила самодисциплины. 19 ноября в аэродром Рогачёво (Новая Земля) он направил самолет Ил-76 МД, перевозивший груз продуктов. Росчерком пера командир доверил это задание экипажу, не имевшему достаточного опыта самостоятельных посадок на незнакомых аэродромах в полярных районах. Экипажу пришлось садиться ночью в условиях ограниченной видимости при крайне неблагоприятных метеоусловиях. При выполнении захода на посадку летчик получил от штурмана ошибочную информацию о проходе взлетно-посадочной полосы. Самолет выкатился за ее пределы, снес прожекторную установку на шасси автомобиля ЗИЛ-130 и получил повреждения. Волею судьбы семь членов экипажа и три пассажира не пострадали. Однако самолет, лишь три месяца назад сошедший с конвейера завода, уже был разбит. Этот случай стал первым летным происшествием в двадцатилетней истории 110-го транспортного авиаполка и серьезным просчетом в работе командира.

Авиационная работа военных экипажей не терпит расслабленности и недисциплинированности, что уж говорить о роли командира полка! О незрелости, которую проявил Баталов, сделала заключение комиссия: «Руководителю полетов в этом случае следовало направить экипаж на запасный аэродром. Контроль готовности к полету в эскадрильи проведен поверхностно». Это была объективная оценка, требующая воздать виновнику по заслугам. Однако вывод этот

остался только на бумаге. Действий не последовало. Некомпетентность и самоуверенность привели сначала к аварии, а затем и к катастрофе с гибелью летчиков. Так бесславно заканчивалась для Баталова эпоха его командования полком.

Бывший сослуживец погибших Таурин вспоминает: «После катастрофы Баталова не стали судить при одном условии, что он «ляжет на дно» и никто, нигде и никогда его не найдет. Условие он выполнил. Когда к 40-летию полка готовили к выпуску праздничный буклет с фотографиями всех бывших командиров, фото Баталова не нашли. Так и выпустили буклет с пустой рамкой под фото».

Василий Матвеевич Баталов жив-здоров, ему 71 год. Живет в одной из глухих деревень Кировской области и изучает жизнь староверов. Изредка выходит в сети Интернета... После упорных поисков его нашел Саша Кисляк. С трудом завязалась переписка, так как о трагедии Баталов не имел желания вспоминать. Он весьма неохотно отвечал на вопросы, затронутые в сообщениях: «...если верить мистике и показаниям очевидца (какого именно, Баталов не уточнил — авт.), то на крыле падающего самолета был огненный шар. Катастрофы можно было избежать, если бы я, как командир полка, принял решение на прекращение полетов. Запись радиобмена между членами экипажа при возникновении критической ситуации отсутствовала. У меня данных о переговорах не было».

Однако лукавил бывший командир. Запись радиобмена была, и Кисляк прослушал ее вместе с сотней горожан в Ленинской комнате полка, куда вход был свободен по случаю празднования Дня авиации в 1992 году. На записи слышны голоса как минимум трех человек. Последние фразы экипажа:

- Штурвал на себя!
- Тяни!
- Штурвал на себя!
- Форсаж!
- Командир, нам п*** (нецензурная брань).

И все же Баталов опять уходил в сторону: «Таких подробностей в расшифровке я не помню, не могу точно сказать, что разговор был именно такой». Незаметно для себя человек перешел грань, за которой прятал правду.

Когда Кисляк вернулся к теме о безобразном отношении заместителей командира к семьям погибших, Баталов оживился: «Признателен вам в раскрытии глаз на штабных недолюдков. В свое время мне замполит части Гамазин докладывал об установке памятника на месте катастрофы. А о начальнике штаба Мукееве я был лучшего мнения. Приходится с горечью вспоминать о своих командирских промахах. Видимо, не зря меня мучает Суд Совесть, который довел мою иммунную систему до такого состояния, что ЦНИАГ* (комиссия Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя — авт.) списала меня подчистую через два года после катастрофы».

Тень трагедии висела над полком еще полгода с того августа. Если верить все той же «мистике», разбившийся самолет продолжал свою потустороннюю жизнь. Этот фантом с бортовым номером СССР — 86718 по-прежнему числился в строю, и продолжалось списание тысяч тонн горючего на несуществующую единицу техники, выделялись финансы на проведение регламентных работ. И тут кто-то успел погреть руки на чужом горе, беззастенчиво наживался на погибших. Лишь 2 марта 1990 года самолет был списан.

Недолго просуществовал и сам 110-й транспортный авиаполк. В октябре 2009 года он был дислоцирован приказом экс-министра обороны Сердюкова и вскоре расформирован.

В памяти сослуживцев остались старший лейтенант Заставнюк Владимир Фёдорович, лейтенант Мишустин Сергей Геннадьевич, старший лейтенант Черепанов Владимир Павлович, капитан Быковченко Александр Александрович, прапорщик Глушенко Николай Васильевич, прапорщик Тукаев Руслан Zufарович, прапорщик Левчук Алексей Петрович.

«Это были отличные парни, любящие небо, которое было для них вторым домом», — так посмертно характеризовал летчиков командир 110-го транспортного авиаполка подполковник Баталов, человек, сам пославший пилотов на верную гибель.

...Многие годы отделяют нас от тех событий. Город Новгород с 1999 года стал Великим. Страна обрела совершенно иной облик. Местечко Кречевицы с уходом гарнизона стало обычным провинциальным уголком. Только на местном кладбище с воинскими захоронениями стоит прежняя скорбная тишина. Это целый мемориал, где покоятся погибшие в горячих точках или в авиакатастрофах летчики. О случившейся катастрофе напоминает и отдельная оградка, где возведены монумент и четыре плиты. Известно, что лишь под одной из них реально за-

хоронен человек — стрелок-радист Алексей Левчук. Остальные были определены как бы условно: в земле лежат те посылочные ящички, которые были выданы родственникам после катастрофы.

Неоспоримо одно — как бы ни старались скрыть истину, она все равно откроется. Дети погибших летчиков узнали эту страшную правду не от командования, а от тех, кто сохранил добрую память о погибших. Это сослуживцы, друзья, соседи, поисковики и просто неравнодушные люди. Все они пролили свет на катастрофу и внесли лепту в расследование событий. Спасибо за помощь и память вам, Надежда Юрчук, Петр Гуляев, Владимир Таурин, Владимир Заставнюк, Елена Сидорова (Черепанова), Александр Глушенко, Александр Кисляк. И вам, протоиерей Сергей Мельников. Батюшка установил в своем приходе памятные доски с именами экипажа и молится за их души.

Катастрофы — это всегда боль, кровь, потери. Во время войны советские летчики погибали ради защиты Родины, но и они иногда становились жертвами командирских промахов и ошибок. В мирное время неостановимо продолжается кровавый счет потерь по воле безголовых руководителей. Это по их вине порой гибнут молодые кадры, а зачастую и опытные, со стажем. Но до каких пор будет складываться так, что конкретных виновников днем с огнем не найти? Летчики — отважные люди, но они тоже тревожатся за свою летную судьбу и, конечно, ждут, что когда-то эти безобразия кончатся и система, наконец, отладится.

Большое воинское захоронение летчиков в Кречевицах

На снимках:

В таком состоянии ныне бывший военный городок, где кипела жизнь

Бывшие казармы для военнослужащих

Памятник архитектуры XIX века — Кречевицкие казармы. Только эта надпись и хранит вековую память о воинской доблести

Обломки застывшего времени

александр копырин

дом заслуженного отдыха

Александр Копырин живет в городе Асбесте Свердловской области. Активный поисковик, член нескольких краеведческих обществ. Трудится в штате комбината «Ураласбест» в должности заместителя главного маркшейдера. Рассказывая о себе, признается, что «много двигается», питает большую страсть к пешеходным маршрутам по окрестностям в вечном поиске артефактов, а все свои наблюдения берет на карандаш.

На страницах «Проталины» наш постоянный автор-краевед продолжает делиться своими воспоминаниями.

*«Я другой такой страны не знаю,
где так вольно дышит человек».*

Из советской песни

Этот маленький уральский уголок отдыха сменял немало имен в связи с переменой эпох и политических событий. Называли его: Дом отдыха на реке Пышме, Асбестовский дом отдыха, дом отдыха «Асбест», санаторий-пансионат «Белый камень» — здесь выстроился оздоровительный центр для трудящихся города Асбеста!

В давнюю пору, по рассказам старожилов, здесь было поселение. И на картах XVIII века примерно в этом месте — на повороте реки Пышмы — как раз обозначено такое поселение. Какой-либо другой информации пока нет, но хочется думать, что не останется это всё потерянным за далью веков, что найдутся еще какие-то свидетельства на сей счет.

А пока что остается только бродить, вглядываясь в тенистые аллеи. Вот скамеечка у фонтана, а вот и памятник вождю мирового пролетариата — можно сфотографироваться рядом, пока его не убрали. Если пойти дальше, увидишь скульптуры спортсменов образца 1950-х. А ведь во многих парках больших городов подобные достопримечательности уже исчезли.

Можно просто посидеть в беседках на краю обрыва и полюбоваться открывающимся ландшафтом. И старому, и малому будет интересно спуститься по лестнице к реке и постоять на мосту, послушать шум воды.

Приезжих встречает красиво выложенная декоративным кирпичом входная арка в стиле замковой архитектуры. Рядом возвышается старая водонапорная башня, тоже сложенная из кирпича. При сооружении в основание башни был вмонтирован геодезический знак репер. Но наши современники при реконструкции не сочли нужным сберечь этот знак.

Вольно раскинувшаяся территория дома отдыха позволяет любому найти себе какой-то уютный уголок и придумать занятие...

По существу, закладываться дом отдыха стал в начале далеких 1930-х годов прошлого века. И не на пустом месте, о чем свидетельствуют первые организационные документы, предписывающие «произвести ремонт существующей жилой площади для размещения рабочей силы». Вот выдержка из документов: «...с августа открывается строительная площадка по строительству Дома отдыха на реке Пышме. Строительство Дома отдыха является единицей на полном хозрасчете».

С первых же дней предусматривалось открыть здесь промтоварный и продуктовый магазины, которые тог-

да именовались ларьками. Работы шли ударными темпами. Были выделены два грузовых автомобиля и три лошади.

Ход строительных работ на площадке был на особом контроле со стороны управляющего трестом «Союзасбест». Такой же регулярный контроль осуществлял ЦК Союза Горнмет промышленности (Центральный комитет Союза горной неметаллургической промышленности — так в довоенный период называлось Министерство промышленных строительных материалов).

В руководящих документах был определен оптимистический срок окончания строительства — 1 сентября 1936 года. Однако трудовой процесс шел с переменным успехом. Как сейчас принято говорить, по объективным причинам не укладывались в сроки. Как всегда, не хватало материалов, затем рабочей силы, неоднократно меняли руководителей.

Коробки корпусов строили из круглого леса. Из совхоза за летний сезон 1936 года было доставлено пятьсот кубометров распиленного леса. А из города везли оконные переплеты, рамы, дверные полотна, металлические изделия.

Для перевозки стройматериалов были дополнительно выделены еще одна машина и лошадь. На строительстве дома отдыха в тот период трудились до 130 человек. В 1936 году первые построенные площади принимали отдыхающих на лето.

В 1937 году здесь, как и везде, не обошлось без репрессий: начальника и прораба сняли и отдали под суд — им приписали самовольство и нарушение финансовой дисциплины.

В этот период строительство замедляется. Опять нехватка стройматериалов, рабочих рук и очень много мелких организационных проблем, которые мешают выполнению графика. Была большая задержка с открытием продуктового магазина. Нехватка рабочих рук покрывалась временными наймами. Чтобы устроиться на работу, людям из близлежащих деревень приходилось пешком преодолевать большой путь до Асбеста, где оформлялись документы. Последовало решение оформлять на работу прямо на месте строительства.

В 1938 году назначают нового руководителя. Выделяют ему бесплатную квартиру с необходимой мебелью и лошадь, а также семье выплачивают подъемные...

Территория охранялась специальным круглосуточным пожарным постом. Личный состав поста обеспечивался форменным обмундированием, спецодеждой, всем предоставлялись квартиры непосредственно на территории строительства.

Строения были все деревянные. Опасаясь пожаров, руководство постаралось обеспечить отапливаемые помещения бочками с водой и ведрами.

Из документов следует: «...При конном дворе иметь не менее трех бочек на ходах, в соответствии сезону

(на санях или колесах) обеспечить их в полной готовности, на случай подвоза воды».

В тяжелые военные годы строительство дома отдыха сначала приостанавливается, а затем и вовсе консервируется. В эти годы сюда неоднократно приезжают разные комиссии, и руководство стройкой передается из одного ведомства в другое.

В июне 1945 года было принято постановление об окончательном завершении работ. Для этого привлекли военнопленных. Тогда же была составлена проектно-сметная документация на строительство дороги «Асбест—Дом отдыха», мостов через речки Ельничная и Пышма.

Для военнопленных была организована так называемая специальная зона № 10, обнесенная забором с проходной. Был переоборудован главный корпус, и еще были достроены дома № 1 и № 2. В числе первоочередных задач предусматривалось построить дезокамеру и баню, затем — столовую, котельную. Площадка круглосуточно освещалась.

Механическому заводу дается задание дополнительно изготовить инструмент: топоров, кайл, лопат, молотков — по 100 штук, гвоздодеров — 10 штук.

А уже в середине августа 1945 года следует очередное указание: довести количество военнопленных на спецзоне № 10 до 250 человек.

Темпы строительства по тем временам были скоростные, то и дело наезжали высокие комиссии с контролем по расходам дефицитных материалов.

В корпусах использовалось «стекло бемское», на крышу шло железо кровельное оцинкованное. Пол в корпусах застилали дубовым паркетом. В помещениях устанавливали бильярдные столы.

У фонтана теперь стоит памятник Ленину. А раньше на этом же постаменте возвышался памятник вождю всех народов товарищу Сталину. По размеру он был в полтора раза больше Ильича и простоял там до 1960 года.

Фонтан окружали декоративные вазы тоже на постаментах.

Фотография сохранила интерьер обеденного зала. Честно сказать, я был сильно удивлен, если не сказать больше — поражен. На окнах шикарные портьеры в соответствии с партийной модой того времени. На стенах — зеркала и картины, подсвеченные декоративными светильниками. Потолки — из дерева с декоративной лепниной и роскошными люстрами. Большие столы со скатертями и сервировкой.

Все, кому я показывал эту фотографию, предполагали, что это интерьер какого-то старинного шикарного ресторана.

Комиссии, приезжавшие на строительство дома отдыха, естественно, находили нарушения, приписки, хищения, а времена были строгие — кого-то снова снимали, отдавали под суд.

А сроки опять «поджимали», и уже определена новая дата окончания строительства — 1 февраля 1947

года. Выделяются дополнительные резервы. Заработала телефонная связь. На постоянном рабочем режиме — несколько грузовиков и два автобуса.

И вот в 1951 году Асбестовский дом отдыха на реке Пышме был открыт. Он работал круглогодично на радость всем, особенно приезжим. Летом можно было сколько угодно купаться, загорать. На противоположном берегу Пышмы, на излучине реки, было устроено помещение (его называли солярий) для любителей загорать в обнаженном виде. Его же использовали как раздевалку.

По реке можно было прокатиться на лодке. Вода тогда стояла много выше, чем теперь. Это хорошо видно на старых фотографиях.

Любители прогулок углублялись в лес в сторону поселка Химдым. Собирали грибы и ягоды, которых было в изобилии.

А вечером — танцы! При хорошей погоде их устраивали на открытой площадке, которая сохранилась по сей день. На танцы приходили жители поселка Белокаменный и приезжали любители приключений из города.

Зимой по лесным дорожкам были проложены лыжные трассы на три, пять и десять километров.

В 1950-е годы на льду Пышмы расчищали каток и освещали его прожекторами.

В следующие два десятилетия постоянно организовывались экскурсии из дома отдыха по Асбесту. Приезжих знакомили с главной достопримечательностью города — асбестовым карьером. Иногда экскурсантов завозили в поселок Малышева, который по советским временам снабжался намного лучше, чем Асбест.

Сменив несколько названий и владельцев, претерпев какие-то изменения во внешнем облике, дом отдыха продолжает жить и радовать посетителей тихими аллеями, уютными скамейками, прекрасным сосновым воздухом. Новую жизнь получили вазы на постаментах, оживились скульптуры... И опять кто-то изъявляет желание сфотографироваться у памятника вождю мирового пролетариата!

Какие удивительные вещи происходят, когда рассматриваешь старые фотографии! Записывая воспоминания старожилов, я показывал им давние снимки. И, о чудо! На одном таком снимке с танцплощадки в доме отдыха запечатлена пара. Мои собеседники вдруг признали своих родителей, которые снялись еще до свадьбы.

✶ борис галязимов

В ПОИСКАХ ПОКОЯ

Из несостоявшейся книги «Красные тени»

ЭТОТ МАТЕРИАЛ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА ГАЛЯЗИМОВА — «В ПОИСКАХ ПОКОЯ» — ПО СВОЕМУ ЗВУЧАНИЮ СТАЛ БЕЗВРЕМЕННО АКТУАЛЬНЫМ. ОН ПУБЛИКОВАЛСЯ В ТЮМЕНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ. В 2006 ГОДУ ЛЕГ НА СТОЛ РЕДАКЦИИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА». ПОТОМ ОН ПЕРЕКОЧЕВАЛ НА ПРОСТОРЫ ИНТЕРНЕТА, В ЧАСТНОСТИ, НА САЙТ «УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА», КОТОРЫЙ ПУБЛИКУЕТ «ЛУЧШИЕ СТАТЬИ И КНИГИ ОБ УРАЛЕ». НО АВТОР ОБ ЭТОМ, К СОЖАЛЕНИЮ, УЗНАТЬ НЕ МОГ: В 2009 ГОДУ ОН УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ.

ВСЕ ПИСАТЕЛЬСКИЙ АРХИВ БОРИСА ГАЛЯЗИМОВА НАХОДИТСЯ В РЕДАКЦИИ «ПРОТАЛИНЫ». МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ЕГО НЕ УСПЕВШЕЙ СОСТОЯТЬСЯ КНИГИ «КРАСНЫЕ ТЕНИ».

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК «В ПОИСКАХ ПОКОЯ» ВСЕГДА ЗАНИМАЛ ОСОБОЕ МЕСТО В ЗАДУМАННОЙ АВТОРОМ КНИГЕ. В СЮЖЕТЕ РАССКАЗА ТОЧНО И ОСТРО ПОКАЗАНА ВСЯ НЕЛЕПОСТЬ ЗАТЯНУВШЕГОСЯ РИТУАЛА ПОГРЕБЕНИЯ «ВОЖДЯ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА». А СПОРЫ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЕ МАВЗОЛЕЙНОГО ДЕЛА ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПО СЕЙ ДЕНЬ, ОБРЕТАЯ ПОЧТИ ВРАЖДЕБНЫЙ ХАРАКТЕР. ЗНАЧИТ, ЕЩЕ ДО СИХ ПОР НЕ ОСОЗНАНА САМА ПРИЧИНА ВСЕЙ ЭТОЙ ТРЕВОЖНОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ.

В ПАМЯТЬ О НАШЕМ ТАЛАНТЛИВОМ ЗЕМЛЯКЕ, ПИСАТЕЛЕ И КРАЕВЕДЕ, УМЕВШЕМ НАХОДИТЬ УНИКАЛЬНЫЕ ФАКТЫ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ, МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ ОЧЕРКИ ИЗ ЕГО АРХИВА.

«Проталина»

Поезд этот в расписании не значился. И отходил он без обычной огласки по динамикам. Отходил с запасных путей Ярославского вокзала. Впрочем, о конечном пункте предстоящего путешествия были оповещены далеко не все пассажиры. Некоторые из них узнали о спецкомандировке всего-навсего за несколько часов до отхода поезда. И лишь когда вагоны загромыхали на стыках рельсов Северной железной дороги, стало ясно одно: путь поезда лежит куда-то на восток.

Было 9 часов вечера. Позади осталась ошетилившаяся стволами зениток Москва. На календаре значилось 4 июля 1941 года...

Необычным был этот поезд. И не только потому, что ему везде давали «зеленый свет». Почти за трое суток угорелого бега он притормаживал лишь дважды, да и то чтобы успели смениться поездные бригады. Состоявший из трех вагонов поезд сопровождали три паровоза марки «Иосиф Сталин». Дозорный, основной и замыкающий. На первом и последнем паровозах находилась вооруженная охрана. Один из трех вагонов, средний, четырехосный, хранящий таинственную тишину, катил по рельсам до непривычного мягко и ровно. Имел он специальные, глушащие удары колес амортизаторы. Но, что самое интересное, на всем пути следования состава в пределах видимости друг от друга были рассредоточены военные. Есть данные, что на 350-километровом отрезке от Свердловска до Тюмени было задействовано несколько десятков тысяч человек. И стояли солдаты плечом к плечу. Особенно активно в эти дни вела себя милиция. От станций, мимо которых, не сбавляя хода, следовал состав, сметали весь подозрительный люд. Станный этот поезд немало хлопот доставил и железнодорожникам. Они заранее «зашили на костыли» стрелочные переводы и для надежности замкнули их на замки. Теперь же еще и еще раз старательно простукивали молоточками рельсы, пытаясь найти в них нежелательные изъяны. Возле каждого из переводов была выставлена охрана, большей частью состоящая из сотрудников КГБ. Да и диспетчерские были битком набиты гэбистами, отслеживающими каждый отрезок пути быстролетящего состава.

А между тем еще за несколько дней до выхода поезда из Москвы в кабинете Д.С. Купцова, первого секретаря Тюменского горкома ВКП(б), раздался резкий звонок. Что обескуражило, так это то, что звонил личный секретарь Сталина Поскрёбышев:

— К вам, в Тюмень, седьмого июля прибудет особо важный объект. Примите меры к его нормальному функционированию. Обеспечьте строжайшую секретность!..

Купцов потом говорил, что он даже не догадывался, что за таинственный объект направила Москва в «столицу деревень». Но шила, как говорится,

в мешке не утаишь. Постепенно расширялся круг людей, знающих, что из Москвы в Тюмень спецпоездом везут тело «вождя мирового пролетариата».

Может показаться удивительным, но решение о выносе тела Ленина из мавзолея созрело в первый же день войны. А уже 23 июня доступ в усыпальницу вождя был прекращен, его останки перенесены в убежище, располагающееся на Моховой. Все это наводит на многие размышления. В том числе и на то, что правительство уже тогда сомневалось, что Москва выстоит.

Во второй половине ночи (было 3 часа) столицу огласили вой сирен и тревожные гудки заводских труб. По небу катил гул моторов тяжелых крылатых машин. Слава Богу, тревога оказалась ложной. Как стало известно позднее, наши бомбардировщики сбились с курса и таким образом прошли над Москвой. По радио же, чтоб успокоить москвичей, объявили, что тревога была учебной.

И все-таки этот случай заставил коменданта Кремля Н.К. Спиридонова пойти на крутой шаг. Он «возбудил вопрос» о вывозе тела Ленина вообще за пределы Москвы. На Совете по эвакуации, председателем которого был назначен Н.М. Шверник, комендант Кремля предложил отправить останки вождя не куда-то, а... в Тюмень. Кто-то из присутствующих (одни говорят, что это был Сталин, другие — что Молотов) спросил, почему именно туда. Спиридонов ответил: «Малонаселенный, тыловой город. Нет промышленных и военных объектов. Не привлекает внимание немецкой авиации». Кто-то рекомендовал Свердловск. Но Спиридонов сказал, что «это крупный индустриальный город и вполне вероятно, что фашистские летчики будут пытаться бомбить его». Одобрили Тюмень. И время на сборы дали всего сутки. Кажется, не зря. Вскоре возле мавзолея упало две бомбы, а одна, полутонная фугаска, угодила в Большой Кремлевский дворец. Прошив его, ушла в подвал. Правда, не разорвалась. Еще одна фугаска чуть позднее попадает и в здание научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина, которая располагалась на Моховой и где какое-то время в бомбоубежище находилось тело Ленина.

Время шло, однако отправка спецпоезда откладывалась. Уже после войны, давая интервью корреспонденту журнала «Огонек», Борис Ильич Збарский, на плечи которого легла вся тяжесть небывалого эксперимента, говорил: «...Нам предстояло везти его тысячи километров в различных условиях погоды, подвергнуть дорожной тряске, менять температурные режимы... Все же мы постарались предусмотреть все, что могли.» Гроб для тела Ленина на сей раз приготовили обыкновенный, деревянный. Мерку, по некоторым данным, снимали со Збарского, который, как оказалось, был одного роста с вождем.

Однако кто такой Б.И. Збарский? Советский биохимик, академик. Еще в 1924 году под руководством академика В.П. Воробьева участвовал в повторном балъзамировании тела Ленина. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии. В 1949 году Збарский балъзамировал еще и тело Г.М. Димитрова. Затем, как и положено, почти два года находился в заточении. Скончался вскоре после освобождения, в перерыве между лекциями.

Но вернемся в 1941 год. Тогда всю шла подготовка к отъезду. Какое-то время ушло на обустройство спецвагона. Кроме того, надо было демонтировать оборудование мавзолея, подготовить препараты, чтобы все это тоже доставить в Тюмень. Второй поезд должен был отправиться вслед за первым.

Позднее Илья Збарский, сын руководителя лаборатории и тоже академик, вспоминал: «...Нас привезли на совершенно незаметную станцию на Ярославской дороге, где мы были погружены и отправлены спецпоездом — таким же, каким ездили тогда члены Политбюро, то есть с охраной и вне расписания... Была жара и условия для перевозки совершенно не подходящие. И мы занавешивали окна смоченными простынями, чтобы от испарения не было жарко. Но, конечно, кое-какие изменения с телом произошли, и потом пришлось все это восстанавливать...»

Почти полвека спустя одна из местных газет, не скрывая удовлетворения, сообщила: «В апреле 1988 года упала завеса над тем, что в качестве государственной тайны существовало столько лет». Это она — о своих материалах, которые якобы открыли для читателя «Объект Збарского». Однако известно, что с 1944-го по 1987 год различные сведения об эвакуации мавзолея появились в печати свыше... 50 раз! В самой же Тюмени об этой истории не знали разве лишь коровы, находившие выпаса в центре города. Но мне все-таки хочется привести отрывок из малоизвестной «Баллады» прозаика и поэта Даниила Андреева. Написана она была, кто-то может не поверить — в ... 1942 году!

Подновлен румяным гримом*,
Желтый, чинный, аккуратный,
Восемнадцать лет хранимый
Под стеклянным колпаком,
Восемнадцать лет дремавший
Под гранитом зиккурата, —
В ночь глухую мимо башен
Взят — похищен — прочь влеком.

В опечатанном вагоне
Вдоль барakov, мимо станций,

*Стихотворение Даниила Андреева «Подновлен румяным гримом...» публикуется в сокращении.

Мимо фабрик, новостроек
Мчится мертвый на восток,
И на каждом перегоне
Только вьюга в пьяном танце,
Только месиво сырое
Рваных хлопьев и дорог.

Увезли... — А из гробницы,
Никому незрим, незнаем,
Он, способный лишь присниться
Вот таким, — выходит сам
Без лица, без черт, без мозга,
Роком царства увлекаем,
И вдыхает острый воздух
В час, открытый чудесам.

И, не вникнув мыслью грузной
В совершающийся ужас,
С тупо-сладкой, мутной болью
Только чувствует второй,
Как удвоенная воля
В нем ярится, пучась, тужась,
И растет до туч над грустной,
Тихо плачущей страной.

Но тогда на дворе все-таки стоял знойный июль. Было раннее утро. Город еще спал. Вагон открыли. Четыре дюжих молодца, одетых в форму бойцов погранвойск, взяли на плечи закрытый ящик и погрузили его в только что прибывшую крытую тентом машину. Распахнулись железные ворота товарного двора. Грузовик запыхал к центру города.

Поначало тело Ленина мыслилось предать земле у Кремлевской стены. Ярым противником его балъзамирования был, прежде всего, Троцкий.

По мнению «демона революции», замена мощей Сергия Радонежского и Серафима Саровского на мощи Владимира Ульянова противоречила бы духу марксизма. Каменев видел в балъзамировании тела вождя отголосок «поповства». И все-таки победу одержало якобы мнение рабочих из очередей: «Ударись в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и встанешь опять на правильный путь». Что касается Сталина, то он хорошо понимал, какое знамя у него может уплыть из рук. И Президиум ЦИК торопится принять постановление: «Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения». А сам глава ЦИК «дедушка Калинин» уже в устной форме добавляет: «Похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видел.

Никто вроде бы не замечает письма жены Ленина, которая была против его мумификации. Она протестует: «...Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память... Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране...» И с письмом она обращается не к кому-

то, а «к рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам». К Сталину — бесполезно. Он уже пригрозил, что подыщет Ленину «другую вдову».

Тело вождя прямо в Горках подвергают патолого-анатомическому вскрытию. Позднее мозг и сердце отправляют в институт его имени. Пока же то, что осталось от вождя, подвергают временному бальзамированию, для чего профессор А. Виноградов вливает через аорту шесть литров формалина с добавлением спирта и глицерина. После этого гроб под артсалют и ревы фабричных труб устанавливают в спешно созданном склепе на трехметровой глубине.

И все же пребывание тела вождя на тридцатиградусном морозе еще тогда, когда его везли из Горок, дало о себе знать. Нос видоизменился, так как часть его отморожена. На лице и руках появились пигментные пятна. Наметилось расхождение губ и век. Началось разложение и усыхание...

У гроба великого покойника вновь разгорается горячая дискуссия. Профессор Г. Шер, например, предлагает покрыть кожу усопшего... лаком! Другой профессор В. Воробьев считает, что тело вождя можно сохранить, если оно будет погружено в раствор уксуснокислого калия и глицерина. Он, Воробьев, имеет опыт хранения анатомических препаратов в подобной среде.

Но на всех спорах ставит точку негибимый большевик Л. Красин. Он убежден, что ученые в своем деле ничего не смыслят, и предлагает свой вариант — тело вождя заморозить. Более того, тут же за границей, переправив туда огромные деньги, приобретают необходимое оборудование.

Будущий советский полпред в Англии Леонид Красин родился в Кургане. В Тюмени окончил реальное училище. Затем учился в Петербургском технологическом институте. Какими-то даже элементарными познаниями в медицине человек не обладал. Но известно: то, что не по силам простому смертному, по силам большевику.

Предполагалось, что сквозь дубовый саркофаг, снабженный стеклянной крышкой, будет протаскиваться ледяной воздух. Для этого и в самом склепе, и в Сенатской башне Кремля смонтировали охлаждающую тело аппаратуру.

Однако через три месяца затея медика-дилетанта лопнула. Разложение трупа продолжалось. Левая рука приобрела серо-зеленую окраску, произошло западение век, глаза полностью не закрывались, ушные раковины сморщились. И уже вновь стал вопрос о захоронении останков Ленина.

И вот тогда из Харькова был вызван уже известный нам профессор В. Воробьев. Вместе с Б. Збарским и группой помощников он приступает к небывалому в истории медицины эксперименту.

Правда, известно, что и в далеком прошлом проводили бальзамирование тел. Но те же египетские мумии сначала пропитывали смолами, а затем вы-

сушивали. Да и тела старцев Киево-Печерской лавры сохранялись только за счет сухого воздуха и песчаного грунта. Однако облик и тех и других не имел с прижизненным никакого сходства.

Анатомом и биохимиком была проведена большая косметологическая работа. На появившиеся пигментные пятна был наложен грим. Были подготовлены брови. Перед смертью мужа Надежда Константиновна подстригла его, и он утратил былой вид — тот самый, что был многим знаком по фотографиям и портретам. Короткие волосы пришлось «отменить». Но это было не самым главным. Тело промыли, удалив кровь, и погрузили в бальзамирующий раствор. Тем самым, как говорил директор лаборатории Сергей Дебов, вытеснили из клеток водную фазу. При этом ткани сохранили свою структуру и упругость. Впрочем, формула бальзама уже тогда была засекречена. Ее и сегодня знают лишь считанное число лиц. На этом потом заработали немалые деньги, о чем речь еще будет.

Все это выглядит кощунственно, но коммунисты и по сей день считают, что вождь заслужил такую участь. «Сохранить на века!»

Когда-то давным-давно исследователь Сибири Г. Потанин назвал Тюмень «театром Островского, импровизированным самой жизнью». И добавлял: «Тюмень — чистейшей воды Тит Титыч». Но и к началу войны из этого города не выветрился дух провинциализма. Однако Ленину первый русский город был хорошо знаком. Вождь зорко следил за жизнью местного пролетариата и к тому же регулярно читал газету «Тюменский рабочий», которая поступала и за границу. В Тюмени одно время жила сестра Ильича Анна с супругом М. Елизаровым. Отсюда он получал журналы «Гитарист» и «Самоучитель игры на семиструнной гитаре», которые выпускались в местном издательстве. И пароход «Святитель Николай», на котором Ленин проследовал в ссылку в Шушенское, был собран здесь же, в Тюмени. Следует еще раз напомнить, что друг Ленина Л. Красин учился в городе на Туре. Для этого есть повод. Реальное училище, где он постигал азы мудрости, располагалось как раз в том здании, которое облюбовали Б. Збарский и его помощники. Позднее краеведы назовут его «Сибирским мавзолеем Ленина».

В первые дни войны это, пожалуй, самое красивое здание города, выполненное в стиле ренессанса, было решено отвести под госпиталь. Он был уже оборудован и был готов принимать раненых. Но прибытие спецпоезда спутало все карты перепуганного тюменского начальства.

Гроб с телом Ленина три года и девять месяцев покоился в одной из небольших комнат второго этажа здания, в его правом крыле. Дабы эта комната не нагревалась от проникающих в нее солнечных лучей, окно заложили кирпичами. Стены были

спешно оштукатурены и окрашены. Эту комнату называли «траурным залом». В смежных же комнатах разместили завезенное оборудование. Всю остальную часть огромного здания, в том числе и бревенчатое студенческое общежитие, заняли семьи прибывших в Тюмень работников лаборатории и часовые «Государственного поста № 1». Что и говорить, роскошь великая. А если еще учесть, что посланцы Москвы пользовались услугами своей столовой и получали кремлевские пайки, то войны для них как бы и не существовало. Вообще же, «Сибирский мавзолей» обслуживало огромное число местных жителей — поваров, техников, сторожей. И это при всем при том, что в городе не хватало рабочих рук. На заготовку тех же дров посылали заключенных местной тюрьмы.

Все три года и девять месяцев у гроба неусыпную службу нес караул. И все это время не прекращались работы по совершенствованию бальзамирования тела вождя. Кроме того, учеными была разработана новая форма саркофага. Для его внутреннего освещения изобрели особые стеклофилтры, поглощающие тепловую энергию.

В начале 1944 года наркома здравоохранения СССР Г. Митирева неожиданно вызвал к себе секретарь ЦК ВКП(б) В. Молотов. Напомнив о том, что грядет круглая дата — двадцать лет со дня смерти Ленина, он предложил создать специальную комиссию, которая должна была дать авторитетное заключение о состоянии тела покойного и о возможностях его дальнейшего сохранения. В комиссию вошли такие медицинские светила, как академик Н. Бурденко, академик Л. Орбели и академик А. Абрикосов, когда-то проводивший первое бальзамирование тела, рассчитанное только на шесть дней. Всего же, по некоторым данным, в Тюмень нагрянуло более десятка высокопоставленных особ. После посещения «Сибирского мавзолея» ученые докладывали партии и правительству: «Тело В.И. Ленина за 20 лет не изменилось». А газета «Известия» в те дни преподнесла своим читателям самую настоящую сенсацию: «... получен ряд новых улучшений состояния тела Ленина». Как говорится, чем дольше, тем лучше.

Лишь в марте 1945 года прах Ильича вновь погрузили в спецвагон, и поезд помчал его в стольный град — Москву. Там эксперимент продолжат. Ведь коммунисты обещали народу, что тело вождя будет храниться в открытом виде тысячи лет.

На снимке:

Пасет бурлящая толпа давно намоленное место.
Тюмень. Центральная площадь. Лихие 90-е

☞ сергей киселев (фото)

иван охрименко

сюда вела сыновья

память

Это рассказ-исповедь бывшего беспризорного мальчишки, пережившего немало тяжелых испытаний. Из памяти Ивана не уходили картины раннего детства, когда были дом, крыша и живы были родители. С годами в скитальце вызрела мысль найти могилу отца-фронтовика.

Родился Иван 22 июня 1931 года, и в день начала войны ему как раз исполнилось ровно 10 лет. Семья тогда жила в Северо-Казахстанской области при Чистовском зерносовхозе, неподалеку от большой железнодорожной станции Булаево. Оттуда уезжал на фронт отец мальчика Фёдор Иванович Охрименко. И потянулись годы ожидания и потерь.

В 1944-м пришла похоронка, и вскоре умерла мать. Иван остался совершенно один... Его приняла улица. Еще в годы войны его определяют в детский дом. Затем он сбегает оттуда, долго мотается в товарняках, попадая в разные города. В уральском городке Кургане у него украли сумку с нехитрыми пожитками, где была главная ценность — фронтовые письма отца.

В Свердловске Иван определяется в художественно-ремесленное училище и получает профессию столяра-краснодеревщика 4-го разряда. Мечта о море прибывает его к Ленинграду, и он становится курсантом Высшего военно-морского инженерного ордена Ленина училища имени Ф.Э. Дзержинского. На четвертом курсе выявляется, что курсант Охрименко по состоянию здоровья к морской службе не пригоден. Он возвращается на Урал, где заканчивает энергетический факультет Уральского политехнического института имени С.М. Кирова. С этой поры он трудится на знаменитом турбомоторном заводе до самой пенсии.

Через все вехи становления у Ивана Охрименко неотступно крепла мысль найти могилу отца. Это оказалось возможным только тогда, когда сыну погибшего фронтовика исполнилось 86 лет.

«Проталина»

Я не знаю, о чем тогда размышлял мой отец. В феврале 1940 года ему исполнилось сорок лет. За спиной уже был опыт военной службы, во время гражданской войны он состоял в рядах Красной армии, был членом ВКП(б). Сейчас, по своему опыту, полагаю, что на пороге Великой Отечественной он наверняка осознавал, что нашей армии в первую очередь нужны закаленные в военных делах мужчины.

После выступления Молотова отец несколько раз выезжал на станцию Булаево, где располагались районный центр и военкомат. В начале июля 1941 года отец сказал маме: «Приготовь все, что нужно в дорогу, не забудь насыпать в торбу овса для Лыска, завтра я поеду в район, а оттуда, скорее всего, в воинскую часть».

Следующим утром, попрощавшись с нами, отец сел в седло, и Лыско, сделав несколько шагов, как всегда, помчался галопом. Вскоре они скрылись из вида.

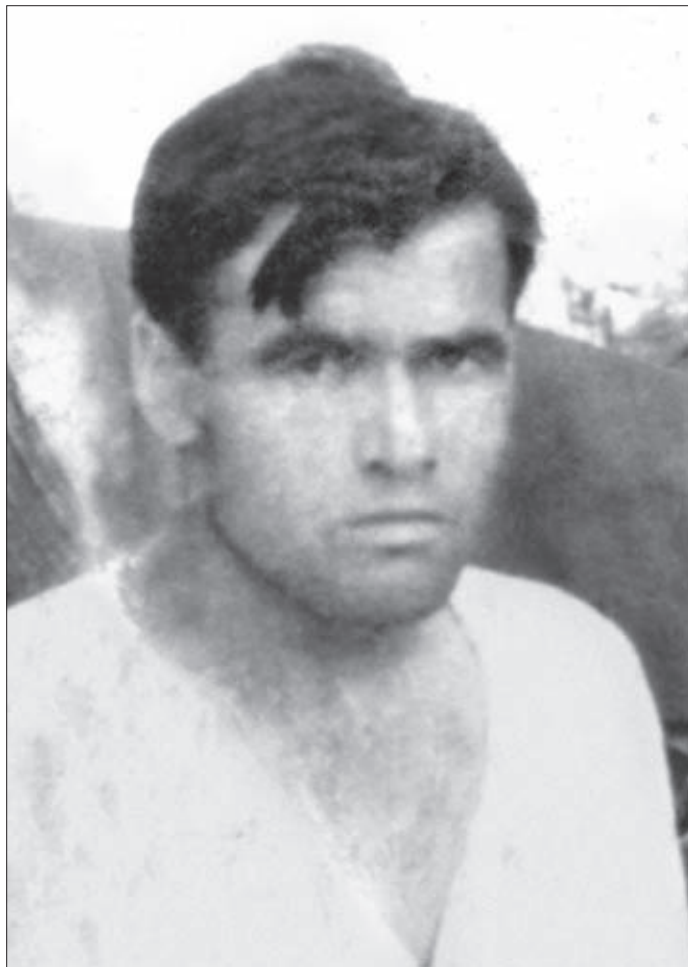
Через несколько дней знакомый отца привел лошадь и передал маме записку, в которой отец писал, что их сначала повезут в Омск или в Новосибирск, пока точно неизвестно. Отец сообщал, что все нормально. Потом писем долго не было.

Письмо пришло в конце 1941 года. Я точно не помню, в каком месяце это было, так как письма отца не сохранились, и точно все выверить уже невозможно. Помню, было очень холодно, и снег лежал плотным одеялом. Почтальон принес солдатское письмо — треугольник, без обратного адреса. В этом письме отец извещал: «Едем на передовую, будем сражаться. Ваня, ты уже большой, помогай маме, следи, чтобы она не поднимала тяжелое. Приедем на место, будет известна полевая почта, я сразу напишу».

Пишу, что запомнилось мне, подростку, в тех отцовских письмах — мне было десять лет. Заканчивался тяжелейший во всех отношениях кровавый 1941 год. Недалеко от школы по радио, висевшему на столбе, передавали, что немецкие войска наступают, захватывают город за городом, что наши войска упорно сопротивляются, но несут большие потери.

Прошли первые месяцы 1942 года, писем не было. В конце марта получили долгожданную весть уже с адресом полевой почты. Я развернул треугольник, прочел: «Дорогие мои, у меня все нормально. Воюем».

В начале 1943 года отец прислал более подробное письмо, в котором сообщал, что перед Новым годом он, Охрименко Фёдор Иванович, награжден орденом. Очень жаль, что я не запомнил, каким именно. Одно только помню, что в письме были слова «красной» или «красного». А дальше звучало тревожное, что он находится в госпитале, во время наступления его ранило, а так в целом «все

Фёдор Иванович Охрименко (единственная фотография отца)

нормально», уже ходит без костылей. Отец писал: «Скоро вернусь в свою часть — мы еще повоюем».

Проходил месяц за месяцем, а писем не было. Мама чуть не каждый день с беспокойством спрашивала: «Приносил или нет почтальон письмо от батки? Ох, чуёт мое сердце, чуёт беду...»

В конце января 1944 года наконец пришло письмо. Как обычно, всего несколько слов. Писал, что находится в лесу, где снега выше колен, что у них передышка. С огорчением сообщал, что потерял солдатские рукавицы — где-то остались на поле боя, а немецкие кожаные перчатки рук не греют — выбросил. Что передышка недолгой будет, что немец не просто отступает, а бежит, что у него все нормально....

28 февраля — день рождения отца. По дороге из школы меня остановила почтальон и подала не обычный солдатский треугольник, а запечатанный конверт.

— Но это не от отца, — неуверенно сказал я.

— Нет, сынок, это об отце. Не плачь, — сказала она, и пошла дальше.

Я не плакал, я ничего не понимал...

С тех пор прошло 73 года. Сколько раз с тех пор я пытался найти на картах то место — деревню Кобыльщина, при освобождении которой был убит мой отец! Там, на белорусской земле, он и был захоронен. Искал и не находил.

В конце 1999 года у меня появилась надежда. К нам в Екатеринбург, на Турбомоторный завод им. К.Е. Ворошилова, приезжал директор Белорусского автомобильного завода Дмитрий Иванович Сырокваш. Мы для них изготавливали дизели для автосамосвалов. После знакомства и официальных переговоров, за чашкой чая я поведал гостю о моей мечте — найти ту деревню, где должна быть могила отца. Он сказал: «Вернусь на завод и дам задание поискать, думаю, что найдем. Обязательно сообщу». После его отъезда я с нетерпением ждал известий. На десятый день моего ожидания он позвонил и сообщил, что подключил к поискам сотрудников, но, к сожалению, ничего не удалось найти — ни района, указанного в похоронке, ни деревни Кобыльщина, видимо, где-то произошла ошибка.

Моя надежда найти эту деревушку стала угасать. И я уже как бы смирился, привык думать, что мечта моя несбыточна, потому что в том месиве очень много безвозвратно терялось.

Однако время шло. Я приобрел ноутбук и принтер. Меня все-таки будоражил вопрос, что случилось с деревней? В похоронке обрывисто сказано: «...похоронен, кладбище, лес, 4 км. Сев. Зап. д. Кобыльщина». Не могла же она исчезнуть бесследно, эта деревня?

И вот теперь я сидел перед ноутбуком. 8 августа 2017 года вошел в Интернет и, сориентировавшись

почти ощупью, послал запрос: «Была ли деревня Кобыльщина, если была, то где?»

На следующий день, открыв ноутбук, я был поражен быстрому, исчерпывающему ответу, который снял с моей души многолетнюю поисковую усталость. Представитель Вооруженных сил Республики Беларусь, полковник С. Н. Воронович ответил:

«Уважаемый Иван Фёдорович!

Согласно донесению о безвозвратных потерях 193 стрелковой дивизии старшина Охрименко Фёдор Иванович погиб 22 февраля 1944 года и захоронен в д. Кобыльщина Домановичского района Полесской области. Деревня Кобыльщина переименована в д. Полесье (в 1955 году — *авт*). Она находится на территории Давыдовского сельского Совета современного Светлогорского района Гомельской области. Имя Вашего отца, Охрименко Ф.И., значится в списке воинского захоронения № 3795 д. Полесье.

Приложение на 4 л.

С уважением, начальник управления по Увековечиванию памяти защитников Отечества и жертв войн полковник С.Н. Воронович».

Я готов поклониться полковнику, который принес в мою жизнь такую ясность! Из присланной информации я узнал, что в Республике Беларусь создан Автоматический банк данных — Книга памяти Республики Беларусь, в которой хранятся персональные карты погибших. В картах указаны: воинское звание, Ф.И.О., год рождения, национальность, место рождения, место призыва. Далее я указываю данные, выписанные из персональной карты бойца Фёдора Ивановича Охрименко:

воинское звание — старшина

место службы — 193 с.д.

должность — пом. ком. взвода

дата гибели — 22.02.1944

причина гибели — погиб в бою

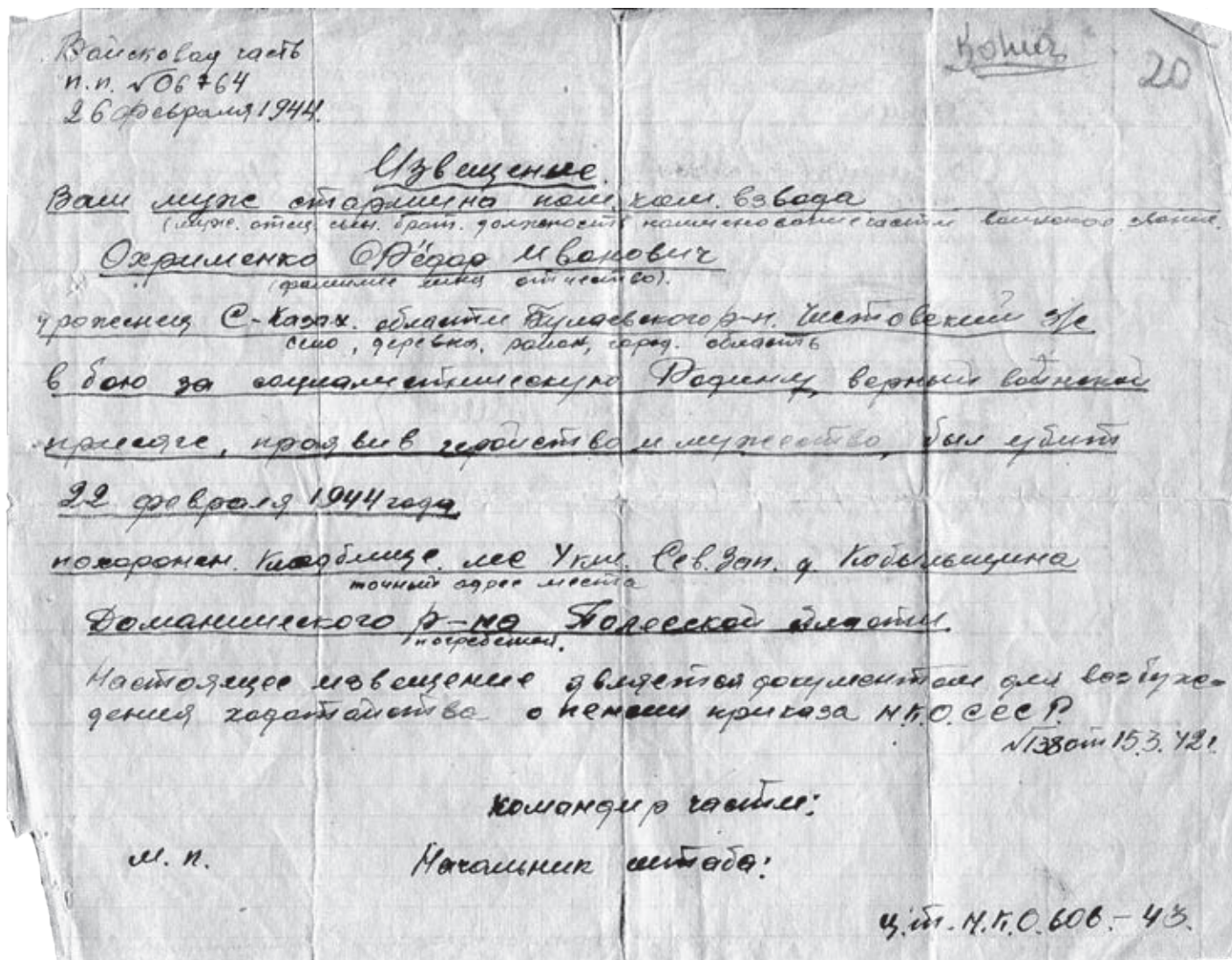
категория погибшего — военнослужащий

номер захоронения в ВМЦ — 3375-656

место захоронения — страна: Беларусь (далее указан адрес — *авт*.)

Все данные, указанные в похоронке, подтверждены, деревня нашлась, можно ехать!

Позвонил сыну моего покойного друга, Валерию Козерогу, он живет в Минске. Объяснив причину поездки, спрашиваю: «У тебя можно остановиться на несколько дней?» Как бывший моряк, доктор, ходивший на судах в разных морях и океанах, Валерий, не задумываясь, отвечает: «Можно и нужно, прилетайте, я вас встречу».

Согласовали день приезда. Нынче прямых рейсов из Екатеринбурга в Минск нет как на воздушном, так и на железнодорожном транспорте, только с пересадкой в Москве.

В этом долгожданном пути я воспринимал время буквально по минутам, наполненный волнением. 14 сентября с авиабилетом до Минска я вылетел в Москву. У меня был стыковочный рейс. В такой ситуации могут возникнуть некоторые сложности. В 17.40 того же дня я был в аэропорту Минска. Валера встретил, долго ждали багаж. Многие пассажиры не получили своих чемоданов, а я дорожную сумку, они остались в Шереметьевском аэропорту в Москве. Это одна из сложностей стыковочных рейсов. На следующий день сумку привезли Валере домой.

17 сентября в 19.20 на машине выехали в город Бобруйск, до него было 150 километров. В 21.30 въехали в этот небольшой город, всего на триста тысяч жителей. Остановились у тестя Валеры — Виктора Григорьевича Суконки, который служил в свое время на атомной подводной лодке главстаршиной в подчинении капитана 1-го ранга Владимира Эдуардовича Козерога — отца Валеры.

Утром пошли за венком, выбрали самый красивый. Подписали траурную ленту и втроем поехали искать деревню Полесье.

По дороге несколько раз останавливались, спрашивая и уточняя маршрут движения.

И вот, наконец, мы въехали в деревню Полесье. Братская могила, памятник оказались всего в десяти шагах от шоссе. Размер захоронения 10x10 м.

Дополнительная информация:

Братская могила – 1. Всего захоронено военнослужащих -1312. Из них известных -1306, неизвестных – 6. размер захоронения 10х10м. Имеется металлическая ограда. Установлена гранитная скульптура воина с автоматом и каской в руке. Скульптура установлена в 1957г. Фотография памятника и паспорт захоронения в фотоальбоме.

Кто шефствует:

с-з "Полесский"; Полесская школа Светлогорского района

Местная администрация:

Администрация Светлогорского района и д.Полесье

Здесь покоится и старшина Фёдор Иванович Охрименко. Данные из электронного архива ОБД «Мемориал»

Все окружено красивой металлической оградой.

Открыв калитку, вошли и остановились на дорожке, ведущей к памятнику. С обеих сторон дорожки установлены полированные плиты из темно-серого мрамора, на них высечены фамилии, имена и воинские звания павших. По правую сторону памятника одна такая плита, а по левую — две. И вот я читаю: «Охрименко Ф.И. — старшина». Что-то ёкнуло в груди, невольно сказал «Здравствуйте, тато, это я, Ваш сын». «Почему здравствуйте?» — мелькнула мысль, — он же не живой». Но я уже не мог остановиться: «Не знаю, слышит ли Ваша душа мои слова или нет, может, и не слышит, я ведь некрещеный, а Всевышний, как говорят некоторые люди, принимает слова и просьбы только от крещеных. Но все равно... я от всей души желаю Вам и Вашим побратимам, чтоб земля была пухом, царства небесного и покоя...»

Я долго стоял молча, рассматривая гранитную скульптуру воина с автоматом в руке. Мне казалось, что он чем-то похож на моего отца, и, как часовой, охраняет сон своих солдат...

Валера, фотографируя, что-то сказал и прервал мои мысли. «Хороший памятник!» — отозвался я. Памятник этот установили в 1957 году на перезахоронении из деревень Кобыльщина, Вьюнище, Виши, Меховщина, Мыслов Рог, Помеховщина, а также из разрозненных могил, где солдаты лежали с 1943—1944 годов. В братской могиле № 3375-656, у которой мы стоим, покоятся 1312 храбрейших воинов — героев Великой войны.

В этих местах была блестяще осуществлена операция «Багратион», после которой ни западные друзья, ни враги не сомневались, кто будет победителем.

18 сентября в 16 часов мы возложили венок, на траурной ленте которого было написано: «Охрименко Фёдору Ивановичу и всем воинам, захоро-

ненным в этой могиле, от сына Ивана. Город Екатеринбург». Потом постояли молча у памятника несколько минут, трижды поклонились и пошли к машине...

Безграничное уважение и благодарность возникли в моей душе к Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко, к белорусским братьям за святое отношение к памяти павших. Сердечное вам спасибо, братья, спасибо на века!

На снимках:

Братское захоронение в белорусской деревне Полесье

Виктор Суконка и Иван Охрименко возле мемориала «Операция «Багратион». Этот памятник работы минского скульптора Валерия Кондратенко установлен в 2014 году в поле у деревни Раковичи Светлогорского района — на месте осушенного болота Бريدский мох. Через топи этого болота шли в наступление советские войска. Высота памятного знака — 7 метров. В центре горельефа четыре фигуры — Константин Рокоссовский, Георгий Жуков, Павел Батов и Михаил Панов.

Сын пришел поклониться светлой памяти отца

Ирина Филатова у памяти не может быть конца

Неумолкаемое эхо событий

Путь от Омска до Старой Руссы неблизкий — трое суток тряски в поезде. Однако желание Марии Андреевны Богоявленской (в девичестве Усольцевой) поклониться праху отца было настолько велико, что они с сестрой Валентиной отважились на поездку без сопровождающего лица. А ведь женщины уже в почтенном возрасте: Марии 77 лет, сестре — 80.

Их влекла долгожданная встреча на новгородской земле. Там — могила отца Андрея Степановича. Он воевал в 238-м отдельном саперном батальоне и пропал без вести 10 сентября 1941 года. Больше о нем ничего не было известно. Лишь в памяти маленькой Маруси сохранился рассказ о письме неизвестной женщины из села Высокое (область она запомнила). Незнакомка писала, что выхаживала раненого солдата, но тот умер у нее на руках. Женщина похоронила его возле дома. Им оказался Андрей Усольцев — Марусин отец.

Фронтовой снимок. Андрей Усольцев в центре

Одлгом поиске места захоронения Усольцева «Проталина» писала в одном из выпусков («Стоит могила у хаты», Проталина № 1-4/2016 в подборке публикаций «Поля забвения и славы»). Это была трудная, почти невыполнимая задача — найти следы бойца в батальоне, который подчинялся 34-й армии Северо-Западного фронта. Иголлка в стоге сена! Вместе с поисковиком из Великого Новгорода Александром Кисляком мы справились с задачей. Результатом работы в феврале 2016 года стало увековечение имени Усольцева Андрея Степановича на мемориальной плите в селе Высокое Старорусского района Новгородской области. Он покоится в братском захоронении напротив дома №10. Всю жизнь Мария Андреевна мечтала найти могилу отца, и вот теперь ее мечта наконец-то сбылась.

Мысли уносились в Старую Руссу, отчего на душе было беспокойно. Вот уже под мерный стук колес задремала сестра Валентина, а Мария не переставала волноваться: как они доберутся до места? Несмотря на то что всю дорогу мы созванивались, и я ее успокаивала, всё же чувствовалось, что Мария с опаской думает о пересадке в Москве. Я тоже беспокоилась, как эти две престарелые женщины найдут дорогу на нужный вокзал, не пропустят ли поезд? Нашлось доброе сердце. Словно почувствовав чужую тревогу, к Марии Андреевне подсел молодой человек, заботли-

во поправил сползающую простыню у спящей сестры Валентины, заговорил. Попутчика звали Руслан Тасин. И столько было в нем доброты и внимания, что как-то сразу завязалась доверительная беседа. Узнав цель поездки, он признался, что тоже мечтает найти место, где погиб его дед — красноармеец Шарип Мальгаздаров. Так в одном вагоне пересеклись судьбы людей, потерявших своих близких в той войне.

Подобные встречи не бывают случайными — их посылает Провидение. И вот я уже слышу в трубке мужской голос. Это Руслан Тасин просит меня найти сведения о дедушке Шарипе. Мне понадобилось всего-то полчаса! Руслан был безмерно рад, что узнал о судьбе солдата. Дед его был стрелком 1082-го стрелкового полка 310-й стрелковой дивизии. Погиб он в бою 14 августа 1942 года. Похоронен в районе деревни Новинки Киришского района Ленинградской области. На воинском Мемориале города Кириши высечено его имя.

Оказалось, фронтовые пути-дороги двух земляков — Усольцева и Мальгаздарова, шли параллельными курсами. Русский и казах, они оба защищали подступы к Ленинграду. Это еще более сблизило попутчиков. Руслан заверил меня, что поможет женщинам перебраться на нужный вокзал и слово свое сдержал.

Несмотря на ранний час, в Старой Руссе сестер встречал глава Наговского сельского поселения Виктор Васильевич Бучацкий. Сестрам был оказан

В деревне Хутонька

радушный прием со стороны местной администрации, особенно хочется отметить участие Валентины Константиновны Лукиной.

И вот 5 мая 2017 года дочери стоят у родной могилы. На лицах — непередаваемая гамма чувств: благодарность, волнение, скорбь. К памятнику сестры прикрепили фотографию отца, высыпали горсть земли с малой родины, возложили венки и поведали деду, как живут его внуки-правнуки.

Неожиданно подошла местная жительница Валентина Николаевна Лукина. Оказалось, что она соседка той женщины, на руках которой умер Усольцев. Это была удача, ведь Мария Усольцева всегда стремилась узнать ее доброе имя. А звали ее Екатерина Михайловна Васильева. Она проживала в доме № 8, возле которого росла огромная береза. Под ней была могилка с деревянной оградкой, где, как выяснилось, покоился солдат Усольцев. Сама она была добрейшей души человек: отзывчивая и чуткая, всех жалела, любила и опекала соседских ребятишек. А те помогали ей по хозяйству и в огороде.

В детстве Валя Лукина часто ходила с Екатериной Михайловной в лес за грибами и ягодами. Иногда соседка брала девочку к себе ночевать, привечала ее, хотя подрастали собственные дети — дочь Лидия и сын Александр. Родители рассказывали Вале о самоотверженности этой женщины, как она в годы

войны выхаживала русского солдата по имени Андрей, но тот умер от ран. Под покровом ночи, чтобы не прознали фашисты, Васильева похоронила его у своего дома. Это было сродни гражданскому подвигу, ведь враг уже атаковал деревню Хутонька, стоял почти на пороге, в двух километрах от их села.

Те давние события развивались так. В начале сентября 1941 года, сдерживая бешеный натиск врага на западном направлении, попали в котел силы 34-й армии Северо-Западного фронта, куда входил 238-й отдельный саперный батальон Усольцева. Боевая обстановка к началу осени была тяжелой, картина боя часто менялась. 9 и 10 сентября противник выдвинул колонну общей численностью 74 танка. Саперы получили приказ не допустить их к железнодорожной станции Тулебля, заминировать объекты. При выполнении задания группа саперов во главе с командиром взвода Серяковым попала в плен. Оставшаяся часть батальона прорывалась из окружения. В Хутоньке враг пошел в атаку. Здесь был тяжело ранен Усольцев. В списках безвозвратных потерь 34-й армии за 10 сентября 1941 года пропавшим без вести значится практически весь саперный батальон — 43 человека. Сдерживая прорыв, красноармейцы отходили к селу Высокое, туда же доставили раненого. Убитые в том бою советские солдаты были захоронены за деревней Хутонька, по дороге к станции Тулебля.

Слева направо: Валентина и Мария на могиле отца. Май 2017 года

С жителем деревни Хутонька

Мария Андреевна с Валентиной Николаевной Лукиной

Лукина рассказала сестрам: «Я хорошо помню эту, в Тулебле, могилку с деревянным обелиском и красной звездочкой наверху. Туда за 7 километров мы ходили на станцию к поезду со старшими деревенскими жителями, чтобы съездить в город Старая Русса за хлебом и другими продуктами. Потом останки тех захороненных воинов были перенесены в могилу вашего отца».

По словам Лукиной, после войны ограда была заменена на металлическую, были установлены обелиск и мемориальная плита с именами погибших. Однако имени красноармейца Усольцева в списке не оказалось, ведь он был похоронен тайно. Работники старорусского военкомата не учли этот факт при составлении паспорта воинского захоронения, хотя Васильева проживала в селе до 1955 года и знала данные подопечного. 75 лет Андрей Степанович пролежал в могиле как неизвестный солдат, а родные тщетно искали его могилу. Печальная оплошность была исправлена лишь в 2016 году благодаря нашей общей длительной поисковой работе.

Надо отдать должное чести сельчан — это они всегда содержали могилу в порядке. Над ней шефствовали школьники, комсомольцы колхоза «Заря», работники сельсовета. В День Победы со всей округи собирались жители на митинг, читали стихи. На могиле всегда лежали букетики полевых цветов, их приносили местные ребятишки. Воспоминания Лукиной дали толчок к новому поиску. Мария Андреевна теперь хочет найти потомков Екатерины Михайловны Васильевой, узнать о судьбе женщины и посетить ее могилу. Вероятно, искать их следует в Великом Новгороде, куда семья переехала в середине пятидесятых годов.

Незаметно пролетели два дня. В завершение поездки сибирячки побывали в деревне Хутынка (ныне — Хутоныка), где был ранен отец, посетили Мемориал в Старой Руссе, постояли у Вечного огня, почтили павших в боях за новгородскую землю.

Во время войны город Новгород находился под оккупацией 883 дня. За его освобождение сложили головы более 750 тысяч бойцов Северо-Западного и Волховского фронтов. Сотни тысяч умерли от ран и пропали без вести. Статистика беспощадна: только за 5 дней сентября 1941 года общая численность погибшего личного состава 34-й армии составила почти 9 тысяч человек, за две недели — около 33 тысяч. Потеряно 84 процента боевого оружия и техники. В этих жутких цифрах учтена судьба красноармейца Усольцева — одного из защитников Родины, тех, без которых была бы немыслима Победа.

Погибшие продолжают жить в памяти ныне живущих. Руслан Тасин до сих пор хранит свидетельство о рождении дедушки Шарипа, датированное 1899 годом! Подобных реликвий в российских семьях много. Недопустимо предательство памяти о погибших, и Мария Андреевна призывает хранить ее, обращаясь к людям через свое творчество. Цикл стихов под рубрикой «Поклонись им, Россия!» она посвятила героическому поколению отцов.

Отцовским поколением горжусь,
Хотя отца ни разу не видала.
Я за себя и за него тружусь,
А по-хорошему, мне кажется, что мало.

Отец, родной мой, где ты, отзовись!
Дай наставленье внуку на прощанье.
Хоть на плите могильной, но найдись!
Мне в тягость твое долгое молчанье.

Того не подозревая, последние строки четверостишья напророчили ей встречу с отцом. О ней — в новых строках:

Отец, родной мой, здравствуй! Я пришла.
Разлука наша очень долго длилась.
Твою могилу, наконец, нашла,
И давняя мечта осуществилась.

Из души идущие строки Марии Богоявленской звучат как призыв быть верными памяти погибших или пропавших без вести в войну. Ищите, не опускайте руки, и в один прекрасный момент откроется нужное. Либо вам, либо через кого-то боец даст о себе знать — время подтверждает это.

В память о поездке Мария Андреевна увезла саженец липы, росший близ отцовской могилы. Сын Марии, внук солдата, посадил деревцо в своем палисаднике. Молодой росток утверждает жизнь: он прочно пустил корни на сибирской земле и тянется ввысь.

ирина филатова

музы фронтовых

поэтов

*Окопная тетрадь Анны Жуковой
сохранила яркие моменты военных судеб*

Жизненная история Анны Васильевны Жуковой была такой же, как у многих ее сверстников того сурового времени: школа — выпускной — фронт. Война украла мечту. Пришлось девчонкам сменить платица на серые шинели и кирзовые сапоги.

Аня записалась на курсы военных шоферов по программе автобронетанковых войск и прошла стажировку в 27-м отдельном учебном автомобильном полку. И вот 22 августа 1943 года красноармеец Анна Жукова дала Родине клятву верности.

Начинается отсчет ее боевого пути в рядах 18-й гвардейской стрелковой дивизии, основной костяк которой составляли сибиряки. Место службы молодому бойцу определили далеко не тепленькое — в автомобильной роте 51-го гвардейского стрелкового полка. Боевую девчонку вскоре избрали комсомольским вожакот отделения. Список членов ячейки Аня хранила в придуманном ею тайничке: в обшивке небольшого блокнота сделала надрез, и в эту нишу прятала секретный листок. У комсомольского вожака был псевдоним Панкратова.

В одном отделении с Аней служила ее одноклассница и лучшая подруга Ольга Щелкунова. До войны девушки жили в городе Калачинске Омской области, дружили, доверяли свои мечты друг другу да девичьему дневнику. Дневник стал фронтовым. При любой редкой возможности двадцатилетняя Аня Жукова записывала свои впечатления в тетрадь.

Я держу в руках эту ее тетрадь и блокнот, читаю поименный список, чудом сохранившийся в Анином тайничке. Листаю страницы, словно прохожу дорогой боли и памяти. Уже давно выветрился запах пороха со страниц тетради, но она по-прежнему является живым свидетелем военной судьбы девчонок 40-х годов. О пережитом говорит Аня со страниц дневника:

Если будем живы да вернемся,
Завершив победно воевать,
В дружбе обязательно сойдемся
Старые тревоги вспоминать.

Вспомним, как в землянках закоптелых
Грели крепкий фронтовой чаек,

Как делили точно до предела
Водки ограниченный паек.

Как глухими, долгими ночами
Слушали метели дикий вой.
Почему-то лишь не замечали,
Как свистела смерть над головой.

Смерть, которую не замечали в стихах, наяву шла рядом и уносила жизни однополчанок. Вот еще одна фамилия вычеркнута из комсомольского списка — это погибла Маша Дронова. Нет Любы Денисенко — идет на убыль звено, и летят похоронки к родным девушек. Где-то далеко-далеко ждался Аню ее отчий дом, где живут мама с сестренкой и братом да растет раскидистая яблоня. Когда-то отец помогал детям сажать деревца, и каждый ребенок ухаживал за своим саженцем, но принялась и плодоносила только Анина яблонька!

Род Жуковых — из переселенцев, в конце аж XVIII века приехали предки из Украины в Омскую область и пустили корни на сибирской земле. У Василия Андреевича и Ирины Васильевны родились трое — Анна, Вера и Василий. Хозяйствовать глава семьи умел, был крепким середняком и прослыл толковым советчиком в рационализаторских делах. Прошел трудовую закалку на Омском шинном заводе, затем был назначен председателем сельсовета. Ирина Васильевна делила с мужем заботы, хлопотала по дому и была человеком добрейшей души. Соседи ласково называли ее Аришей.

Утром 22 июня 1941 года Василий Андреевич отбыл в командировку на север области, Аня поехала сдавать документы в юридический техникум. Весть о начале войны перечеркнула планы. В 1943-м коммунист Жуков ушел на фронт, за ним последовала и комсомолка Анна.

Ей довелось увидеть, как зверствует враг и как смерть товарищей усиливала ненависть к врагу. Тяжелораненый сержант Семён Данилов прикрывал отход разведчиков, взявших «языка», от показаний которого зависел успех наступления. В бессознательном состоянии сержант был взят в плен. Ему выкололи глаза, отрезали нос и язык, вырвали сердце. Изуродованный труп разведчика нашли наутро. Гвардейцы отомстили

Анна Васильевна Жукова

Анна Жукова (слева) и Ольга Щелкунова

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать.

1. Фамилия Жукова
 2. Имя и отчество Анна Васильевна
 3. Звание и должность Красноармеец
 4. Наименование части (учреждения) 27 ОУАТ
 5. Наименование подразделения (батальон, рота) 4 батальон 11 роты
 6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки Жукова

Место для фотокарточки владельца книжки _____

Командир роты _____ 1943 г.

Место (печати части) _____

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 26 ВУС

2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 10 классов.

3. Национальность Русская

4. Год рождения 1923 г.

5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1943 г. 21/VII

6. Каким военкоматом призван Омский район

7. Специальность до призыва _____

Красноармейская книжка А.В. Жуковой

Список комсомо.

№	Фамилия, имя, отчество	год рожд.	обр.
1.	Жукова Анна Васильевна	1923	10
2.	Целмукова Ольга Федоровна	1923	10
3.	Чебукина Наталья Ивановна	1920	7
4.	Дорохова Мария Акимовна	1922	7
5.	Гусева Александра Ивановна	1923	7
6.	Звоныкина Ирина Ивановна	1925	7
7.	Хорькова Варвара Анисимовна	1924	7
8.	Денисенко Любовь Петровна	1922	10
9.	Тимохин Иван Абрахамович	1920	5
10.	Жирис Екатерина Дмитриевна	1919	10
11.	Жуванка Анна Ивановна	1923	7

Список комсомольцев

за смерть товарища, его имя вплетено в Летопись солдатской славы.

Я продолжаю листать страницы. 18-я гвардейская стрелковая дивизия (прежде это была 133-я стрелковая дивизия, новое название она получила 8 марта 1942 года) с боями прошла через Юхнов и Калинин, в Смоленском сражении закрыла врагу путь на Москву, воевала на северном фланге Курской дуги. Сотни огневых километров остались позади, освобождены Курск, Брянск, Невель, Смоленщина.

Летом 1944 года в Белоруссии готовилась операция под кодовым названием «Багратион», и в воздухе витало предчувствие перемен. Дата наступления держалась в строжайшей тайне, но Аня уловила общий дух: «Стояли под Оршей, пошли в наступление 16 июня». Под Витебском записала в тетрадь «Темную ночь» Аркадия Дзюбина, тут же — четверостишие, зовущее к борьбе:

Орден Красной Звезды завоеван тобой,
Ты сказала, его получая:
«Я готова, как все, стать на подвиг любой,
На защиту любимого края».

В ходе операции «Багратион» практически перестала существовать самая мощная из трех групп немецких армий — группировка «Центр». Короткая передышка, и 18-я гвардейская стрелковая дивизия уже движется на запад. За три с лишним недели было пройдено 400 километров маршевого пути. Война вела Аню и ее отца разными фронтовыми дорогами, но полевая почта находила и связывала родных людей. Однажды они чуть было не встретились: отец воевал в Литве, параллельно его следам шла дочь.

А еще Аня, как и любая девчонка, мечтала встретить своего единственного. Но как жить и любить, если на твою долю обрушилась война? Ее избранник — жизнерадостный, веселый лейтенант-ровесник Василий Шестопалов служил в 58-м гвардейском стрелковом полку. Он родился и вырос на Орловщине, ушел воевать в декабре 1941-го. В тетради я увидела стихотворение, написанное чьей-то рукой. Почерк широк и размашист:

О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет.
И ленты твои, как траурный флаг.
Скажи нам, что все это значит?

Рядом три слова: «Писал Вася Шестопалов». Стихотворение несло ноту грусти, словно сердце паренька чувало близкую смерть. Утром 6 февраля 1945 года на подступах к Кёнигсбергу враг накрыл позиции 58-го полка шквальным огнем, четыре раза шел в атаку. Погибли командир взвода старший лейтенант Леонтий Кожемякин, рядовые Михаил Боков и Федор Гагарин. В 11 часов утра погиб командир взвода Василий Григорьевич Шестопалов. Похоронили его в местечке Зеепотен Восточной Пруссии.

Школьный снимок. Слева направо: В первом ряду — Вера Жукова, Мария Фетищенко. Во втором ряду — Нина Болотина, Анна Жукова. 24 июля 1940 года.

Фронтовой снимок. Николай Михайлов, Анна Жукова, Ирина Звонникова. 19 марта 1945 года. Виттенберг, Восточная Пруссия.

Дочь Жуковой Евгения Бартош за чтением фронтовой тетради

И вот скорбные строки в дневнике:

Ночь, как черная хищная птица,
Распласталась над нашей землей.
В каждом шаге здесь смертность таится,
А со смертью и вечный покой.

Девичий бисерный почерк выводил строчки стихов, выстраивал в ряд чужеземные названия: Ижлауджен, Витгенберг, Золкинен, Зеепотен, Пиллау... В городе Инстербурге списки павших в сводках мелькали с особой интенсивностью. Когда удалось сломить вражеское сопротивление, дивизия стала 18-й гвардейской стрелковой Краснознаменной Инстербургской дивизией. В ожесточенных боях имена воинов обрастали легендами: храбро сражался Александр Васильевич Чапаев — командир артдивизиона, сын знаменитого героя гражданской войны. Не обходилось без жертв, и медсанбаты не пустовали. Немало стихов посвящено медсестрам:

Родная армия послала за тобой
И назвала военной сестрой.
Спешите, девушки,
На грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Над ним летят встревоженные птицы,
Он слышит грохот грозных батарей.
Ты подползи и дай ему напиться,
И защити, и словом обогрей.

Он шел вперед, за Родину сражаясь,
Он бил врага гранатой и штыком,
К чужим траншеям с боем пробиваясь,
Лицом к лицу встречался он с врагом.

Его спасет подруга боевая,
И возвратясь в знакомые места,
Расскажет он, с любовью вспоминая,
О наших девушках из Красного креста.

За годы войны 14 980 гвардейцев дивизии были награждены орденами и медалями, среди которых они — музы в серых шинелях. Анна Жукова была удостоена медали «За боевые заслуги» 20 февраля 1945 года.

На той страшной войне около восьмисот тысяч женщин стали солдатами и наравне с мужчинами вершили победу. Среди Героев Советского Союза танкист Мария Васильевна Октябрьская, летчица Надежда Васильевна Попова, снайпер Татьяна Николаевна Барамзина — этот список можно продолжать долго, а жизни многих дочерей Родины оборвались, и награды им вручались «посмертно».

Приближался май 1945-го. Пали последние бастионы: Кёнигсберг, опоясанный мощной системой

Дочь Жуковой Лилия Миронова с внучкой Викой

Вика Миронова, правнучка Анны Жуковой. Снимок 2015 года.

укреплений, и порт Пиллау с военно-морской базой. Впереди — Победа! Ликование ощущается в солдатском творчестве, и юмор в эти дни был особенно к месту:

Геббельс часто в сводках врет,
Много в них воды он льет.
Эти сводки без воды — ни туды и ни сюды.

Немчуре пришел капут,
С голодухи немцы мрут.
Потому что без еды — ни туды и ни сюды!

Немцы лезли в Ленинград
И в Москву, что на парад.
Не прорвались их ряды — ни туды и ни сюды!

Отполыхало пожарище Великой Отечественной. Аня и Василий Андреевич вернулись домой, но очаг Второй мировой разгорелся на Востоке. Ушел воевать с японцами брат Василий. Судьба уберегла солдата, и брат вернулся в отчий дом.

Фронтное прошлое дневника-тетради Анна подытожила строкой: «В дни больших невзгод». В блокноте с этого времени добавился список тридцати пяти подруг по армии с адресами. Уже после войны у Жуковой было несколько встреч с однополчанками из Кемерово, Москвы и Молдавии. Верной подругой по жизни оставалась Ольга Шелкунова — обе девушки жили и работали в родном Калачинске.

Аня продолжила комсомольскую работу и в мирное время — была инструктором в горкоме ВЛКСМ. Сложилась и ее личная судьба. Аня вышла замуж за летчика-фронтовика Вениамина Лисовского. Окончив учебное заведение, получила звание младшего советника финансовой службы третьего ранга и работала в Сберкассе старшим кассиром. Родились дети — Василий, Евгения и Лилия. Трудовые будни принесли ей звание ударника коммунистического труда, что в советское время было весьма почетно. Анна Васильевна вырастила детей, они получили образование, дождалась бабушка и первую внучку. Перед самой смертью ей вручили медаль за взятие Кёнигсберга. Анна Васильевна Лисовская (Жукова) ушла из жизни в 1974 году в возрасте 51 год.

Ее фронтовую тетрадь, блокнот и награды полвека хранила старшая дочь Евгения. Было много фотографий. Их вместе с красноармейскими документами сдала в местный историко-краеведческий музей сестра фронтовички. Судьба тетради и блокнота решилась однозначно: их унаследовали дети Евгении — Юрий и Анна Бартош. Юра хранит боевые награды, а Ане, названной в честь бабушки, перешли тетрадь с блокнотом.

С этой семьей я знакома давно. Заслуженный учитель РСФСР Евгения Вениаминовна Бартош — человек мудрый и принципиальный, сорок два года педагогической деятельности посвятила воспитанию подрастающего поколения. О таких говорят — человек старой закалки. Как-то зашел у нас разговор о фронтовом наследии предков. Выяснилось, что мы обе храним дневники: я — своего отца, она — матери. Не скрою, фронтовая тетрадь Жуковой сразу заинтересовала меня: отдельные пометки требовали расшифровки, и в этом была их особая магия секретности. Кроме того, обозначился ряд вопросов: кто такие Павел Быстров, Павел Хизев, Илья Алейников, Виктор Никитин, упоминающиеся в тетради? На одной из страниц стоит пометка: «Стихи принес капитан Ройфе». Кем был этот советский офицер с немецкой фамилией? Со временем орешек раскололся. Удалось узнать о судьбах людей, чьи имена упоминались в тетради.

Гвардии капитан Илья Иосифович Алейников был тяжело ранен в бою и умер в медсанбате 22 октября 1944 года. Похоронен в Восточной Пруссии. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II степени. В память о нем осталось четверостишие, присланное Ане незадолго до гибели героя.

Гвардии капитан Александр Владимирович Ройфе был начальником дивизионного клуба. Награжден орденом Красной Звезды. В период боевых операций в Восточной Пруссии организовывал раненым бойцам киносеансы, концерты художественной самодеятельности, встречи с фронтовыми поэтами. Среди гостей был Константин Симонов. Долгие годы в тетради хранился автограф поэта, но исчез после нечистоплотных действий человека, в чьих руках побывала тетрадь. Этот лист оказался аккуратно вырезанным из Аниной тетради.

Фронтовой поэт Павел Хизев (Быстров)

Сохранился автограф орденосца гвардии старшего лейтенанта Виктора Дементьевича Никитина, который передал Жуковой 20 апреля 1944 года стихотворение «Девушкам-омичкам». Его посвятил Анне и ее подруге Ольге Щелкуновой поэт Павел Хизев. Он работал в дивизионной газете «Защита Родины» и писал под псевдонимом Быстров.

Девушкам-омичкам

Ни курянки, ни тулячки, ни москвички
Не приходят в память с каждым днем —
Почему-то девушки-омички
Зажигают душу, как огнем.
То ли их красы неувяданье,
То ли зрелость разума у них
Нас влекут с любовью и признанием,
Это — образ милых, боевых.
Я на «ты» зову их по привычке,
Мне приятен их задорный смех —
Почему-то девушки-омички
Мне пленяют душу больше всех.

Стихи Хизева (Быстрова) в дивизии любили, их много в Аниной тетради. К примеру, «Не вовремя нанесенный визит» — еще одно посвящение подругам.

О, Ольга, он тебя любил,
Как день сияющий, лазурный.
Тебе одной он посвятил
Расцвет печальный жизни бурной.
Но ты, успев свернуть с определенного маршрута,
Решила нынче улизнуть,
Наверно, ждал тебя Нарута...
... «Жучок», ну что тебе сказать?
Скажу правдиво, очень гулко:
Любовь не смеешь расплескать
По захолустным закоулкам...

Василий Григорьевич Нарута — орденосец, гвардии старший техник-лейтенант. Был командиром 511-й отдельной автороты подвоза. Так однополчане становились героями стихотворений.

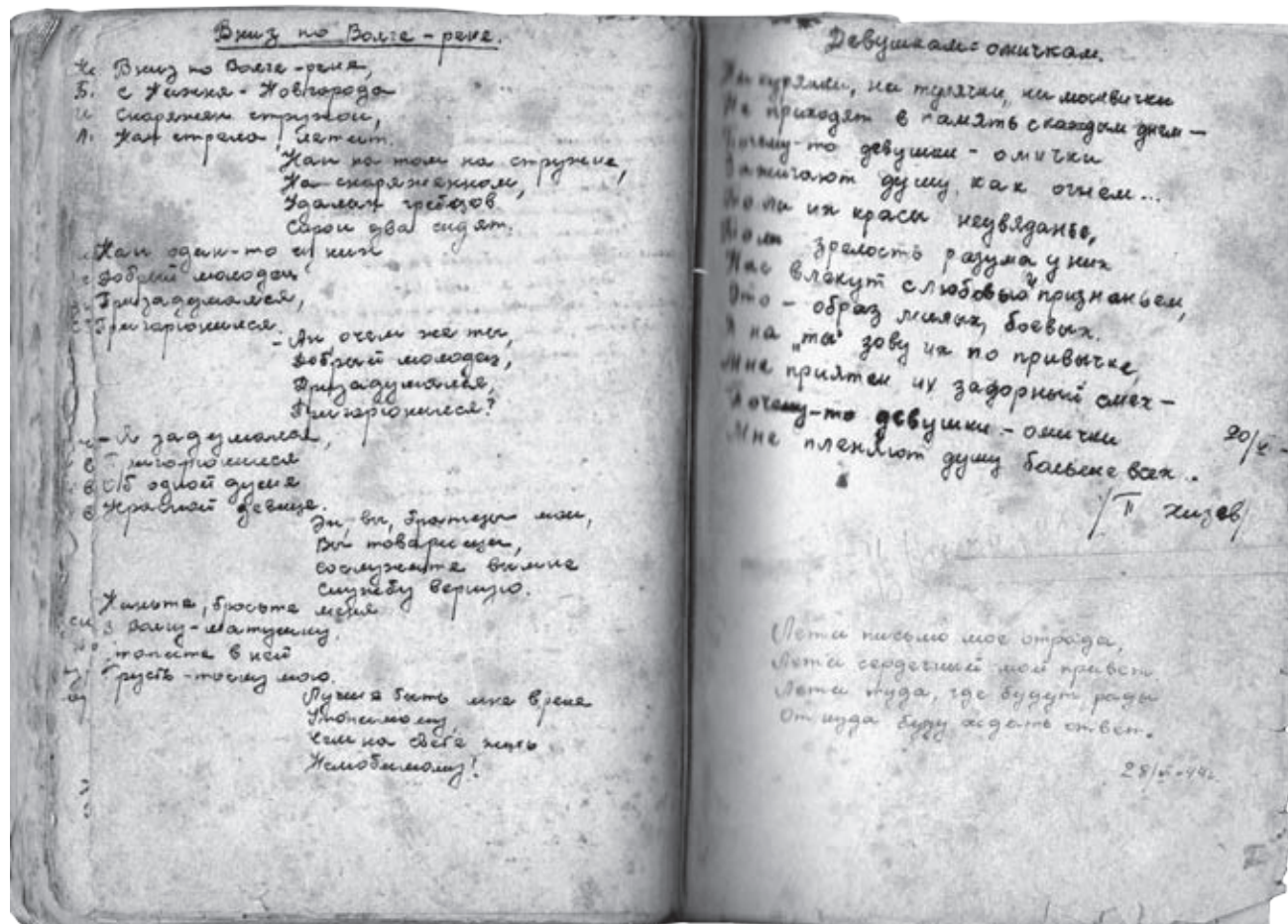
Павел Антонович Хизев в годы заслуженного отдыха.
Город Щигры Курской области

Первая страница фронтовой тетради начинается с творчества Хизева: «Из письма П. Быстрова, 18 г.с.д. д. Орехово-Ручей».

Не пытаюсь выразить искусство
В разговоре искреннем с тобой.
Говорят сегодня мои чувства,
Говорят, как с девушкой простой.
Я, как ты, простой и не загадочный,
И в одну душу я влюблен.
Знаю, ум твой юный и прозрачный
В дни войны никем не покорен.

Известно, что на войне людьми двигала любовь — к женщине, жене, матери, к Родине, к жизни. Любовь лежит в основе поэзии Хизева. В дни передышек гвардейцы коротали досуг: кто-то играл на гармошке, а Хизев, например, писал стихи на скорость, оправдывая свой псевдоним. Помечено: «Среда, 10 мая. 24:00 (время засекает Митя)»:

Вам привет от Мити и Вани,
Горячи — не застыть на снегу!

Стихотворение Павла Хизева, посвященное друзьям

Ну а сам я для Жуковой Ани
Свой привет на душе сберегу.
Сберегу полной чашею ласки,
Что наполнили пламенем кровь.
Если час долгожданной развязки
Осчастливится словом «Любовь».

И дальше авторская просьба: «Как выглядит творчество? Просьба ответить письменно и строго по отношению к автору».

После войны поэт Павел Антонович Хизев жил в городе Щигры Курской области, посвятил свою жизнь журналистике, работал в областной и районной печати. В свет вышли несколько сборников его стихотворений. Он ушел из жизни в 1996 году в возрасте 80 лет.

Я попыталась найти потомков поэта, и 6 апреля 2016 года откликнулся его внук Алексей. Он понял, что в моих руках оказалась фронтовая тетрадь Ани Жуковой, наполненная стихами его деда, ведь непосредственно в 51-м и 58-м гвардейских полках осенью 1943 года Хизев черпал примеры для героических материалов дивизионной газеты «Защита Родины»! По словам внука, фронтовой сборник деда «Конверты голубые» читали всей семьей. Молодой человек вспоминал, как приезжал к нему в

гости и они вместе ходили за грибами, но дед о войне речи не вел.

Я выслала фотографии страниц тетради, в ответ получила фронтовой снимок Павла Антоновича. Алексей сообщил, что мужчины семьи Хизевых продолжили военную династию, а правнучка несла 9 мая его портрет в колонне Бессмертного полка. Я попросила Алексея связать меня с Юлием Павловичем, его отцом, сыном поэта. Я не уверена, что все стихи из Аниной тетради вошли в сборник Павла Хизева.

К сожалению, общения не получилось, и мне не удалось что-либо узнать о послевоенной жизни поэта. А он, судя по его строкам, по-прежнему был причастен к народу, к людям:

И всегда мы горды этим днем,
Что о счастье нам снова поведал.
Самым лучшим, волнующим в нем
Есть и будет: народ и победа!

Мы, нынче живущие, должны по крупинам собирать правду о минувшей войне. Наш долг передать ее грядущим поколениям, чтобы историческая память народа оставалась на века.

♥ валентин ферулёв

родина малая —

свет в мои окна...

Письмо в «Проталину»

Родился я в Сибири в далеком 1936 году, 26 ноября, в селе Верблюжье, что расположено в долине реки Иртыша в 70 километрах севернее города Омска. Школу окончил в 1955 году в таежном селе Седельниково Омской области. В 1960 году окончил Свердловский горный институт им. В.В. Вахрушева. Вся трудовая биография связана с Уралом. В 1988 году я получил звание «Почетный транспортный строитель России».

Мое поэтическое творчество делится на два периода. Первый — шестидесятые-семидесятые годы — участие в литературном объединении им. Михаила Пилипенко при свердловской областной газете «На смену!». Активно печатался в периодике. В восьмидесятые-девяностые годы у меня был перерыв в публикациях, связанный со значительной производственной нагрузкой и событиями в стране. Однако поэзию, по возможности, не забывал.

В 2002 году переехал с семьей из Екатеринбурга на свою малую родину — в село Верблюжье, где начался и продолжается второй период моего поэтического творчества.

Довелось публиковаться в разных краях — на Урале, в Бурятии, в Омской области. Печатался в журналах и антологиях. Вышли три авторских поэтических сборника — «Листая прошлого страницы», «Рядом с тревогой надежда», «Месяцеслов». Награжден медалью в честь 200-летия М. Ю. Лермонтова.

С журналом «Проталина» мне посчастливилось познакомиться в 2010 году. С тех пор практически ежегодно, после пребывания в Екатеринбурге, я возвращался домой, в Сибирь, с очередным номером журнала.

ПРИБЛИЖАЕТ СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МНОГОШИРОТНОСТЬ ОТ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ ДО МАЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, А ГЛАВНОЕ, ЧТО БЫ Я ОТМЕТИЛ, НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА В ПРОЗЕ, СТИХАХ, ФОТОГРАФИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НАШИ ЧЕСТНЫЕ, ЧИСТЫЕ, СВОЕОБЫЧНЫЕ, ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ.

Я отдал Уралу, Екатеринбургу (считая студенчество) десятки лет активной жизни, чем и горжусь! Отбыл я на свою малую родину, согласуясь с хорошей русской пословицей «где родился, там и сочился».

«Проталина» для меня — живая связь с Уралом, с моим городом. С приливом ностальгических чувств читал я воспоминания первого инициатора и руководителя литературного клуба имени Михаила Пилипенко Светланы Марченко, продолжателя этого дела Виктора Соколова. Я был в числе первых «призывников» этого клуба. В памяти вы светляются имена друзей-товарищей по литературным дерзаниям: Юры Лобанцева, Тамары Чуниной, Володи Кочкаренко, Андрея Комлева, Феликса Шевелёва, Валеры Деткова и многих дорогих моему сердцу людей, искренне любивших поэзию. Публикуемые на страницах «Проталины» произведения вызывают благие чувства к авторам и людям, делающим удивительный и нужный журнал. Длительное время, воспринимая высокую планку «Проталины», меня смущало желание предъявить журналу свой поэтический опыт. Однако дружеское обращение к читателям и желание обрести новых авторов решило исход моего желания.

ВАЛЕНТИН ФЕРУЛЁВ

* * *

Живу на земле,
земле моих предков,
потом политой,
пропитанной болью —
не гость наезжающий
на родину редко,
а туго повязанный
с нею любовью...
Родина малая —
свет в мои окна:
каждое утро
восторги зари,
будто раскинув
ночные полотна,
каждое утро
летят снежиры
над Иртышом,
над озерными чашами,
над серой деревней,
над кладбищем серым,
над быта завалами,
глухо молчащими,
над пашней заросшей,
над лесом горелым...
Покорная боли,
 неясной судьбе,
родина малая,
 голос твой где?..

* * *

Утро моросит туманом —
мокрит листву,
 травящу тоже...
Должно быть,
 вышел слишком рано —
утро на озноб похоже.
Ушла последняя звезда...
День будет явно непогожим.
Скворец метнулся от гнезда,
мой взгляд за ним
 метнулся тоже.
Туман от мокрого порога
скользит в низины осторожно...
Скользит в душе моей тревога,
и у скворца,
 я знаю, тоже.

На темном бархате сосен
проступает березами осень...
С колокольни,
где бредит звонарь,
солнце варит осин киноварь.
Даль сквозная...

Звоны, как листья,
с колокольни падают вниз,
над моею тропой зависли,
исполняя осенний каприз...
Ветхий дом лесника

при дороге,
в окнах

стынут костры из герани,
ощущения смутной тревоги
переходят запретные грани.
То ль тревожит закатный пожар,
где полнеба бездымно багрит,
то ль надежд остывающий жар
душу чуткую так бережит...
Ощущая тревожную хмарь,
я спешу через мой листопад,
подожди меня,
добрый звонарь,
давай вместе ударим в набат.

В закатном сентябре

Багряным пламенем подлесок
однажды вспыхнул на заре —
многозначителен

и резок
огонь в закатном сентябре.
Кострищем шалые осинки
под разноцветием берез...
С прощальной зелени

слезинки
падают в разливы рос...
Художник истину искал
в тебе,

загадочная осень,
твоими красками писал
икон божественную проседь...
Берез златые купола
уходят в дали заревые,
из бронзы солнечной литые
звонят небес колокола...
Воспринимаю красоту,
живую,

чувственную просинь
и, не крестясь,
свой крест несущую
в свою неистовую осень.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Улетучилось диво,
пришли непогоды.
Стального отлива
в озере воды.
Берег мездрой
от болотины черный —
кочкарник речной,
кочкарник озерный...
Дальше за ним
огороды на взгорье,
над трубами дым,
а, может быть, горе...
А, может быть, радость
хлопочет у печек,
а, может быть, старость
теплом спины лечит...
Деревня на вечер —
усталый закат,
редкие встречи,
прищуренный взгляд...
Власти блефуют —
какая беда?..
Деревня дрейфует —
дрейф в никуда.
Словечки — укосины,
думки — опоры,
ветер разносит
житейские споры...
Большая деревня —
разные судьбы...
Чернеют деревья,
как в мантиях судьбы.

По всей России,
по Европе
сквозной без рубежей Некрополь —
сибиряки покойно,
просто
лежат безмолвно на погостах.
Простые русские Иваны
/Андреи, Александры, Кости.../
одной вселенской
рваной раной
безмолвно стонут на погостах.
В земле вихрастые задиры
и те, кто был не без седины —
политруки и командиры
своих трагических судьбин.
Кровавым потом,
а не зельем
взрывая страх перед врагами,
руками обнимая землю,

оберегли ее телами...
А из глубин десятилетий
глядят, безгрешны и юны,
те — не родившиеся дети
тех — не вернувшихся с войны...

Памяти И.Ф. Мартынова, погибшего в Берлине

Исход апреля...
Сорок пятый год.
Берлин.
Последние сраженья...
Враг обречен на поражение,
а по земле... весна идет...
Весна от утренней зари
и от заката до рассвета
стерильным
яблоневым цветом
бинтует раны у земли.
Рассвет восходит над туманом...
Прошла команда по цепочке —
будут жертвы,
будут раны,
но надо ныне ставить точку.
С великой правдою солдата
поднялся в свой последний бой
Иван Мартынов,
дядька мой,
войну прошедший без санбатов.
Ударил вражий пулемет,
и пал солдат
в той крутоверти —
вершина жизни,
смерти взлет,
вернее, взлет его бессмертья!..

за роcсию, за тебя

*Перед поэтом
в серых шинелях
юноши встали.*

С. Гудзенко «У памятника»

От Времен седоголовые
у закрая тополя —
терпеливые,
безмолвные
глядят задумчиво в поля...
Там, за туманом,
перелесками,
где свод сближается с землей,
ветра бунтуют бестелесные

над безымянною судьбой,
над поименными могилами
в просторах ратных
за рекой,
где боль и месть,
сбравшись с силами,
исход решали Мировой.
Фронт и Тыл —
где было легче?
В атаке смерть или в беде?
А жизнь?
Как памятник навечно
той драматической судьбе...
С тех пор
бессмертьем опаленные,
за Мать-Россию,
за тебя,
без Имен
и Поименные
стоят на линии огня!..

и рукопись заговорила...

Человек никогда не уходит совсем. Остаются его дела, неосуществленные планы и долгая память тех, кто его любил и знал.

В мастерской Евгения Ивановича Пинаева и по сей день остается все так, как было при нем. Тесная, любовно обжитая комнатка, которую художник называл каютой, удивительно вмещает многое. Первое, что бросается в глаза: узкая койка, над ней стеллаж с книгами, и рядом рабочий стол, на котором по-прежнему стоит компьютер. Надо сказать, что мастерская-каюта была, насколько можно, восстановлена после пожара. Пожар случился у соседей, и огонь перекинулся на двор Пинаева. Тогда, по счастью, картины Евгения Ивановича были на выставке, а погибли дорогие для него сувениры и предметы, привезенные им из многолетних мореплаваний. Тогда же сгорела и часть его писательского архива. Помогали восстанавливать мастерскую друзья мастера. В ней он работал до последних дней, отдаваясь воспоминаниям.

Компьютер сохранил эти страницы, и мы можем опять услышать живой голос писателя.

Голос писателя умолк 29 сентября 2016 года в уральском поселке Калиново, где он жил в последние годы. Но только теперь, основательно разбирая архив, его младший сын Дмитрий нашел три неоконченных повествования. Он и передал их в редакцию «Проталины». Евгений Иванович был не только нашим постоянным автором, он состоял в Общественном совете журнала. Он был нашим другом.

Рукописи не имеют даты написания, но, по всем данным, это последнее, над чем писатель работал. Это три самостоятельных произведения: «В стране магнолий плещет море», «Офигения в Тавриде», «Сны и сновидения».

Публикуется «В стране магнолий плещет море» — автобиографическая поэма, где приключения

переплетаются с раздумьями, а прошлое с настоящим. Она удивляет яркостью и сочностью языка и мягкой иронией. Картины настолько правдивы, а герои так узнаваемы, что начинаешь проживать написанное как бы вместе с автором! И даже неожиданный обрыв в финале только добавляет уверенности, что ничего не кончается, и открывается свобода воображению. Остроумные ссылки, цитаты, упоминания героев книг показывают большой диапазон начитанности автора, его жадного интереса ко всем граням жизни.

Вместе с рукописью редакция получила ценнейшие свидетельства крепких глубоких дружеских связей Пинаева с миром творческих людей. Нельзя не упомянуть тех, кто всегда были и остаются по сегодняшний день верными помощниками. Эти люди буквально продлевают жизнь творческого наследия Евгения Ивановича Пинаева.

Перед нами страницы эссе французского писателя, публициста и переводчика Тьерри Мариньяка «В зоне техногенной катастрофы (на смерть художника Евгения Пинаева)», размещенного в блоге этого писателя тогда же, осенью 2016-го. В своем эссе Тьерри Мариньяк рассказывает об одной короткой калиновской встрече, которая оказалась незабываемой для обоих. Обеспечил эту встречу Роман Родыгин, к слову, он всегда горячо помогал всей семье в любой ситуации. Уже в октябре 2016-го был сделан перевод текста Тьерри Мариньяка с французского на русский язык, и в качестве послесловия он вошел в посмертное издание книги Евгения Пинаева «Звездный волк». Работать с переводом проявила желание Кира Сапгир. Старший сын писателя Борис был в переписке с Тьерри Мариньяком и активно способствовал выходу этой книги. Обложку оформляла Маргарита Фёдоровна Пинаева — жена писателя. Подготовкой к изданию книги занимался Аркадий Александрович Шпетный, он же нашел деньги на печать. На страницах этого номера мы полностью публикуем эссе Тьерри Мариньяка.

Евгений Пинаев. Судьба морского волка и художника, наверное, еще в предчувствии

В ноябре 2016 года состоялся выход электронной книги Евгения Пинаева «ТРЕБУЕТСЯ РОБИНЗОН» с иллюстрациями известного художника ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ. ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ САМ ЗАКЛЮЧАЛ ДОГОВОР НА ЭТУ КНИГУ, НО ВЫХОДА ЕЕ НЕ ДОЖДАЛСЯ. НА ОДНОМ ИЗ РИСУНКОВ ЕВГЕНИЯ СТЕРЛИГОВА УВИДЕЛА ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛЫМ, ОЗОРНЫМ, ДОБРЫМ ЮМОРИСТОМ, КАКИМ ОН В ДУШЕ ВСЕГДА И БЫЛ. В 2017 ГОДУ БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ЦЕЛАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ ПРОГРАММА ЖИВОПИСНЫХ РАБОТ ЕВГЕНИЯ ПИНАЕВА ПОД НАЗВАНИЕМ «КОГДА ПРОЩАЕШЬСЯ С МОРЕМ...». КУРАТОРОМ ПРОГРАММЫ БЫЛ ФОНД-МУЗЕЙ ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ «ШЛЕМ», ПЕРСОНАЛЬНО ЭТИМ ЗАНИМАЛСЯ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ МАЛИНОВ. ВЫСТАВКИ ЭКСПОНИРОВАЛИСЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ — В ДОМЕ КИНО, РЕЗИДЕНЦИИ ГУБЕРНАТОРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, В МУЗЕЕ «ГАЗПРОМТРАНСГАЗА», А ТАКЖЕ В ДЕТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ШКОЛАХ НОВОУРАЛЬСКА И РЕВДЫ. НА ДВУХ ВЫСТАВКАХ ВИКТОР МАЛИНОВ ПРЕДСТАВИЛ ЕЩЕ И ГРАФИКУ ЕВГЕНИЯ ПИНАЕВА ИЗ СОБРАНИЯ ФОНДА-МУЗЕЯ ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ «ШЛЕМ» (ЭТА КОЛЛЕКЦИЯ ПЕРЕДАЕТСЯ В ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ).

В 2018 ГОДУ РАБОТЫ ЕВГЕНИЯ ПИНАЕВА ВОШЛИ В ВЫСТАВОЧНУЮ ПРОГРАММУ ИРБИТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ. КАЖДЫЙ ГОД ВЫХОДИЛИ КАЛЕНДАРИ С РЕПРОДУКЦИЯМИ ХУДОЖНИКА. ПЕРВЫЙ МАЛЕНЬКИЙ НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 2017 ГОД, С КОМПЛЕКТОМ ОТКРЫТОК, БЫЛ СОЗДАН ИЗ РАБОТ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ДЕТСКОМУ ОТРЯДУ «КАРАВЕЛЛА», КОТОРЫЙ ВОЗГЛАВЛЯЕТ ЛАРИСА КРАПИВИНА. ВТОРОЙ — НА 2018 ГОД — ЭТО БОЛЬШОЙ НАСТЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ С РЕПРОДУКЦИЯМИ КАРТИН, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ВЫСТАВКАХ. ЕГО ВЫХОД В СВЕТ КУРИРОВАЛ ВИКТОР МАЛИНОВ. ДИЗАЙНЕР МАКЕТА КАЛЕНДАРЯ, ПЛАКАТА И БУКЛЕТА ВЫСТАВОК — РИНАТ ХУСАИНОВ, СОУЧРЕДИТЕЛЬ РЕКЛАМНОГО АГЕНТСТВА «КАРАНДАШ».

Родные писателя представили ряд семейных фотографий и шутливый, но в то же время очень серьезный текст — памятка-наставление внуку СЕРЕЖЕ — КАК БУДТО ДЕД, ДЕРЖА ЗА РУКУ ВНУКА, ВЕДЕТ ЕГО В БУДУЩЕЕ...

Сережа!

Ведя вперед свою ладью, гляди в подозрную трубу, все мели, рифы и киты тебе отроются в пути, как на ладони, но оне на самом деле все —

в воде.

Ты рифы сразу обгинай, про мели тож не забывай, а коль подозрная труба преподнесет тебе кита, ты помаши ему рукой. Хоть кит огромный, он не злой.

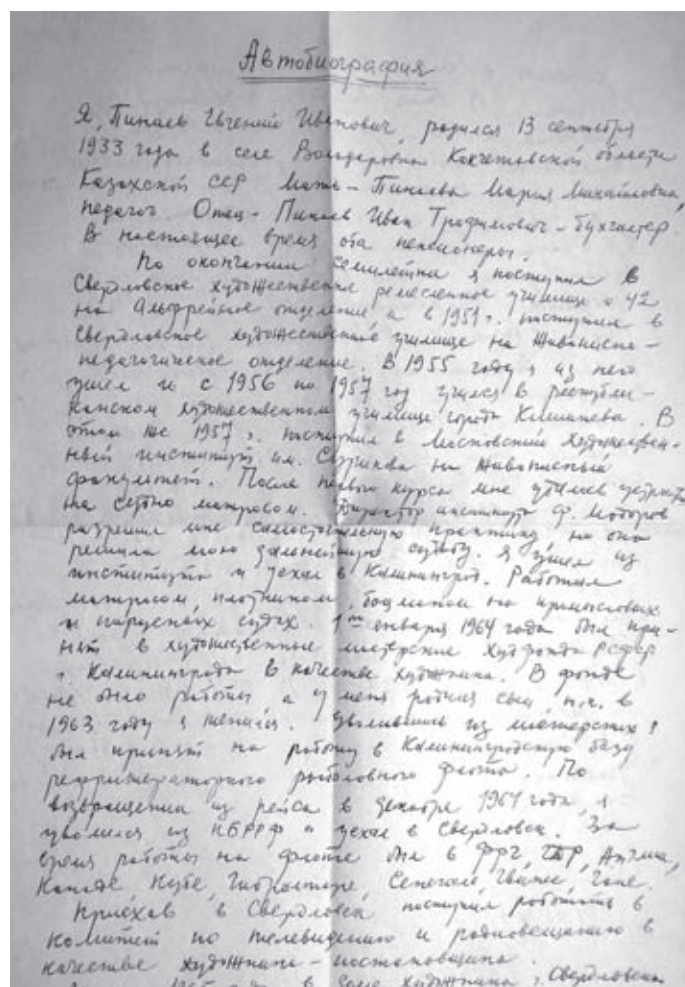
В трубу увидишь ты рассвет над океаном в свой черед.

Когда ты встретишь ночи тьму,
то к небу подними трубу,
тогда заглянет в окуляр созвездий куча:
вот Кентавр, Кассиопея, Козерог крутой
тебе покажет рог,
по этим звездам капитан ведет корабль в океан.

Перед читателем встает живописная, полная испытаний и все-таки счастливая судьба!

«Проталина»

Снимки предоставлены из архива семьи Пинаевых

Так начиналась его жизнь (из автобиографии, написанной 1 июня 1974 года)

На снимках:

Былые скитания полотна хранят

Евгений Пинаев с внуками Сережей
и Андреем

ЕВГЕНИЙ ПИНАЕВ

В стране магнолий

плещет море...

Праздные рассуждения и ненужные воспоминания в зимние вечера

В стародавние времена, кажись, еще до пресловутого миллениума, я работал в художественно-производственных мастерских Худфонда РСФСР. Быть художником-оформителем занятие довольно скучное. Бесконечные планшеты с диаграммами побед и разочарований приносили какой-то доход, но не давали удовлетворения, а потребность в нем имелаась. Чтобы заполнить пустоты в ежедневном бодании с прозой жизни, налегал на живопись. Даже что-то выставлял на городских и областных выставках. И однажды случилось невероятное. Отдел культуры Свердловского обкома КПСС приобрел у меня для Ирбитского художественного музея пейзаж под названием «На дальних берегах». Автору и поручили доставить приобретение новому владельцу «шедевра».

Из столицы Урала отчалил я электричкой, прибыл в неведомый мне город, посетил музей, сдал покупку, а вот в обратный путь, находясь в самом благоприятном расположении духа от сознания выполненного долга, пустился на борту ночного автобуса.

Покачивание пассажирского тарантаса, толчки и подбрасывание на ухабах сморили путешественника. Я задремывал, когда два паренька, сидевшие передо мной в соседнем кресле, включили то ли магнитофон, то ли приемник. Слуха моего достигло знакомое песнопение: «Не зная горя, горя, горя, в стране магнолий плещет море», и так далее вплоть до мальчишек, которым «по ночам девчонки снятся».

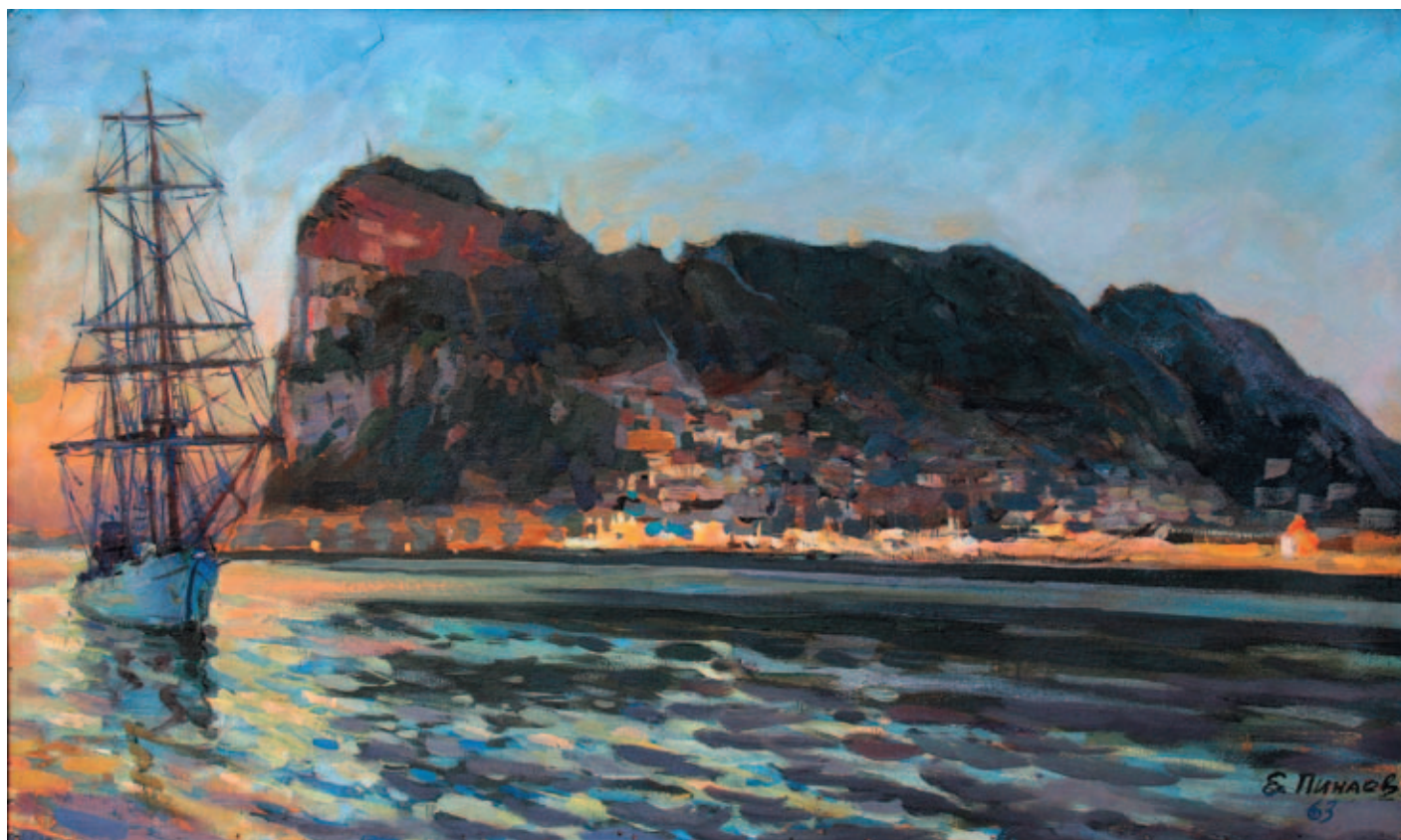
«...им по ночам колготки снятся». Я проглотил смех: что это, откуда всплыло? А-а-а... Вспомнилась другая ночь, другой автобус, другая дорога, а с ними и все остальное, вместившее два года жизни.

Пареньки еще несколько раз воспроизводили «магнолии», но уже не слушал. Я погрузился в совсем недавнее прошлое, и мне плевать было, что мальчишки, сидевшие на заборе, жадно смотрели на танцплощадку и не особенно переживали, что «не для них сегодня танцы». Танцы и девчонки ждали их впереди.

1

Была в Калининграде такая контора — Запрыв-проморазведка. Вряд ли она еще существует, но когда-то ее промысловые суда, имевшие на борту «научников», то есть ихтиологов и близкую им по духу прочую братию, окопавшуюся в АтлантНИИПРО (Атлантический научно-исследовательский институт промысловых резервов океана), сновали по всему Мировому океану. Вот и я оказался в этой конторе. В санитарном паспорте моряка, в графе профессия (а может, должность) было написано: боцман. Я даже прошел квалификационную комиссию, но оказался в мастерской по ремонту глубоководных приборов и терморегуляторов. Впрочем, там и телевизоры ремонтировали для начальства, холодильники, радиоприемники, а мне выделили место среди кораллов, красивейших раковин и ракушек, среди чучел акул и разнообразных крупных рыб. Здесь готовились экспонаты для музея того же Атлантического института, но и главным образом для подношения «нужникам» — столичным и местным вельможам, имевшим рычаги власти. Эта сфера деятельности мастерской меня не касалась. У меня были просторный стол, гуашь, кисточки и ватманская бумага. Я поставлял, иногда размером в три листа, стенные газеты, материал для которых исправно поставлял партком. Он же и посадил меня на зарплату, чтобы я не ел дармовой хлеб, находясь в платном резерве плавсостава.

Мастерская находилась в просторном подвале. Стенгазеты мне осточертели, и я постепенно зверел. Особенно после того как нач. кадров Костюк, выполняя просьбу друга, начальника здешних санаториев, отфутболил меня в Отрадный. В здешней кузнице здоровья приходилось заниматься вовсе постылым, но «до боли знакомым делом» — громадными плакатами-инструкциями для местных котельных. Да, я жил в уютном одноместном номере, да, кормили меня бесплатно и как на убой, но тяжелы были бес-

Евгений Пинаев. Тропик на рейде Гибралтара

Евгений Пинаев. Море мрака

сонные ночи. Я долго не засыпал, слушая тоскливые скрипы сосен, завывание ветра, плеск и удары зимних штормовых волн в обледеневшие прибрежные валуны, и думал, доколе это будет продолжаться?! Вернувшись в Кениг* и встретив в коридоре начальника конторы, я так его и спросил. Мы были в добрых отношениях. Иногда он навещал подвал и дважды останавливался за моей спиной, наблюдал за моей работой, а однажды спросил о Суриковском, не жалею, мол, что бросил институт? Почему? Заглядывал в мою анкету? Вряд ли. Ответ пришел после того, как я купил «Атлас ядовитых и опасных рыб Атлантического океана»: альбомчик был снабжен собственноручными иллюстрациями босса! И вот встреча на ходу — вопрос задан, ответ неутешительный.

Две недели назад меня экзаменовала парткомиссия на предмет получения первой визы, дающей право посещать заграничные порты. Я отбарабанил нужное седовластым дядям, а ответа, нужного мне, не получил. Управляющий Тарасов открыл «секрет». Отвел меня к окну и поведал, что партийцы делали обо мне запрос в органы по месту последнего местожительства. Те наведались к моему дому и узнали от вездесущих старух, разводящих тары-бары у подъезда, что товарищ, о котором идет речь, был, по их наблюдениям, неоднократно замечен в злоупотреблении алкоголя, что отразилось в его речах

и походке. Однажды, в ответ на замечание, он глумливо пропел: «Здравствуйте, старушки, здравствуйте, родные, здравствуйте, бабули, и гуд бай!» И бутылками в портфеле загремел. Двумя, а может, тремя.

— Ты чего улыбаешься? — спросил Тарасов. — Дом вспомнил, родной город?

— Бабулек, — доложил я. — Они забыли пропеть особисту концовку. После «гуд бай» следует: «Вы меня бранили, вы меня ругали, а теперь мерси вам, все ол райт!»

— Не все ол райт, сам понимаешь, что твое дело тухлое, — нахмурился босс. — Я-то донос прочел с удовольствием. Подробно изложено. Особенно понравилось «глумливо». Ловко и к месту вставлено. Да, все так, но ничего поделать не могу, хотя теперь мы сами открываем загранвизу. Может, тебе на время в «холодильник» податься? Контора тебе известна. Ты в ней работал когда-то. У них есть невизированные плавбазы. Сходишь рейс-другой, а вернешься, все и уладим.

— Я хоть куда готов, лишь бы поскорей в море, — ответил с готовностью, тем более «холодильник», бывший Запрыбхолодфлот, ныне Калининградская база рефрижераторного флота, кормил меня до перехода на «Меридиан». — Пусть будет «холодильник». Когда-то мы шутили: у кого не было забот, поступай в Запрыбхолодфлот.

— Забот везде хватает, — помрачнел Тарасов. — Иди, а твою заботу мы решим.

*Кениг — Кенигсберг, ныне Калининград.

дополнительная приписка

Значит, снова в «холодильник»?!. Что ж, туда мне и дорога.

В прошлый раз попал в него из Моргентства по перегону судов. Перегоняли на Камчатку караван из 23 «мартышек» (МРС — малый рыболовный сейнер с командой из восьми человек и районом плавания не далее пяти миль от берега), небольшого танкера и траулера типа «Окунь» английской постройки. Во главе — наш СМБ «Бдительный». Во время шторма у острова Диксон, когда мы пытались стащить на воду выброшенную на берег «мартышку», намотали на винт буксирный трос. Когда освобождались от него (досталось хлопот нашим водолазам!), палубная команда принимала в этом посильное участие. Мое старание было отмечено приказом начальника перегона Морякова, а благодарность записана в трудовой книжке. Я гордился ею и, надо же, книжка погибла именно в «холодильнике», когда наш старенький пароход «Холмск» стоял в сухом доке судоремонтного завода «Тосмаре», что в латышском городе Лиепая. Кто знает, может, это меня и спасло, когда под отделом кадров взорвался скопившийся газ. Погиб начальник кадров, закуливший сигарету, и много бичей, штурмовавших кадровую цитадель.

пояснительная отписка

Вы спросите, кто такой бич? Бичи бывают разные. Одни обитают на пляжах Гавайев близ Гонолулу. О них можно почитать у Джека Лондона. Наш морской бич сочинил про себя такое четверостишие:

Голодный бич страшнее волка,
а сытый бич добрей овцы,
но не добившись в кадрах толку,
голодный бич отдал концы.

Бичи бичевать не любят, но цели ставят разные. Одни хотят попасть на пароход и уйти на промысел. Идут и хихикают:

Мы идем, а нас штивает,
на нос льет, с кормы сливает
и так поддувает,
что колосники в трубу летят.

Жизненное кредо некогда бича, а теперь рыбака, аскетично: «Рыбу — стране, деньги — жене, а сам — носом на волну».

Чтобы покончить с фольклором, приведу еще один образчик, почерпнутый когда-то в «Мурмансельди»:

Мы идем извилистым фиордом,
это видно по матросским мордам.
Нет ни шуток, ни веселья,
голова болит с похмелья
после шика, пьянок и комфорта.
В Мурманске всего вдоволь набрали,
шпринги и продольные отдали,
в три гудочка прогудели,
мы пошли на три недели
слушать капитанские морали.
Шкерим мы на пласт и на колодку,
позабыв про берег и про водку.
Тут уж некогда помыться,
даже некогда побриться,
поневоле отрастишь бородку.
После рейса в «Арктику» набьемся,
до горла водярою нальемся,
позабыв, как волны нас швыряли,
когда в небе всполохи играли.

Целую поэму придумали северяне! Наши бичи, из Кенига, занимались баловством: четыре строчки и — точка. В том же «холодильнике» переделали куплетик известного шлягера «Поцелуев мост» и утомонились.

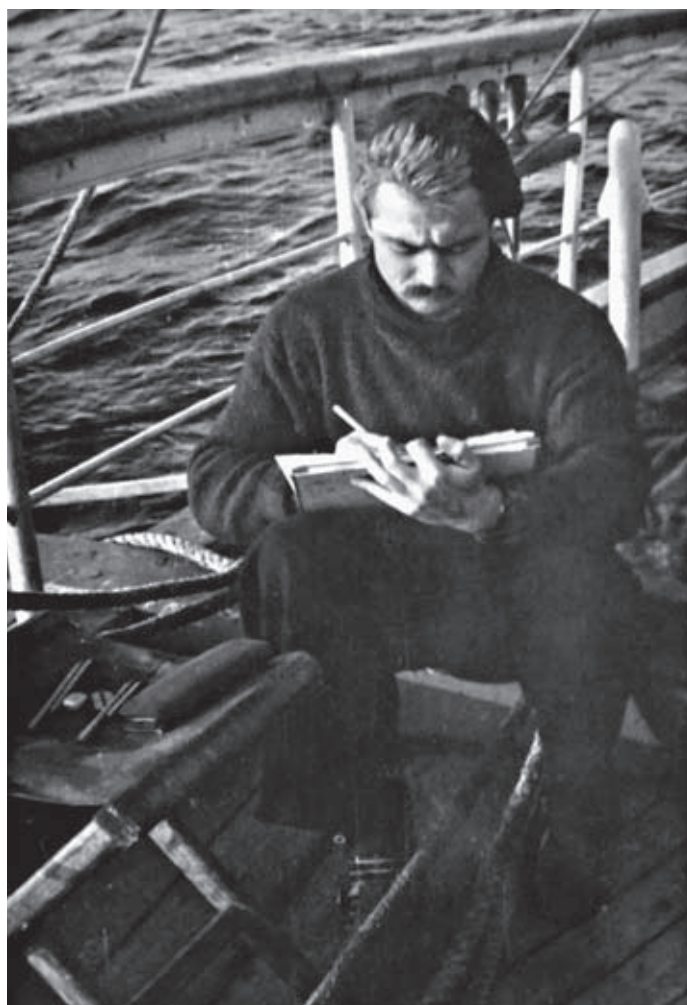
Когда мы были молоды,
служили в «Запрыбхолоде»,
ловили мы треску и окуней,
и в Африке бывали мы,
сардину добывали мы,
и тратили валюту на ...дей.

Но вернемся к нашим, вернее, к моим баранам.

Когда начальство решает решительно решить какой-то вопрос, колесо крутится быстро. Полагаю, дело было так. Тарасов позвонил Костюку, тот звякнул в КБРФ ихнему Коденко, этот дядя отзвонился в ответ, мол, пусть пишет заявление, но есть условия. Заявление я накатал, условия выполнил, то есть «сдал технику безопасности» и трехдневные слушания по санминимуму отсидел.

То ж, как говорил персонаж фильма «Великолепная семерка», «когда за душой ни цента, четыре доллара тоже капитал».

И вот я трясусь в автобусе по Куршской косе. Слева заплескивает Балтика, справа луна серебрит воды Куршского залива, впереди Литва. С направлением в кармане еду в Клайпеду, где меня ждет плавбаза «Ленинская «Искра»». Через неделю она заканчивает ремонт на тамошнем заводе и отправляется за сардиной к берегам Африки. Да, вот так: в три гудочка прогудели и пошли на три недели слушать капитанские морали. Мы — на три месяца. И морали будет читать не капитан-директор, а рыбмастер, боцман или технолог. В общем, хрен редьки не слаще.

Народец не спал. Тут и там смех, разговоры. За моей спиной что-то щелкнуло, зашуршало, и Леонид Утесов доложил своим неподражаемым голосом, что раскинулось море широко, и волны бушуют вдали. После «напрасно старушка ждет сына домой» снова зашуршало, а потом я узнал, что «не зная горя, горя, горя, в стране магнолий плещет море». А вот и повтор, но вмешался владелец мага, сменивший хрипловатым голосом «девчонок» на «колготки». Раздался женский хохоток, послышался легкий шлепок, очевидно, по щеке, а мужской голос произнес: «Но-но! Без рукоприкладства». Я обернулся, заглянул в щель между спинками кресел и увидел дебелую деваху с излишне игривыми глазами, рядом мужское плечо в замшевой куртке. Не знал я тогда, что деваху, если говорить на нашем вульгарном рыбацком жаргоне, будет ...здопарить супы и каши у раскаленной плиты на камбузе «Искры», а парень варить для меня, трюмного матроса, тузлук в двух огромных котлах с манометрами и тяжелыми крышками на задрайках. Ведь жить нам суждено в одной каюте, спать на соседних койках. Солнце стояло еще довольно низко, когда автобус подкатил к причалу и пассажиры хлынули на паром. Я тоже проследовал в ожившей толпе и вскоре ступил на литовскую землю.

Я не спешил. Почему бы не прогуляться по горо-

ду? В Клайпеде я бывал дважды. Сначала на древнем «Холмске», прозванном моряками «Кузьмой». Позже на баркентине «Меридиан». Ба! Да вот же он стоит, приткнувшись к берегу левым бортом! По бокам сходни плакат с надписью «Ресторанас “Меридианас”». Н-да, он теперь не учебное парусное судно, а кормушка общепита. Такелаж поредел. Кое-что осталось по необходимости: ванты, фордуны, штаги. Коли нет парусов, бегучий такелаж не нужен, а ведь он создает вязь, рисунок, присущий паруснику. И палуба изменилась. Исчезла кают-компания, вместо фор-рубки кишка. Эх, глаза бы мои не смотрели на это безобразие! И я поехал на судоремонтный завод.

Вот и «Ленискра». Махина! Рядом другая — «Крузенштерн», надо же!

Я взбежал на свой пароход, бросил пожитки у ног вахтенного, что караулил трап, и отправился на «Крузен». Не терпелось узнать, остался на нем кто-нибудь из тех, с кем расстался семь лет назад. Никого не оказалось. Кто давно уволился, кто в отпуске. Нач. радиостанции Лео Островский умер. Об этом я знал от старпома Минина. Мы переписывались изредка. Главный дракон Рич Сергеев учится на рефмашиниста, Женька Базецкий в Питере. На вопрос, куда они после ремонта, матрос эдак небрежно ответил: «В Штаты на регату». Ну что ж, вы в Штаты, а мы в Африку за ка-

расями. Каждому свое, служивый. Кланяйся второй грот-мачте. Я был на ней расписан. И Минину привет передай.

— Фамилию все равно забудешь. Скажи, от бывшего боцмана с бывшего «Меридиана». Он поймет.

Я вернулся на «Искру», разыскал старпома, вручил направление и был тотчас отправлен в распоряжение технолога. Тот в свою очередь направил меня к рыбмастеру Булаку. Где рыбмастер, там и рыбцех, в котором грязи после ремонта выше головы. Хорошо, что в мешке моем имелаась кое-какая простенькая роба. Переоделся и приступил к исполнению, влившись в ряды скребущих, красящих, таскающих мусор и гремящих всяким железом.

Неделя пролетела быстро, а там и ходовые испытания. Когда шли каналом, снова увидел сиротливые мачты «Меридиана», торчавшие над крышами, и помахал им, будто окончательно простился с прошлым. После ходовых пошли в Кениг, где ждала обычная канитель: бункеровка на нефтебазе, дегазация и, наконец, перешвартовка к причалу возле проходной. Когда подали на берег концы, я подошел к боцману и спросил, не найдется ли для меня местечко в его команде. Толя Шелак посмотрел на меня изучающим взглядом и сказал, что вакантные места имеются, но они достанутся «своим», если те появятся. И тут же придрался, скотина! Не там, видите ли, встал — возле кнехта с

надраенным швартовым. А сам? Ведь не он ко мне подошел, а я к нему. Мысленно плюнул в его шелачную рожу и отработал задним.

Уже известно, идем в Центральную Атлантику, что радует. Стылым февралем топать в такие же стылые северные воды — это ноу гуд. На палубе бардак — предотходная лихорадка. Идет погрузка всеми стрелами. Тут все: продукты, бочки порожние, бочки с солью, коробки под мороженую сардину, банки для пресервов, доски-сепарации во второй трюм для прокладки между бочек с соленой рыбой. Я все-таки в числе «боцманят». Носим мешки с содой, ящики с мылом, грузим краску, ветошь, робу, словом, много чего. Хозяйство у дракона богатое. Буду ли я в его команде? Вероятность — семьдесят процентов. Как он сказал. Когда же будет сто и будет ли? Надежда появилась, когда боцман поручил мне сделать амортизаторы из капронового троса. С таким толстым и тяжелым мне еще не приходилось иметь дело, но боцман дал в помощники двух толковых парней, Сурена и Сашку Саватеева. Капрон, да еще такой толстый, я срашивал впервые. Я кое-чего от помощников набрался. Втроем справились. Гаши получились отменные.

После первой гаши сели передохнуть. Закурили, и Сашка начал треп. Мол, еду как-то в трамвае, входит начальник нашей базы Студенецкий, а с ним какой-то чин московский. Оба поддатые, билетов не берут, а тут контроль. Они начали оправдываться, денег нет ни копейки, то и се. Я и дал им червончик. А на другой день Студенецкий встречает меня в конторе и говорит: «Ты писал заявление на материальную помощь?» Я, конечно, ничего не писал, но говорю, писал. «Иди в бухгалтерию и получай». Пошел и получил сто рублей.

Признаться, сначала я развесил уши, а простак Сурен слушал с распахнутым ртом, пытаясь представить «поддатого» небожителя. Самого Студенецкого, берущего червонец у какого-то матроса! Я уже все понял и поэтому не удивился, когда Сашка закончил свою байку словами: «И тут я проснулся».

Время шло, а я все еще не прибил ни к какому берегу. Хожу, куда пошлют, делаю, что прикажут. Начальников здесь пруд пруди. И с жильем я пока не определился. Все из-за того, что не было ясности, под чье начало попаду. Поселили в кормовой надстройке. Каюта на четырех, а жильцов трое. Николай — веселый жизнерадостный парень. Мы заняли верхние койки. Подо мной обосновался красноносый мужичок моих лет. Неприятный тип. Каждый вечер пытается пристроить к ночнику-светильнику будильник. На хрена, спрашивается? Разбудят и поднимут, когда надо и когда не надо. Будильник все время падает ему то на нос, то на лоб. И еще этот дядя постоянно ворчит и ноет. Радио, видите ли, слишком громкое для него. Включишь, тут же, гад такой, выключит. В тупости его мы убедились, когда Помидор (такие позывные были у него в рыбцехе) принялся листать «Крокодил», забытый прежними жильцами. До него не доходил смысл карикатур. Николай пытался растолковать ему, не тут-то было. Я тоже

сделал попытку — как о стенку горох. Отступились. А он все смотрел на рисунки, ковырял в носу и морщил лоб. Вскоре Помидор исчез вместе с будильником. Мы с облегчением вздохнули.

Вечера были свободны. Однажды я, обалдев от безделья, поплелся к Эдьке Давыдову, старому другу, с которым когда-то начинали морячить на спасательном морском буксире «Бдительный» в северном перегоне. К счастью, застал старпома. Был он слегка подшофе по причине того, что его сняли с судна накануне отхода. Пообещали взамен «белый пароход» с поставками в Гвинею и Сьерра-Леоне. Если так, может, встретимся у берегов Марокко, а может, не встретимся, ежели Энгельс Иосифович будет работать у Анголы.

Я убрался, когда пришла его Эмилия (но сердце Эмилии подобно Бастилии), навестил свою мансарду, благо она рядом, в соседнем саду. Попрощался со старушкой-хозяйкой, сказал, что уходим на 140 суток, так что летом пусть ждет гостинец. Зашел и в свою комнату со старой немецкой печью в синих изразцах, с окном в сад под скошенным потолком, присел на холостяцкий диванчик. Сколько тоскливых вечеров и ночей провел я на нем с мыслями о Свердловске, о жене и сынах! Особенно тошно было в новогоднюю ночь. Напился, да. Что ж, было дело, из песни слова не выкинешь, из жизни — неких удручающих фактов.

2

Сколько раз объявляли отход, а воз и ныне там. И вот, наконец, свершилось!

В воскресенье подняли флаг отхода, до обеда проиграла все тревоги, после обеда проверили списочный состав, после обеда снова да ладом — водяная, шлюпочная, пожарная. Канитель, хотя и необходимая, до восьми вечера. После восьми боцман вызвал своих орлов к трюму № 2 и дал команду вывалить левые стрелы номеров 2, 3, 4 на планширь левого борта, правые — на трюм. Я не был орлом, но явился прогулочным шагом, можно сказать, из любопытства. Сработой на этих стрелах я не был знаком, хотя при любой возможности приглядывался ко всем палубным механизмам, снастям и руководящим потугам дракона. Сегодня рядом с ним суетился старший матрос Олег Кузнецов, более известный как Дистрофик. К такому прозвищу обязывал его внешний вид: сушеная вобла с синюшным носом разнообразных оттенков. Однако он командовал, орал и суетился, как голодный таракан, поэтому бардака на палубе хватало. Тем более, и Толя, и Олег были слегка под газом. Вдруг боцман увидел меня и, что было неожиданно, послал на лебедку. Делать нечего, полез в крытый скворечник, что торчал над тамбучиной среди бочек с солью. Из его окошка трюм и палу-

ба как на ладони. Мое дело — «вира, майна, стоп и сос», так думал я. Что ж, положив ладони на головки контроллеров левой и правой лебедок, стал ждать указаний. Парни в это время возились с телеграфом, оттяжками и свистовым. Наконец начали, лебедки загудели, но, мало погодя, дракону что-то не понравилось. Орет мне и клешней машет; «Слезай с лебедки!» Сошел я на палубу, а он шипит: «Ты должен сверху командовать, остальные тебя слушать, понял? Только тебя». Это что-то новенькое, думаю про себя, но как командовать из курятника, вознесенного над оравой матросов, ведь у каждого свой маневр?! В этом духе и высказал свои соображения. Боцман их проигнорировал и послал наверх другого моремана. Этот до сих пор был у дракона на подхвате, теперь Толя сам начал отдавать команды. Кончилось тем, что лопнул нижний блок шкентеля, так как вертлюг заржавел так, что шкив не вращался на «присохшем» пальце. Дальше «дело техники»: шкентель пошел на излом, сломал кромку шкива и засел между щеками блока и шкива. Сурен и еще кто-то начали менять блок, а нас, меня в том числе, дракоша отправил заваливать стрелы третьего номера. Не успели, даже до места не добрались — общесудовая тревога! Все помчались за спасательными поясами, а потом — в рыбцех. Поторчали там — снова тревога, шлюпочная. Я расписан на четвертом номере, к ней и направился, матерясь в душе и

проклинаю все на свете. Шлюпку мы приспустили, а после отбоя я и Сурен закрепили ее по-походному.

Забравшись наконец в койку после дневной беготни, я подумал вдруг, что, кажется, я попал в число птенцов гнезда дракона.

Кажется, перекрестись, окоротил я себя. Вот Сурен и Саватеев не ломают над этим голову. Работают на палубе, а завтра пошлют в рыбцех, пойдут за милую душу. И что за удовольствие видеть каждый день постную рожу Дистрофика и слушать окороты боцманюги? В конце концов, прав был brave солдат Швейк, когда говорил, пусть будет, как будет, ведь как-нибудь да будет, ведь никогда не было, чтобы никак не было. С этой мыслью я и уснул.

3

Балтика встретила неприветливо, по-зимнему, но особых сюрпризов не преподнесла. Благополучно миновали проливы, а у Скагена «Искру» настигла новость: сначала идем на Ирландский шельф, берем у наших промысловиков груз рыбы, чтобы не бездельничать на переходе, а уж потом двигаем на юг.

Северное море миновали при хорошей погоде. На палубе плюс десять, и это в конце февраля. В Ла-Манше братьев-матросиков разбили на бригады. К боцману я так и не попал, хотя пахал на него допоздна все последние дни. Сменил шкентели на четырех стрелах, а гаши зарастил по-своему, не разгонным сплеснем, как делают все рыбаки, а более сложным, но и более прочным способом. Дистрофик долго топтался возле меня, даже свайку однажды подал, но ничего не сказал и, видно, пошел к боссу с докладом, но тот не пришел с проверкой. Помнил, что и для амортизаторов я применил ту же «хитрость». Как бы то ни было, а пришлось идти во вторую бригаду под начало рыбмастера Булака. Сразу пришлось и переселиться в носовую надстройку, в каюту Г-34. Жаль, что иллюминаторы ее выходят на второй трюм, на тамбучину, на бочки и короба, а не на море-окиян. Квартира четырехместная, но жить будем снова втроем. Было, правда, не до знакомств. На шельф не попали, Яшку отдали в Ла-Манше, а к борту сразу прилип РТМ «Петр Лизюков». Берем у него 120 тонн ставриды. Начался перегруз, но без меня. Я пока остался при боцмане. Снова ковыряю свайкой капрон, снова те же амортизаторы для швартовых концов.

Бежит время, спешит, торопится. Исчез «Лизюков», оставив нам 280 тонн, а «Искра» полным двенадцатизловым ходом пересекает Бискай. В рыбцехе гремят банки — делаем пресервы из ставриды. Меня беспокоит нога. Голеностопный сустав сломан еще на «Меридиане». Недолечил в больнице, прямо в гипсе пошел в море, и вот результат: неправильно срослись мои косточки. Утомляет их долгое стояние на одном месте. Ладно, переживу и это.

Погода балует. Солнце, теплынь. Катят огромные

валы без гребней, одни отстают, другие мы нагоняем и незаметно пересекали сороковую параллель, а потом оставили позади берега Португалии, а там и Канары. Сначала Лансероте скрылся из виду, затем Гран-Канария с легким облачком на макушке проплыл по левому борту и словно растаял в вечернем мареве.

Да, все так — по правому борту плывут острова, чужая, но все же земля. Скоро нас будет окружать только океан. До точки, где «Искра» ляжет в дрейф, подать рукой. Цех лихорадит. Надо поскорее разделаться со ставридой, взятой у «Лизюкова». Беспрерывно ползет конвейер вдоль рыбодола, звякают банки. Лаврушка, соль, специи, набрасывается крышка, и новая банка уже тут как тут. 1800 банок за смену, 1500, 1200, 1700... Рыбмастер смотрит тигром, технолог — «треугольным морским глазом», но это не добавляет темпа. Он равномерный и привычный. И конец близок. Завтра, пятого марта, придем на промысел.

4

Все, что было до сих пор — это прелюдия. Теперь начинаются настоящие трудовые будни, а им всегда сопутствует отдых. Либо маломальский, либо настоящий. Для того и предназначена каюта. Когда я перенес свои пожитки с кормы в Г-34, в ней уже имелся один обитатель. Иван... точнее, Иван Васильевич Холодилов сразу сообщил мне, что идет в последний рейс. Впереди его ожидает отпуск, пенсия и долгожданная поездка на родину.

— В какие края собираетесь? — спросил я, разбирая вещишки и пряча в рундук.

— В Березняки отчаю, в Пермской край, — охотно ответил он, навверное, предвкушая будущее путешествие в родные места.

— О-о! А мои родители когда-то жили в Орле-городке, — оживился и я.

И мы начали вспоминать Усолье, Каму, близкий Пыскор. Добрались даже до Полуд-Камня, где он тоже бывал в молодости. Ну и Красновишерск само собой тоже не был забыт.

Приятные воспоминания прервали новые претенденты на жилплощадь в Г-34. Сразу расположил к себе Валерий Калейник. Он бросил постельное белье на верхнюю койку и сообщил, что будет варить тузлук для того несчастного, кому придется катать бочки во втором трюме. Фома Хижняк молча сунул в шкафчик тяжелый мешок, отдернул шторку и первым делом проверил, горит ли ночник. Потом лишь назвал себя и сказал, что он бондарь и что его тара никогда не пропускает рассол, поэтому у «несчастливого» одной заботой будет меньше.

Так мы и зажили, но когда рыбцех занялся пресервами, Иван Васильевич покинул нас. Он числился за первой бригадой, и тамошний бугор заставил матроса присоединиться к ораве своих подопечных. Мы зажили втроем, и тогда я узнал, что Калейник сидел в автобу-

Евгений Пинаев. Рифы

се за моей спиной, когда я катил в Клайпеду. Я дремал, но сразу отпер глаза, когда услышал то самое: «Не зная горя, горя, горя, в стране магнолий плещет море». Его соседку я видел и раньше, когда она тащила на корму ведро с помоями, а теперь объявился и владелец магнитофона, о чем я и сообщил ему. Валерка вторично проиграл шлягер и, надо сказать, снова услышать его мне довелось лишь по пути домой.

Вот мы на промысле. Снова вздрючены стрелы, за борт спущены кранцы — громадные резиновые сардельки, скованные цепями по три штуки в одной связке. В тот день, когда к нам пришвартовались первые СРТ с неводами, полными трепещущей сардины, я превратился в «несчастливого».

— Пойдешь во второй трюм, — сказал мне рыбмастер, или Рыбкин на нашем упрощенном жаргоне.

— Мои обязанности? — задал я вопрос.

— Будешь круглое катать, а плоское таскать, — хихикнул Булак.

— Яволь! — ответил я, понимая, что спор бесполезен.

— Придется одному корячиться, — добавил Рыбкин.

— Раньше в трюме вкалывали два человека, но команду подсократили. Если прижмет — свисти. Дам на подмогу кого-нибудь.

С Валеркой у нас сложились не дружеские, но вполне нормальные человеческие отношения. Мы были связаны одной веревочкой — шлангом, который шел из его тузлучной в мою преисподнюю. У него был один крохот-

ный недостаток. Он мог часами говорить о пчелах! Пчеловод, так я теперь обращался к нему, забравшись в койку и обращаясь к подволоку каюты, повествовал о сотах и ульях, о матке и трутнях, о рабочих пчелах, о глюкозе и левулезе, о... В общем, я больше забыл, чем запомнил, ибо лекции его воспринимал уже в полусне или почти во сне. А вот Хижняк для нас не существовал. По-моему, был он законченным куркулем, но об этом дальше, как говорил на «Меридиане» Володька Медведь, по ходу пьесы.

попытка заглянуть из прошлого в настоящее

Второй трюм. Пустой еще, с одинокой тусклой лампочкой в здедном космосе, холодном и всеобъемлющем. О чем я думал на первых порах? Дай Бог вспомнить. Сейчас я о своем нынешнем, настоящем.

Когда стоишь перед дверью, стоишь вплотную, держась за ручку, толкни которую, и ты летишь, как говорится, «в мир иной», в пустоту, башкою в звезды врезываясь, мысли имеют своеобразную направленность. В трюме они были живыми, даже животрепещущими порой. Впрочем, направлены они и теперь, но в какую-то тусклую сторону. Когда ты беззубый, хромой, слепой и глухой, когда журналы, газеты и книги ушли в область предания, а единственной связью с внешним миром остался громкоорущий радиоприемник, в голове происходит смена декораций. Они, декорации — политическая ширма. Я слушаю только «Спутник», «Радиолу», «Город-ФМ», иногда «Маяк» с их однообразной изо дня в день песенной программой. Что получается, когда ложусь спать? Абракадабра. Каша. Мусор из разнообразных строчек и мотивов. Главное, нет избавления от них на несколько утомительных часов. Вот вам пример:

Ну да, друзья, ну да, любовь — игра,
но дерзкий «п-пук!» и хруст французской булки,
которую ломают юнкера,
укрывшись от собратьев в переулке,
чтобы очистить от горошницы кастрюльки.
И снова «п-пук!» и «п-пук!» до самого утра, —
ого, как упоительны в России вечера!
Когда цветет жасмин, а в октябре шиповник,
идет к вдове не юнкер, а полковник,
уже не настоящий — пластилиновый
любовник и только обветшалый дворянин.

Н-да, да как же это вышло-то, что лишь суровой ниткой вышито судьбы моей льняное полотно. Ладно, сам и вышивал. Своя работа. А вообще, милый, милый, смешной мальчишка, это ж было давным-давно, когда ты перечитывал книжки о золотом руно, когда ты обиделся

на медкомиссию и писал министру маршалу Малиновскому: «Возьмите меня на службу, если не во флот, то в солдаты». Ты хотел, ты жаждал, ты добивался, институт бросил и... корабли постоят и ложатся на курс, но они возвращаются сквозь непогоду, не пройдет и полгода, и я возвращусь, чтобы снова уйти на полгода. В хорошие несколько лет, если и сейчас, перед дверью, не хочется петь, как упоительны в Свердловске вечера, чтобы снова уйти на полгода. Полгода уложились в несколько лет жизни, после которых не хочется петь «как упоительны в Свердловске вечера».

Эх, незабудка, незабудка, у тебя одна минутка. А у меня? Сколько их осталось, да и нужны ли они, лишние? Ответа нет. Извилины живут по своим законам, мне неподвластны. У них свой фарватер, им и следуют. Не сталкиваешься. Будем, отвечают они, мы бродить по свету далеко, далеко, и на все твои вопросы мы найдем тебе ответы там, далеко, далеко. Не придраться! Но главное в другом. Оно, главное, уже устаканилось, нашло место под моим солнцем, а оно знает твердо, что простое ему уже не кажется вздорным, черное белым, белое черным, ибо черное растворилось в белом, а белое превратилось в серенький пасмурный день с редким снежком, и нет желания воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Да, как утомительны в России юнкера, когда сосут коньяк под хруст французской булки, а может, то не юнкера, а урки грызут лаваш зубами, что палаш? Лаваш, который не разрубит и палаш.

5

Но вернусь-ка в трюм, имея в уме некий песенный остаток: «...как шли мы когда-то на борт, в холодные мрачные трюмы». Во втором — ни белого, ни черного. В нем, при минус пяти, только серая промозглость. Она лезет под заскоружлую телогрейку, подпоясанную обрывком шнура, пробирается в разбухшие от рассола ватные штаны. Ушанка и сапоги тоже похожи черт знает на что. Вернее, ни на что не похожи, ибо обладают формой, созданной атмосферой трюма и присущей только ему. Им соответствует только название. Соль и сырость туго знают свое дело, но думать о них не дело. И некогда. Загудел элеватор, подавая в трюм новую партию бочек. Вскрываю с ложа из картонных коробок и лезу на лобное место — дощатую площадку, спешу к раздаточному окну, в котором уже желтеет округлый бок двадцатки.

Элеватор напоминает громадную велосипедную цепь, втиснутую в узкий вертикальный короб. На цепь нанизаны тележки. Они и везут тару из цеха в трюм. Моя первоостатейная задача — успеть выдернуть бочку себе под ноги. Тележка задерживается у окна всего на миг. Прозевал, и следующая тележка наезжает на нижнюю, давит бочку, вниз валятся обручи, клепка и свежесолённая сардина. На мою голову сверху тоже валятся матюки рыбмастера. Они у Булака примитивно-протухшие. Я,

как гусь, что-то шиплю от злобы и вырубаю элеватор, нажимая красную кнопку, что, конечно же, тотчас обрушивает на меня новый водопад брани.

Булак никогда не спускается в низа. Он знает прекрасно, что красная кнопка — вынужденная мера, так как бочки идут лавиной, и не только «лобное место», но и его ближайшее окружение завалено кадушками, которые мне еще предстоит раскатать по трюму, расшкантовать, то есть выдернуть из доньев два шканта — две деревянные пробки-затычки, и залить содержимое бочек тузлуком. Работа, скажу вам, не для слабонервных, а для стойких оловянных солдат Минрыбпрома. Можно сказать иначе. Трюм — мое темное царство, но я не Бог, не царь и не герой. Я его раб, прикованный на восемь часов смены к веслам этой галеры. Когда становится совсем неведомо, в моем темном царстве появляется луч света — Генка-библиотекарь. Могучий мужик! Бочки любого калибра для него что пампушки. Ему бы выступать с гириями в цирке, он же выдает книжки и спортивный инвентарь. Крутить фильмы тоже его обязанность.

Генка был еще и блудлив как козел. Пассию, камбузницу Розу, он быстро прибрал к рукам, что ни для кого не стало секретом. Сашка Саватеев облек их отношения

в стихотворную форму, и она стала достоянием масс:

Спит Розита и не чует,
Что на ней Бычков ночует.
Вот пробудится Розита
И прогонит паразита.

Я усомнился в поэтических талантах Сашки. Вроде где-то когда-то уже слышал нечто подобное, но вместо Бычкова там фигурировал матрос. Сашка разразился «демоническим» смехом: ха-ХА-ХХА! И гордо удалился. Однако стишком дело не закончилось.

Два друга-маслопуха, два ростовских азиата (так они себя называли), решили вывести библиотекаря на чистую воду. Может, Генка их чем-то обидел, может, просто достала скучная проза жизни, но Гади и Крыня, затеяв «страшную месть», в итоге наказали сами себя.

В кормовой надстройке располагался просторный зал с креслами, сценой и занавесом, но крутили в нем только кино. Болтался посреди сцены экран, а под ним стояла тяжеленная гиря, дар польских корабелов, строивших «Искру». Только Бычков мог поднять ее до подбородка, действуя обеими руками. Этого монстра и решили использовать заговорщики, возможно, получив от кого-то разведданные о местонахождении объекта диверсии.

Провокаторы не были геркулесами. Гирию тащили на обрезке чугунной трубы, просунув ее в массивное ушко. Сгибаясь в три погибели и пытаясь от напряжения, доволокли до каюты красотишки Розы и тут лишь сообразили, что дверь, как ей и положено, открывается внутрь и, значит, подпереть ее не получится. Впрочем, диверсантам хватило ума примотать ношу проволокой к дверной ручке и, затаившись, ждать появления дон Жуана. Имелись и свидетели их торжества. Время шло, но представление не состоялось. Розу пришлось выпустить после воплей и криков. Она была одна в каюте, любовник отсутствовал, но распахнутый иллюминатор давал пищу для размышлений и домыслов.

Вопрос был поставлен ребром: был ли мальчик, а может, мальчика и не было? Роза клялась и божилась, что почивала одна, а иллюминатор открывала из-за духоты, которой и на камбузе натерпелась. Ее сторонники утверждали, что Бычков слишком громоздок, чтобы удрать через иллюминатор, а знатоки морских уловок и проделок доводили до сведения оппонентов свой довод. Дескать, если у человека пролезает в некую условную дыру голова, плечо и рука, то путь к свободе открыт. Мол, здешний иллюминатор ширше стандартного, и, значит, Генка вполне мог протиснуться и подняться на корму, используя многочисленные стальные веревки, которыми опутана «Искра». Генка слушал тех и тех, а Гади и Крыне, когда они, тужась, волокли гирию на сцену, он показал дважды внушительный кукиш. Или фигу, если хотите. Словом, вопрос был закрыт и о паразите вскоре забыли.

В сумерках настоящего

Появилась новая рубрика — «Персонально ваш». Но почему «мой»? Ведь все ораторы «их». Моими там и не пахнет. Сейчас ведущая оговорила и назвала Дондурей «персонально наш». Что правда, то правда. Второй день «Эхо» мусолит высказывание Кадырова по поводу оппозиции, и все «ихние» дружно вторят «несравненным и остроумным» радиодамам. А «ихних» пруд пруди. То начинает балабонить, набрав в рот гороха, политолог (политтехнолог, политобозреватель, полит...) Белковский, то, как сегодня, еще и культуролог Дондурей. В общем и целом «персонально ваш» неотличим от «особого мнения» того же Дондурей, Белковского, неумного Шендеровича, Артемия Троицкого, для которого угодливый приспособленец, прилипший к брусчатке Красной площади, есть «величайший художник современности». Кто там еще в очереди на особое мнение? Ладно, достаточно и этих. Нет среди них «моих». Были изредка, но исчезли Николай Троицкий, Юрий Поляков, Сергей Шергунов и даже Максим Шевченко. И это при том, что реклама «Эхо» гласит, что будут приглашены люди «совершенно разных политических взглядов, а вы им можете задавать самые каверзные вопросы». Да, реклама двигатель торговли. Бывало, появлялись в эфире «персонально мои», несравненные и остроумные Леся Рябцева, Карина Орлова, но и из них кое-кто клевал на провокации...

Принялись «просветители» и за Рамзана Кадырова. Он назвал оппозицию «врагами народа». В том же духе высказался об «Эхо» и «Дожде». Что ж, свобода слова! «Эхо» дает знатную отповедь президенту Чечни, но на этом не успокаивается и четвертый или пятый день терзает его, призывая к микрофону новых и новых обличителей. Думаю, что «свобода слова» не что иное, как игра в одни ворота.

6

Не зная горя, горя, горя, в стране магнолий плещет море... А что ему горе? Знать не знает и правильно делает. Горе — удел человекообразных, имеющих в черепной коробке некую массу, способную отвечать за «грехи наши тяжкие». Или не отвечать. Каждый раз, спускаясь в свою преисподнюю и хватаясь руками за верхнюю скобу трапа, а сапогами нащупывая нижнюю, я порой задавал себе риторический вопрос, поставленный киношным д'Артаньяном: «Куда вас, сударь, к черту занесло, ужели вам покой не по карману?» Ответ следовал тут же: нужны матросу деньги, се ля ви, а для его семьи они нужны тем паче, матросы тоже дружная семья, но ей нужны не деньги, а удача. Я соскакивал с послед-

ней скобы на помост перед нижним окном элеватора, зная, что вскоре на меня обрушится лавина кадушек, справиться с которой может не только сила рук-ног и быстрота реакции, но и (главным образом) крепость нервной системы. Девиз трюмного — «Чем крепче нервы, тем ближе цель», то есть честно заработанные койка и восьмичасовой сон до следующего погружения в трюм еще на восемь часов. Перед спуском в трюм я заходил в рыбцех, где Хижняк проверял наличие тары, обручей и доньев. Хижняк что-то прикидывал, я тоже определял на глазок, какие меня ожидают страсти-мордасти.

В преддверии «большого шухера» Калейник покидал свою солеварню и спускался ко мне. Сначала он вздыхал над свежими нестругаными досками, повторяя в который раз: «Какой сарай я мог бы из них отгрохать!», и только потом проверял шланги, их наконечники с пружинным затвором, пуская короткую струю тузлука в отверстие незашкантованной бочки.

Я как-то спросил его о магнитофоне. Мол, хочется послушать про страну магнолий. Оказалось, что маг был не его, он лишь доставил его владельцу. Я тогда кивнул и на долгие годы забыл об этом шлягере.

нота бене

Теперь, когда мне перевалило за восемьдесят и утехой мне теперь служат радиостанции «Радиола», «Город ФМ», «Маяк», «Спутник» и «Дорожное радио», репертуар которых весьма однообразен, море в стране магнолий, не зная горя, заплескивает мне в уши по нескольку раз на день. Правда, лидером повтора являются Юрий Лоза с его плотом, сплетенным из поэтического хлама, и «Незабудка», для которой одна минутка значит больше, чем года, и это оправдывает ее.

Когда в эфире опять упрекнули кого-то, вроде бы президента, за его слова о бандерлогах в адрес оппозиции, я тут же перебрался на другую волну — пусть бормочут, а я музыку послушаю. Я — кто? Я не «офисный планктон», я всего лишь «люмпен, темная необразованная масса, созданная зомби-ящиком», который, правда, давно поменял этот ящик на радиоприемник, а посему... «Там горячим хлебом пахнет в доме нашем, и бежит куда-то под горой река...»

Ах, какой хлеб до войны пекла бабушка в русской печи! Он и остывший издавал удивительный аромат. И как хрустела горбушка, и как вкусна была нижняя корка, седоватая от прилипшей печной золы! Она придавала караваем особый духовитый, именно печной, аромат.

Часто мне вспоминался тот довоенный бабушкин хлеб.

7

Я только что разделался с кадушками. Закатал второй шар, выстроив их по ранжиру, выдернул шканти, подтащил шланги и напоил свою деревянную армию тузлуком. А тут и антракт случился. Для меня. В цехе перешли на пресервы, а трюмного изгоя оставили в покое. Наверное, потому, что до конца смены осталось всего полчаса.

Я тут же убрался за элеватор на личное «подворье», застеленное сухими коробками. Плюхнулся на них, расправил члены и некоторое время тарасился на одинокую запыленную лампочку в ржавой сетке, подслеповато и тускло светившую мне из сырого и мрачного космоса огромного трюма.

Я и сам отсырел к этому времени. Телогрейка, которую с трудом натянул в сушилке, разбухла, то же и ватные штаны, суконные портянки чуть ли не хлюпали в ставших вдруг просторными кирзачах, но тут уж ничего не поделаешь — такова повседневная и привычная се ля ви. Я прикрыл очи и, похоже, вздремнул в гробовой тишине своего подземелья.

Чем хорошо такое забытье? Внезапным, пусть и мнимым, перемещением во времени и пространстве.

Вот я и оказался в стране магнолий, если Гвинея под африканским небом является таковой. Сразу признаюсь, магнолий я никогда не видел, а если видел, то не знал, что это они. Да и Бог с ними, с магнолиями. Главное, из песни магнолий не выкинешь, как и моря. Оно плескало у горизонта, где синели острова Лос, а наш БМРТ «Грибоедов» ошвартовался в Конакри и мирно дремал у причала среди банановой кожуры и нефтяных разводов.

Заканчивался сезон дождей. Последний ливень обрушился на город в ночь нашего прихода. Освежив пароход и портовые пакгаузы, желтые от пыли каких-то минералов, которыми торговала Гвинея, небеса уgomонились окончательно. Началась рабочая неделя. Вахта сдавала прилов местным купцам, свободный люд шатался по городу, я тоже гулял среди магнолий, баобабов и араукарий, если они имелись в наличии, за что ручаться не могу. За баобабы тоже. Те, что на картинках, кудрявые, здешние могучие деревья тянулись ввысь. Аборигены называли их сейбами, но для нас они оставались баобабам. Толщина ствола и густая крона вызывали уважение северян.

Последняя прогулка ознаменовалась небольшим приключением.

Четыре человека — это не взвод, даже не отделение, а нас было четверо. Вот написал и невольно вспомнил определение из какой-то книжки: «Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота. Сколько нас? Четверо? Батальон, слушай мою команду!» Так вот, когда наш «батальон», ведомый боцманом Володькой Зиненко, взмокшим от пота, выбрался из раскаленных улиц на небольшую эспланаду у моря, обдуваемую ветерком, все, кроме меня, вздохнули с облегчением: товарищи были одеты легкомысленно, а я парился в суконных штанах, подпоясанных флотским ремнем.

Береговой выступ был обнесен балюстрадой, возле нее росли пальмы и два дерева с какими-то съедобными плодами. Под одним из них расположилась банда приклатненных парней и подростков. Предводитель расположился на парапете и чистил ножом плоды, которые ему подносили подданные. Малый оказался глазастым. Сразу углядел мой ремень, вернее, медную бляху с якорем. Парень соскочил на землю и, ткнув в нее ножом, предложил ченч. Но что он мог предложить взамен?..

В «каюте»-мастерской живет душа художника

ТЬЕРИ МАРИНЬЯК **В ЗОНЕ ТЕХНОГЕННОЙ** **катастрофы**

На смерть художника *Евгения Пинаева*

«В июне 1912 г. в Руане Аполлинер, говоря о «модерне в подлинном смысле», предостерегал художников от попыток модернистского академизма и давал высокую оценку истинным ценностям: труду и подлинному творческому поиску. Опасаясь превращения кубизма в догму, он хотел заменить сам этот термин другим — «орфизмом», преимущество которого, по его мнению, было в большей гибкости и приложимости его к прочим видам изобразительного искусства, где к тому же больше динамики, нежели техники».

(...)

«В особенности в тот период — а именно к середине 1912 года, он ясно ощущал стремление Роберта Делоне и его жены Сони восстановить на своих картинах свет и цвет, отринутые Браком и Пикассо; его живо интересовала их концепция «симультанности» и понятие «чистой живописи», которую разрабатывал Делоне».

(Мишель Декоден. АПОЛЛИНЕР. Предисловие Филлиппа Сино, Librairie Séguier-Vagabondages)

В наше грустное время официозного недодадизма, липового бунтарства, рекомендованного Центром Жоржа Помпиду и Фондом Обамы, диктатура бездарности в постуороловском искусстве стала, в сущности, советской, и, в особенности на фоне министерской болтовни, интуиция «*короля поэтов*» поражает нас в самое сердце. В первом крике новорожденного современного искусства он уже слышал нынешние ритуальные музыки для лифтов, в первых пробах и озарениях он ясно различал зияющую пустоту коммерческого искусства, которое бесконечно пародирует само себя — являя собой беспредметную провокацию, замаскированное высмеивание самого себя в рамках щедро оплаченного «дерзновенного» иконоборчества — шедевр чисто коммерческой сделки.

Меньше месяца назад ушел из жизни художник Евгений Пинаев. Случилось это 29 сентября в 22.30 в поселке Калиново, недалеко от города Невьянска, на Урале, в Российской Федерации.

Наши постоянные читатели наверняка припомнят мою встречу с этим скромным человеком в конце но-

ября 2015 года. Случилась она при весьма занятных обстоятельствах: мы перевозили из его гаража (при -10°!) материалы и детали для строительства яхты — в частности, ее каркас и блок двигателя — для Романа, близкого друга Пинаева, занимающегося постройкой лодок. В конце концов пришлось попотеть на собачьих холоде. После обильного обеда, приготовленного его женой, которая все упрекала нас, что едим плохо, после тяжких трудов праведных художник-поэт (не знаю, писал ли он стихи, но его проза, его детские приключенческие книжки про морские путешествия, навеянные Стивенсоном, одна из которых называется «Море на углу улицы», — глубоко поэтичны) всхрипнул, привалившись к плечу Романа, который бросил курить, предатель!

Этот старый человек, проживший удивительную жизнь, был польщен: француз, притом писатель, притом с трубкой — у него в гостях! Я же, со своей стороны, был польщен и смущен при мысли, что вот, мол, передо мной парень, который избороздил все моря, увековечивая виденное в картинах, которые я не смогу забыть; мастерских с точки зрения традиционной живописи — и в то же время с неким особым неуловимым изящным сдвигом-смещением. В эпоху, когда выставляют коллекции окурков в сопровождении 20-страничного заумного дискурса о «деконструкции», бунтарство не там, где его ждешь. Скольких дураков, твердящих об «устаревании» романа, пришлось мне выслушать — всех этих кретинов, оправдывающих свое бессилие рассказать историю или построить сюжет «постмодернистским структурализмом»!.. И сколько же пошлых авторов детективного чтива варьируют до бесконечности стилистически беспомощные одинаковые схемы!.. Но вот передо мной Пинаев — *художник* в настоящем смысле слова, сказочник, способный увести нас в мечту — большая редкость в наше время. Пинаев подарил мне свои книги, а еще легендарную ерофеевскую «Москву-Петушки», слегка обгоревшую во время пожара в его доме...

Все же — какая жизнь у него! Жизнь художника, к тому же мореплавателя! А когда в одном человеке оказываются обе эти ипостаси — это так же прекрасно, как встреча стиля с воображением. Из биографии Пи-

Евгения Стерлигова. Иллюстрация к книге Евгения Пинаева «Требуется Робинзон»

наева узнаешь, что родился он в 1933 году в Северном Казахстане — то есть вдали от моря, ставшего его призванием — но в степи, *бескрайней, как океан*. И этот головокружительный степной простор был зеркальным предчувствием простора морского, желания морской судьбы. Казахстан окаймлен двумя внутренними морями — Каспийским и Аральским, причем это последнее почти высохло из-за катастрофических ошибок советского планирования.

Если Норман Мейлер, говоря о Мухаммеде Али либо Генри Миллере, определяет гениальность как способ-

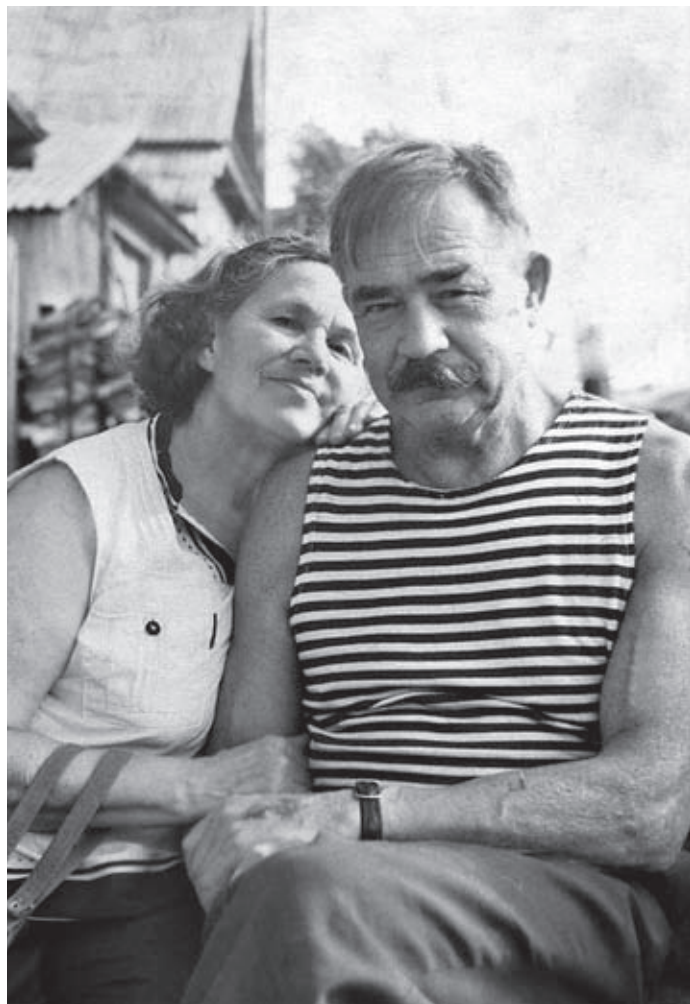
ность находить неожиданные решения обычных проблем, то Мисима, со своей стороны, определяет героизм как противостояние обычных людей необычным обстоятельствам. Было сложно увидеть в Евгении Пинаеве какого-то необыкновенного человека — и это подразумевалось его врожденной скромностью, сдержанностью — но необычно то обстоятельство, что он обладал сердцем ребенка. Итак, наш герой, обладавший сверхинтуицией, оказался погружен в обыденный мир отдаленной провинции империи, откуда он, благодаря особенностям советской системы, смог

вырваться, преодолев все преграды, чтобы стать моряком, со степного простора — на морской. Именно такая равновеликость человеческой судьбы и огромности стихии привела меня на Урал, на родину поэта-геолога Бориса Рыжего, сраженного самой судьбой: *зияющая расщелина живого сердца — и мертвая тяжесть скалы*. Но ведь именно такая равновеликость и дает России всю ее теллурическую мощь. И нехватки ее не было в Пинаеве.

Каким образом, окончив Кишиневское художественное училище, умудрился он восемь лет ходить на рыболовецких судах, пароходах и учебных парусниках сначала матросом, а потом боцманом — вот вопрос, который я уже не смогу ему задать. А ведь во время нашей единственной беседы этот вопрос так и вертелся у меня на языке. На удивление всей команде, Евгений, в то время дюжий парень, не расставался с кистью и мольбертом и все свое свободное время отдавал рисованию. Находясь под наблюдением, как и все советские граждане, которым было разрешено выезжать за пределы страны, он, случалось, попадал под запрет уходить в рейс, и власти прописывали ему вынужденную долгосрочную якорную стоянку. И в прокуренной комнате, служащей художнику мастерской, он рассказывает мне, как собирался однажды «уйти в заграничку», а власти не дали ему подняться на борт; так он и не смог пришвартоваться то ли на Кубе, то ли где-то в Африке — не помню, куда он думал податься — и его стариковские глаза все еще вспыхивают при мысли об этом. Он стал выяснять причину запрета через советского функционера, знакомого знакомых — и оказалось: в его родном городке старуха-соседка донесла в местные органы, что видела, как он возвращался домой, шатаясь, хорошо до того приняв на грудь. После чего ему какое-то время пришлось соблюдать сухой закон, чтобы вновь выйти в море.

Я отнюдь не знаток живописи, но жизнь в зоне техногенной катастрофы — непрерывная вереница курсирующих за окном танкеров с НПЗ, нефтеналивных громадин, танкеров со сжиженным газом, а еще — плавучих многоэтажных барачков, что зовутся круизными судами на потребу массовому современному туризму — в двух шагах от тех гаваней, где они бросают якорь под небесами рваными либо северными антрацитовыми — все эти морские сюжеты на картинах поистине ласкают мой взор. Всё это — а не сотни выставок бесчисленных береговых мазилок, которые неизбежно попадают вам на глаза в портовых городах — оттачивает ваш вкус и учит отличать хорошую живопись от мазни; а еще — заставляет меня вспоминать о моем собственном путешествии на контейнеровозе через Атлантику, которому посвящено мое недавно изданное «Трезвое судно»; там я описываю свое удовольствие от созерцания пространства, переливающегося равномерным шиферным покрытием.

У Пинаева — рискну все же высказаться при всей своей *некомпетентности* в живописи — я вижу, как

Вдвоем с женой Маргаритой Фёдоровной

четкость линии вкупе с безукоризненным владением живописной техникой позволяют передать особый взгляд. Он в некоей неощутимой вибрации, линейных смещениях перспективы, сообщающих мощный импульс эмоций: «Эмоция!.. Эмоция! Без эмоции не может быть искусства!..» — провозглашал Селин (Селин. Эссе «Стиль против идей» — прим. переводчика).

В его подходе к океану как к абстрактной субстанции я вижу громадность морских валов, зыбкость горизонта, лазурные отсветы, — нечто, сближающее эти работы с «чистой живописью» Робера Делоне, столь дорогой сердцу Аполлинера, обнаружившего Таможенника Руссо у соседа-автомеханика — любителя прекрасного, в его гараже в пригороде Отей.

Пинаев с огромным сожалением расстался с морем. И это хорошо видно по его автопортрету «Когда прощаешься с морем»: там у него «опрокинутое» лицо, понуро опущенные мощные плечи. Распрощавшись с кораблями навсегда, он поселился среди уральских лесов. Он так и не оправился от этой разлуки, ставшей безнадежной из-за его преклонного возраста, но продолжал встречаться с морем в своих детских книгах в духе Стивенсона, которые щедро иллюстрировал сам. Он был неотъемлемой частью отряда «Каравелла», писал для него морские пейзажи, ездил с ним в

Евгений Пинаев. Сумерки

Севастополь — место стоянки Черноморского флота. Эти путешествия легли в основу его цикла «Севастопольский вальс», одного из самых известных. Он был членом Союза российских писателей, удостоился многих литературных премий — в том числе детских и уральских региональных. Он выставлялся в музеях. При этом в нем не было ни капли тщеславия, он определял себя как «человека из трех половинок»: «Напо-

ловину писатель», «Наполовину моряк», «Наполовину художник».

Напоследок передаю слово ему самому (эта его фраза экзистенциальна в своей простоте):

«Чтоб море не выплескивалось, нужен причал!»

Октябрь 2016

Перевод К. Сапгир

Иван Охрименко

параллели, которые не должны пересекаться...

По насыщенности событий эти воспоминания похожи на маленькую повесть. Настолько плотно здесь сошлись разные моменты жизни, в которых высвечивается путь человека, попавшего на самое дно, но не сдающегося злему року. Он все силы направил на то, чтобы выйти на достойную дорогу. И вот теперь, спустя многие годы, душа его потребовала сестра за воспоминания, которые могут быть полезными еще кому-то.

В настоящее время автор живет в Екатеринбурге.

стычка на лестнице

Был теплый, солнечный последний день лета. Я ходил по магазинам города в поисках колоритных уральских сувениров для друзей, с которыми уже завтра встречусь в Санкт-Петербурге.

Дело в том, что завтра должна состояться очередная традиционная встреча выпускников подводного факультета Высшего военно-морского инженерного Ордена Ленина училища имени Ф.Э. Дзержинского. Когда-то молодые лейтенанты, только что окончившие училище, решили встречаться через каждые пять лет. Кто бы где ни находился, каждый должен использовать все возможности, чтобы очередная встреча состоялась...

Авиабилеты туда и обратно в кармане, осталось дело за малым. Когда мой портфель значительно потяжелел и солнце перевалило за полдень, я почувствовал, что проголодался, и решил зайти в пельменную. Она была на Пушкинской, в старинном двухэтажном кирпичном здании. Эта пельменная отличалась от других таких же заведений тем, что в ней пельмени всегда были ручной работы, очень вкусные, и там всегда была очередь. Зал обслуживания находился на втором этаже, куда вела довольно-таки крутая деревянная лестница.

Я вошел в коридор и не удивился тому, что уже на первой ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, стояли желающие отведать пельменей. Передо мной оказался широкоплечий, небольшого роста мужчина в темно-серой шелковой рубашке с короткими рукавами и такого же цвета брюках. Коротко стриженная, совершенно седая голова хорошо смотрелась на крепкой загорелой шее. Весь его торс, мускулистые загорелые руки создавали впечатление, что этот человек обладает недюжинной силой. А перед ним стоял высокий, плотно сбитый молодой человек лет двадцати пяти в белом чесучовом костюме. В правой руке он держал свернутый в рулон какой-то журнал. Он стоял в пол-оборота к коренастому и, похлопывая журналом по правой ноге, что-то говорил. До меня донеслось: «Так что не тебе меня воспитывать...»

— За вами кто-либо занимал? — обратился я к мужчине в шелковой рубашке.

— Нет! — отрубил он и, не поворачиваясь, продолжал свой разговор с собеседником. — Я уже один раз просил тебя помолчать, говорю второй раз — замолчи! Иначе мне придется воспитывать тебя прямо здесь.

— Кто? Это ты меня собираешься воспитывать? — с презрительной усмешкой произнес молодой человек. — Твое воспитание сразу видно, где был и что делал...

Тут его рука приподнялась, и журнал уткнулся в грудь мужчины. Резкий, как молния, удар — журнал полетел в сторону. Я видел, как напряглись мышцы рук седого, чтобы не позволить себе воспитательного приема, иначе говоря, драки.

Я поставил свой портфель на ступеньку и со словами «какой знакомый голос!» крепко взял седого за плечи. В крутом повороте он развел мои руки. Я был поражен разъяренным видом этого человека. На меня смотрели хищные, холодные, как у волка, глаза. Этот злобный пронизывающий взгляд ничего хорошего не предвещал. Его худощавое лицо с редкими оспинами, плотно сжатыми губами выражало безоглядную готовность к схватке. Он хрипловато выкрикнул:

— Вы!..

Кулак правой руки разжался в каком-то медленном узнавании. Он внимательно и уже совсем не хищно смотрел на меня, теперь его серые глаза светились теплотой и радостью.

— Это ты, Иван! — утвердительно произнес он, кивнув.

— Да, вроде так меня в детстве нарекли.

— Ах, Бродяга, не узнал! — сказал седой, заключая меня в железные объятия.

Я так и не мог определить точно, кто же это, а голос-то явно знакомый и эти оспины на лице! Что-то с трудом прояснялось в моей памяти. А главное, это словечко «бродяга». Так меня называли только два человека — Женя и Митяй, с которыми я познакомился в товарном эшелоне, будучи беспризорником в далекие послевоенные годы. Неужели этот могучий седой человек Женя Соломатин?

— Женька, ты ли?

— Наконец-то докопался, Бродяга. Ну, здравствуй! Мы снова обнялись.

— Сколько же лет-то уткнуло!

— Подожди, я научу этого амбала¹ уважать старших!

Я его удержал:

— Женя, не сейчас. Не то место.

— Послушайте, — обратился я к молодому человеку в чесучовом костюме, — вам следовало бы извиниться и впредь не поступать так опрометчиво, как вы поступили сейчас — тыкать в грудь человеку, который значительно старше и, уверяю вас, сильнее во всех отношениях...

— Брось, Бродяга, — прервал меня Евгений, — он должен благодарить тебя, что стоишь на ногах, а не лежит на полу. Мне не впервой из-за таких понтовитых² объясняться в уголовке или париться на нарах.

Молодой человек что-то буркнул и, подняв журнал, направился к входной двери.

— Ну, вот и хорошо, мне будет спокойнее, и дышать легче, — сказал Евгений и вернулся к моему вопросу:

— Сколько не виделись, говоришь? Когда меня повязали первый раз, тебе, кажется, было четырнадцать, а сейчас... — Он помолчал, погладил меня по голове, — ты уже без кудрей, и виски седые, как моя голова.

Пока поднимались до раздачи, я видел, что Евгений все еще не успокоился, кисти его рук то сжимались в кулаки, то он потирал их в прежнем раздражении. Уже подошла наша очередь, тут Евгений сказал:

— Вон в углу зала столик как раз на двоих, иди садись, пока его не заняли, а я возьму бутылочку, пельмешек и еще чего-нибудь. Нам есть, что вспомнить.

бродяга и компания

Я подчинился. Евгений подошел, поставил на стол полный поднос и, садясь, проговорил:

— Спасибо, что ты меня остановил, я ведь на учете, прошло всего пару месяцев, как откинулся³. Таких, как я, «кадровых» еров⁴, поискать, — он злорадно рассмеялся, — таких опекают с удивительным постоянством. Три раза в месяц через каждые десять дней хожу, показываюсь, что никуда не схилял⁵, никого не заделал⁶. Ну ладно, как говорят, бог с ними...

Евгений разлил водку, немного помолчал, глядя на меня, и продолжил:

— Раз опекают, значит, так положено...

Я не перебивал, чувствовал, что ему нужно выговориться. Но он неожиданно предложил:

— Давай выпьем за нашу нечаянную встречу! Я рад, что ты жив... — Он не торопясь выпил и, смакуя, заметил: — Ах, как хорошо пошла! Нету лучшей закуски после выпитых ста граммов, как занюхивать водку свежим хлебом.

Я спросил:

— Скажи мне, верный друг, что случилось с тобой той осенью в начале нашей учебы в художественном ремесленном училище № 42 в Свердловске? Ты ушел из училища вечером после отбоя, обещал вернуться рано утром, но не вернулся ни утром, ни на следующий день. Я сильно переживал и не знал, что делать и где тебя искать. Я понял, что-то случилось. Знал, что ты не нарушишь нашу клятву «не бросать друг друга!». Я с нетерпением ждал тебя. Мы же планировали весной оставить это прекрасное училище и быстрее двигаться к морю. Директор училища через неделю, как тебя не стало, собрал всех учащихся и объявил,

что ты арестован за то, что избил милиционера, что ты отпетый хулиган и разбойник.

— Это он неправильно сказал, — перебил меня Евгений. — Избил и ударил — понятия разные. Если бы я избил... тем более мента⁷, мы бы с тобой никогда не встретились. А в тот момент у меня другого выхода не было. После дела, не буду ворошить прошлое, я слинял из товарняка, вышел из вокзала, а навстречу мне идет мент. Он почему-то подозрительно смотрел. Чтобы не встречаться с ним нос к носу, я свернул и пошел к кустам. Там было что-то вроде болота — высокая трава, вода, слякоть. Он увязался за мной, догнал, взял за плечо и спрашивает: «Что у тебя в кармане?» Я с разворотом ударил его правой в челюсть. От неожиданности он упал, я быстрее канать⁸ в кусты. Воды — до колен, ноги вязнут. Оглянулся, мент одыбался⁹ — поднялся. Я понял, что дело плохо, достал волюну¹⁰, вытащил обойму и выбросил ее в воду. Через пару шагов и саму волюну — в няшу. В это время услышал крик: «Стой!». Раздался выстрел. Я знал, сделай я еще хоть один шаг, второй выстрел будет в меня. Я поднял руки, повернулся. Мент подошел, ни слова не говоря, тоже врезал мне в челюсть. Поворотом головы я смягчил удар, помогли тренировки. И мент сказал: «Теперь мы квиты». Правильный был мент... — Евгений усмехнулся, затем продолжил: — Ну, а потом все по схеме — суд, приличный срок. Считаю, что мне повезло. Было бы значительно хуже, если бы взяли меня с пистолетом. Повесили бы на меня всех собак — дела, о которых я понятия не имел. После сходки в товарнике пистолет мне передал Митяй, ты его должен помнить, он несколько раз приходил ко мне в училище, мороженым нас угощал. Ты еще спрашивал, почему у него такой густой голос. Тот отвечал: «Шалыпиным хочу стать, но... жизнь штука корявая».

Я улыбнулся:

— Конечно, помню.

— Чего смеешься?

— Я из-за этого Митяя девушку потерял.

— Что-то на Митяя это не похоже, — заметил Евгений.

— Но это так, потом расскажу... Но зачем ты взял пистолет у Митяя?

— Он просил затырить¹¹ волюну так, чтобы никто не мог знать, где она хранится, а перед тем, как прятать, ее нужно хорошо протереть тряпкой, смоченной бензином. Бродяга, ты меня знаешь, вернее, знал в то время, что я далеко не ангел, но мокрухой¹² не собирался заниматься, и пистолет вряд ли бы мне пригодился. Просто отказать Митяю я не мог, он неоднократно выручал меня. Его просьба мне не виделась опасной. Взял, протер, спрятал, и все дела. Я только спросил: «Волюна эта твоя?» «Нет», — сказал он. — «Паленая?» — Он утвердительно кивнул. Вот и хотел я быстрее спрятать эту опасную штуку.

Евгений снова плеснул водки, как-то задумчиво посмотрел на меня и предложил:

Иван Охрименко — курсант Ленинградского высшего военно-морского училища им. Ф.Э. Дзержинского

— Выпьем за нас, мы живы — это главное, остальное суeta, тем более сейчас. — И, меняя тему, спросил: — А что ты с баулом ходишь? Купил что-то или собрался куда-то ехать?

— Завтра утром лечу в Питер.

— В командировку?

— Не совсем так. Лечу на встречу с морскими друзьями.

— Ты все-таки стал флотским?! — сказал он, утирая рукавом глаза. — Ну, Бродяга, молодец! Я плачу от радости за тебя.

Я думал, что он шутит, но по его лицу текли слезы.

— Женя, не плачь. На твой вопрос отвечаю: и да, и нет.

— Ну-ка освети, чтобы мне было понятно...

— Если честно, когда тебя посадили, я во второй раз осиротел. Ты занимался боксом, а я борьбой и танцами. Эти занятия скрашивали мое одиночество и

спасали от возникающей тяги к бродяжничеству. Ты же сам знаешь, что бродяжничество — как болезнь, как охота или рыбалка. От нее трудно сразу освободиться. И я планировал, когда наступит весна, станет тепло, бросить училище и двигаться к морю. В марте ко мне приходил Митяй, передал от тебя привет и немного денег, а также твою просьбу, чтобы я закончил училище и получил хорошую специальность. Мы долго с ним разговаривали. Митяй сказал, что ты просил его повлиять на меня, чтобы не вздумал возвращаться к старым делам... А если кто-либо из прежней коды¹³ попытается привязать¹⁴ меня, то Митяй должен будет принять самые крайние меры. Митяй дал мне на всякий случай складной нож с кнопкой — настоящее перо¹⁵ с блестящим угрожающим лезвием. Просил никому не показывать и зря кнопку не нажимать. В то время такой нож был большой редкостью. Уходя, Митяй сказал, как его найти в случае чего. Но все обошлось. А твой совет я воплотил, после окончания училища получил хорошую специальность — столяра-краснодеревщика. Работал на мебельной фабрике. Через год забрали в армию. Прослужил два года, поступил в Высшее военно-морское инженерное Ордена Ленина училище им. Ф.Э. Дзержинского, которое располагается в Питере рядом с Зимним дворцом. После окончания четвертого курса, перед отправкой на практику на подводных лодках, меня демобилизовали по состоянию здоровья ввиду невозможности использовать как офицера в плавающем составе Военно-морского флота. В моей душе образовалась зияющая рана, боль от которой порою притупляется, но моментально возникает даже при виде человека в военно-морской форме. С тяжелым, тревожным чувством я прощался с друзьями и с подводным флотом. Но моряки четко сказали мне: «Ты наш! На всех встречах быть обязательно!» Завтра, можно сказать, юбилейная встреча. А сегодня я начну приобщать тебя к флотским традициям. Разливай. Предлагаю выпить за флотских, конкретно за тех, кто в море! И на этом сегодня закончим. Запиши мои телефоны. Если секретарь будет спрашивать: «Как вас представить?» — говори: «Старый друг».

— Да ты бугор¹⁶, Бродяга!

— Нет, я не бугор, я просто главный инженер крупного многопрофильного завода, на котором работает свыше пятнадцати тысяч человек.

Завершив обед чашкой кофе, мы вышли на улицу. Евгений взял меня за руку и предложил:

— Давай постоим минут пять, понаблюдаем, — он внимательно рассматривал проходящих мужчин, затем сказал: — действительно, этот фразер¹⁷ ушел.

— А ты думал, что он будет поджидать нас? — удивленно спросил я.

— Всякое бывает, может и кирпич из-за угла прилететь. Подлость человеческая, как и жестокость — неистребимы. Человек — зверь страшный, как говорил Митяй. Кстати, что такого натворил Митяй, что ты потерял свою девушку? К своим друзьям он относился очень внимательно, точнее, бережно, а тем более к тебе.

— Все правильно, фактически он оказался косвенным виновником моей потери.

И тут я рассказал, как все это было. Дело было в сентябре той осени, когда меня призвали на военную службу. Мы с Зоей возвращались из сада, там, на открытой эстраде, давали концерты, а иногда организовывали танцы под духовой оркестр. Концерт закончился в начале одиннадцатого. Вечер был удивительно теплым, мы решили идти домой пешком — мы жили на одной улице. Я в общежитии — на улице Нагорной, 12, а Зоя двумя кварталами ниже жила с родителями в частном доме.

Мы шли по улице Ленина, пересекли Московскую и вошли в тенистую аллею. Особенно эта аллея была хороша весной. С одной стороны вдоль тротуара насажены кусты акации, а с другой — кусты сирени. Среди кустов стояли деревянные скамейки, где можно было посидеть, наслаждаясь свежим, тонким весенним запахом сирени. По этой аллее часто прохаживались парочки, возможно, поэтому за ней закрепилось название — «аллея любви».

Мы шли не торопясь. Зоя рассказывала о начале учебного года, она училась в госуниверситете на третьем курсе филологического факультета. Но что-то мешало мне внимательно слушать ее рассказ. Какая-то необъяснимая тревога заставляла меня настораживаться. Возможно, это состояние передалось Зое. Она перестала рассказывать. Спросила: «Ты меня не слушаешь, о чем-то думаешь?» «Нет, нет, я тебя слушаю, продолжай», — ответил я. Но тревога обострилась, я не мог понять почему. Мой детдомовский опыт без ошибок подсказывал опасность. Зоя взяла меня за руку, прижалась. Из кустов вышли два парня. Они явно направлялись к нам. Когда до нас оставалось пять-шесть метров, я наклонился к Зое и сказал: «Не бойся. Если они остановятся перед нами, освободи мою руку и встань сзади меня». Один из парней с явно восточным акцентом сказал: «Паслушай, дарогой, хватит обниматься. Я тоже хачу, лучше дай закурить». Я поднял голову, передо мной стоял долговязый, с небольшими черными усиками человек. Я спокойно ему сказал: «Курева у меня нет, я не курю, а спички могу дать». У меня в кармане лежал подарок Митяя — складшчок. Зоя стояла у меня за спиной. «Спичек не надо, я хочу посмотреть, что у биксы¹⁸ в сумочке», — настаивал долговязый. В это время тот, пониже,

шагнул к Зое. Я выставил левую руку, как бы предлагая ему движение, сильно и резко толкнул его в грудь. Он не ожидал такого толчка, взмахнул руками и откинулся на кусты акаций. На меня ринулся долговязый, я уклонился от удара, а кадык его шеи наткнулся на ребро ладони моей правой руки. Он осел и, хватая ртом воздух, медленно повалился на тротуар. Малыш вскочил, побежал в сторону кустов сирени, крича: «Митяй, он Серго завалил!» Из-за кустов вышел мужчина, за ним еще двое. Послышалось: «Кто? Как завалил? Зачем полезли? Я вам что говорил?» Я узнал этот густой басистый голос. «Митяй, не переживай, полежит и одыбается ваш Серго», — сказал я. «Шас мы с ним разберемся!», — произнес кто-то. «Ша, братва, кажись, свой», — остановил их Митяй. «Свой, Митяй, свой», — я стоял, улыбаясь. Зоя с недоумением и испугом посмотрела на меня и спросила: «Что это значит?» «Успокойся, потом все объясню», — ответил я.

Я шагнул навстречу Митяю. Он несколько секунд внимательно смотрел на меня, потом радостно вскрикнул: «Да это никак ты, Бродяга! Вот так встреча!» Мы обнялись. Затем я спросил: «Митяй, там впереди больше никого?» Он ответил: «Ни моих, ни других, до проходной завода никого нет».

Я попросил Зою спокойно пойти дальше, добавив, что я скоро догоню. Ничего не сказав, Зоя быстро пошла. Через несколько шагов она остановилась и громко сказала: «Я ждать не буду». Стук каблучков стал доноситься значительно громче и чаще, видимо, она бежала.

Митяй спросил: «Ты где сейчас живешь?» — «Да здесь, недалеко — в общежитии». — «В этом большом доме на Нагорной?» — «Да». — «Знаю. Я через неделю уеду в деревню, недалеко от Омска. Узнал, отец болеет. Надо заготовить дров на зиму, сена привезти. Приеду, я тебя найду». Пожимая руку, он сказал: «Извини, что так получилось. И не забывай наш старый договор, я пока в силе — обращаюсь, если что...»

— Да, Женя, Митяй при своих архаровцах ни деревню не назвал, где живут родители, ни срока своего приезда, — сказал я, освобождаясь от воспоминания.

— И правильно! — согласился Женя, — даже я до сего момента не знал, что у него были живы родители. Надеюсь, ты понимаешь, при такой, как говорил Митяй, корявой жизни, чем меньше информации будет слетать с языков различных скокарей²⁰ и мелкой шпаны, тем для него спокойнее и, главное, безопаснее.

— Интересно, где сейчас Митяй? Жив ли?

— Нет Митяя. Когда я был на зоне в середине девяностых, до меня дошли слухи, что его убили в какой-то перестрелке. Говорили, что убили его

Снимок из домашнего альбома Ивана Охрименко. Время его учебы. Подводные работы на Черном море: готовят на спуск...

подло — кучей. Чтобы не подставлять друзей, он сам вышел на врагов. Пусть земля ему будет пухом, очень жаль, верный был друг.

— Да, он мог бы совершить немало хорошего, не знаю, что заставило его идти по корявой дороге жизни. Очень жаль...

— Так вот, что насчет девушки? — вернулся к теме Женя, — из-за этой встречи с Митяем любовь и закончилась? Больше не встречались?

— Встречались... Она провожала меня в армию и сообщила, что, вернувшись домой, все рассказала отцу. Отец выслушал и заключил: «Друг твой, видать, такой же бандит, и нечего тебе с ним делать». Но хватит об этом, разбередил ты мою беспризорную душу дальше некуда. Вот идет мой троллейбус. Через неделю вернусь из Питера, звони...

убывает флотское братство

На следующий день, после прилета, я нырнул в самое глубокое в мире метро и вышел на площади Восстания. Двинулся по Невскому проспекту в сторону Адмиралтейства. Адмиралтейский шпиль, удивительное по красоте здание — эта знаковая картина еще с курсантских времен всегда захватывала, волновала и влекла меня какой-то таинственной силой. Вот и сейчас я шел с приподнятым настроением, предвкушая встречу с друзьями.

Сбор был под шпилем, точнее, возле фонтана, прямо напротив главного входа в училище. Фонтан окружен памятниками великим людям, прославившим своей гениальностью Россию на века — Горчакову, Лермонтову, Гоголю, Пржевальскому.

У фонтана уже собрались человек тридцать. Трое были в военно-морской форме. «Маловато, — подумал я, — пять и десять лет назад было в три раза больше...» Девяностые годы сделали свое дело. И вообще, связи разрушились, стало трудно добираться из бывших союзных республик, а курсы были наполнены ребятами из разных уголков нашей необъятной родины — как раз треть группы состояла из таких ребят. Теперь об этих людях почти ничего неизвестно.

Пересекая проспект, я постарался освободиться от тягостных мыслей, потому что трое в военно-морской форме, улыбаясь, шли мне навстречу. После объятий и рукопожатий я был опять в кругу друзей.

На следующий день после небольшого торжества Борис Карпов пригласил нас с Игорем Варченко к себе домой. Причем меня он назвал просто Ваню, а, кивнув в сторону Варченко, сказал: «Порасспрашивай вот Игоря Васильевича о нашей работе...» А сам отправился за машиной.

Я озадачился, почему Борис величает одноклассника по отчеству. Но он быстро вернулся со словами: «Все в порядке, машина нас ждет, она дежурная, просили не задерживать».

Водитель, на большой скорости оставив следа Адмиралтейство, свернул на Невский. Машина мчалась по вечернему Питеру, иногда водитель включал предупреждающую сигнализацию. В конце проспекта по мосту Александра Невского пересекли Неву и по Заневскому проспекту выскочили на Индустриальный, видимо, водитель хорошо знал этот маршрут. Еще один поворот, и мы остановились на проспекте Энтузиастов возле высотки.

Борис поблагодарил водителя за быструю езду и, беря меня под руку, сказал:

— Ваню, я сейчас, считай, холостяк, супруга в Мо-

ске, помогает воспитывать внука. Квартира трехкомнатная, каждому по отдельной каюте, входите и будьте как дома. А я — на камбуз, что-нибудь быстро приготовлю.

Я обратил внимание на китель Бориса, висающий на спинке стула, на нем были погоны капитана первого ранга. А у Игоря на плечах — погоны капитана третьего ранга. Что же послужило такой карьере: Борис на шесть-восемь лет опередил Игоря в присвоении званий? Что случилось с Игорем — талантливым парнем, закончившим училище с золотой медалью?

Игорь уловил мой взгляд. Дело в том, что из нашего подводного факультета только два человека окончили училище с золотой медалью. Два — Игорь Михалевский и Игорь Варченко. Игорь Николаевич Михалевский двадцать лет бороздил воды Тихого океана на атомной подводной лодке, окончил академию Военно-морских сил. В Вооруженных силах СССР была лишь одна академия ВМС, в которой готовили высокого класса специалистов для Военно-морского флота — командиров надводных и подводных кораблей, штурманов, акустиков и других. После академии Михалевский продолжал ходить в море, передавая свой бесценный опыт молодым офицерам. Но нагрузки при ликвидации аварийных систем, что было не редкостью на первых АПЛ, нервотрепка восьмидесятых годов непоправимо нарушили его здоровье. Он перенес серьезную операцию на сердце, демобилизовался в звании капитана второго ранга. Медалист Игорь Васильевич Варченко был распределен военпредом в Комсомольск-на-Амуре, где строилась первая атомная подводная лодка. Позже их пути с Борисом Карповым пересекутся. Борис был активным, уже со второго курса участвовал в научном обществе курсантов. После завершения учебы в знаменитой Дзержинке он был назначен в состав первого экипажа АПЛ К-45 на должность командира дистанционного управления. И сразу же они вместе с Варченко в Комсомольске-на-Амуре оказались в гуще бурных событий, связанных со строительством, испытанием и передачей лодки в состав Тихоокеанского флота.

Вошел Борис, ставя на стол всегда выручающее блюдо с пельменями, и сказал:

— Ребята, налетай — добавки не будет.

Игорь как будто ждал, когда мы все сядем за стол, и в раздумье произнес:

— Видишь, Ваню, на сколько Борис обскакал меня и в звании, и в научной работе — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой и мой непосредственный начальник. А я все еще кап три.

В его голосе не было ни зависти, ни раздражения, звучал лишь некоторый оттенок затаенной тоски.

Он помолчал немного, о чем-то думая, и добавил:

— Да... вот такая у нас власть...

Разливая коньяк по рюмкам, Борис спросил:

— Игорь, а при чем здесь власть? И о какой власти

1957 год. Ленинградское высшее военно-морское училище им. Ф.Э. Дзержинского. Курсанты Владимир Козерог, Игорь Михалевский, Иван Охрименко, Сергей Защринский

ты говоришь? Или ты говоришь о власти, орудующей в полной неразберихе развала и упадка порядка в армии и на флоте, тогда я согласен. Но сейчас другие времена. У нас нормальная, хорошая власть. Просто надо уметь этой властью пользоваться. — В его голосе слышались назидательность и непоколебимая убежденность.

Игорь пристально посмотрел на Бориса, затем на меня и, как бы не желая продолжать разговор на эту тему, махнул рукой. Не получив ответа, Борис продолжал:

— Мы с тобой насмотрелись, мягко говоря, на отдельные нестыковки между гражданской и военной властью в годы строительства АПЛ К-45. Но их вряд ли можно было избежать. Строился самый сложный объект, в котором принимали участие большое количество научных организаций, десятки заводов различного профиля. При наличии приказов не срывать сроков строительства в то же время неоднократно были случаи несвоевременной поставки отдельных узлов, а эти узлы — не болтики, винтики, а самые сложные механизмы. Одним словом, кошмар. Я не знаю, как мы все это выдержали... А что касается присвоения очередных званий, Игорь, не обижайся на меня, ты же отлично понимаешь,

что золотая медаль с красным дипломом не дают никаких гарантий служебного роста. Я всегда говорю молодым офицерам, что в плане служебного роста наши дипломные отличия очень быстро отходят на второй план. И прошу их об этом не забывать. Главным становятся опыт работы, личные качества, удача и случай. И это подтверждается практикой. Многие наши ребята окончили училище успешно, не так блестяще, как ты, но они стали капитанами 1-го ранга, и некоторые из них раньше меня — Володя Козерог, Геннадий Минченко, Юра Козлов, Геннадий Федотов, а Евгений Рогачёв уже не первый год ходит в звании контр-адмирала. Но я сетую, что не дорос до такого... Сам знаешь, какие за тобой были осечки и какое горе у тебя было, это я все помню и сочувствую тебе.

Вот эта история со слов Бориса. В Комсомольске-на-Амуре Варченко похоронил красавицу-жену. Тогда весь аппарат ВП-548, все ребята старались как-то облегчить его страдания. Но через некоторое время он стал приходить на службу нетрезвым. Начальство какое-то время относилось с пониманием. Но потом Игорь запил по-черному и вообще не появлялся на службе. Никто не мог его найти. Борис его нашел на кладбище у могилы

жены, одна бутылка выпита, другая начата... Борис забрал бутылку со словами «можно, я тоже выпью». Плеснул немного на могилу. Отхлебнул сам и сказал, обращаясь к портрету Тамары: «Прости его, все образуется»... А Игорю сказал: «Понравилось бы Тамаре, что ты пьешь, как биндюжник?» Игорь припал к портрету и долго молчал.

На следующий день Борис пошел к непосредственному начальнику Игоря капитану 1-го ранга Борису Лифу и попросил его не применять жестких мер. Поручился, что Игорь Васильевич не будет больше появляться на работе в такой форме.

Я переводил взгляд с Бориса на Игоря. Неожиданно Игорь взял рюмку и встал:

— Огромное тебе спасибо, что вытащил меня из Комсомольска-на-Амуре, пригласил работать в проблемную лабораторию, за братское отношение ко мне всю жизнь буду благодарен тебе. Давайте выпьем за наших ребят, которые погибли в океанских водах, выполняя воинский долг. За родных и близких друзей, которые ушли из этого безумного мира. Светлая им память.

Борис напомнил:

— Ваню, нам завтра на работу, а ты с ребятами можешь съездить в Царское село, Петергоф или на экскурсию по городу. Автобус будет стоять возле клуба училища.

невыполнимая просьба друга

Расставаясь с друзьями и с Петербургом, я с какой-то болезненной грустью садился в самолет. Отгонял от себя мысль, что, возможно, некоторых друзей я больше не увижу...

Мое место в самолете было возле окна. Я пристегнулся и закрыл глаза. Проснулся от тряски, когда самолет приземлился в аэропорту Екатеринбурга.

На следующий день секретарь принесла мне в кабинет почту и сказала:

— Звонил мужчина, спрашивал вас, представился как старый друг. Я ответила, что раньше понедельника вас не будет.

Евгений позвонил как раз в этот же день. Я договорился с ним о встрече.

В среду в конце рабочего дня вошла секретарь и произнесла:

— К вам ваш старый друг. Видно, он большой начальник — одет, как денди, на руке золотой перстень, мне вручил коробку конфет. Кстати, совсем не старый...

Вошел Евгений, модно и хорошо одетый. Белая рубашка удачно оттеняла его чисто выбритое, загорелое лицо.

Мы обнялись.

— Ты действительно молодо выглядишь.

— Почему действительно? Кто-то сомневается?

— Женя, ты, как всегда, четко отслеживаешь произнесенные собеседником слова!

— Жизнь научила слушать...

Мы рассмеялись.

— Ну как прошла встреча в Питере с моряками? Удачно?..

Вошла секретарь, поставила на стол поднос с заваренным чаем и спросила:

— Больше ничего не нужно?

— Спасибо, на сегодня ты свободна.

Секретарь упорхнула, тихо прикрыв дверь. Я спросил Женю:

— Может, чего-нибудь покрепче?

— Нет, спасибо, — ответил он. — У меня сегодня еще одна очень важная встреча. Но прежде ты расскажи о своей питерской встрече, а то в твоих глазах какая-то грусть.

— Да нет, ничего... Скажу кратко, и ты поймешь. Из 160 выпускников нашего подводного факультета ушли из жизни 92 человека, а 16 — вообще неизвестно где. Из 24 атомщиков осталось нас всего четверо. Какие были ребята! Каждый из них за друга, за экипаж — хоть в огонь, хоть в воду, в полном смысле этого слова. Им цены нет. И те, кто погиб, кто «ушел», кто остался — они честь и слава Русского флота и гордость училища! Я покидал Санкт-Петербург с тревожной тоской. Вот и вся причина. А теперь ты скажи, какие проблемы беспокоят тебя?

— Да, есть проблемка... Мне желательно пристроить на работу трех мужиков на пять-шесть месяцев, а дальше будет видно. Нужно, чтобы они работали, чтобы была у них крыша. Они прекрасные специалисты по многим делам. Прошли Афган, отлично владеют и ножом, и пистолетом. По разным причинам каждый из них отсидел приличный срок (это я для тебя говорю), но документы у них абсолютно чистые. Те фамилии, которые были у них после рождения, остались в Афганистане. Работать умеют классно, я гарантирую. Башли²¹, которые они будут зарабатывать, я буду отдавать тебе.

— Еще чего! О деньгах вообще не может быть речи.

— Почему так? Ты что, миллионер? Эту дырявую власть нужно доить и доить! — Женя явно негодовал.

— Это ты так считаешь... А в Питере уважаемый мною моряк-ученый сказал, что у нас хорошая власть, только надо уметь ею пользоваться.

— Ну не знаю, что тут хорошего... Я, с точки зрения власти, отпетый уголовник, но я при всем том не подлец! Я собирал дань с богатеньких и отсидел в тюрьмах более тридцати лет... Я знаю, что общак — это дело святое и без хозяина никто не может им

распорядиться, а сейчас у кого власть, тот и вор. И чем меньше власть, тем пуще воруют.

— Понятно, Женя... Теперь насчет устройства твоих ребят... Дело тут такое: до конца года есть приказ директора завода никого не принимать. Не менее важно, что и сам я уже принял решение работать только до конца года, а там буду уходить. Понимаешь, мне стыдно смотреть в глаза людям, которым по три месяца не выдают зарплату. Деньги, не доходя, где-то прокручиваются. Так что при всем желании помочь тебе ничем не могу.

— А может, познакомить тебя с моими ребятами, они помогут тебе разобраться!

— Нет, Женя, с этим покончено навсегда. Мы с тобой уже не те, которые ездили в собачьих ящиках и прыгали из товарников на ходу.

— Да, были времена... Хорошо, я все понял.

На прощание он положил на столик бумажку:

— Вот тут адрес человека, к которому ты можешь всегда обратиться, если что. Для него твой пароль — «бродяга». Он крепко меня обнял, затем отстранился, смотря пристально мне в глаза, промолвил:

— Ты прав. И то, что сказал о власти твой питерский друг-морьяк, тоже верно. После встречи позвоню, прощай!

Взглянув на часы, он быстро вышел.

тяготы распутья

После ухода Евгения некоторые его слова не давали мне покоя. Почему «прощай»? Раньше он так не говорил. «Очень важная встреча»... С кем? Возможно, от этой встречи многое зависело.

Я прождал звонка от Жени целую неделю. И вот наконец-то — звонок. Я взял трубку. Мужчина, обладающий властным баритоном, спросил:

— Вы Иван Фёдорович?

— Да.

— Извините, Бродяга?

— Да.

— Евгений тяжело ранен, не знаю, будет жить или нет. Встречаться вам пока не следует. Когда появится такая возможность, я позвоню.

Моя интуиция на этот раз явно не срабатывала.

Вспомнились слова при расставании. «Ты прав», — сказал Евгений. Я не знаю, в чем моя правота? В том, что решил уволиться с завода? Это вопрос решенный и, как говорят, обсуждению не подлежит. Что отказался от помощи его ребят, которые помогли бы мне разобраться, кто есть кто? Зачем? Эта разборка ни для завода, ни для меня ничего бы не изменила.

Теперь о сказанных с каким-то сомнением словах «твой друг-морьяк тоже в чем-то прав»... Мой питерский друг, говоря о власти, знал, что было и что ста-

ло в армии и на флоте. Он прекрасный аналитик, умеет абстрагироваться и видеть главное. То, чему он посвятил свою жизнь, становится все мощнее и надежнее. Военно-морской флот и армия, похоже, выходят из стагнации. Строятся надводные и подводные крейсера, самолеты, которым нет аналогов на земном шаре. Я, знающий обстановку на флоте, не помню, чтобы в последние двадцать лет двадцатого века военные корабли Советского Союза заходили в Средиземное море. В настоящее время подводные и надводные крейсера с палубной авиацией базируются в этих водах и не только в них.

Несомненно, эти люди — и Борис Иванович, и Евгений, вряд ли бы оказались где-то на одной почве. Но очевидно, что их терзают одни и те же обстоятельства, которые выше их сил. Однако Евгений не намерен соглашаться или подчиниться этим условиям, хотя у него нет достаточных сил бороться с ними. А у Бориса Ивановича другая установка, он может идти на определенные компромиссы.

Звонок отбросил меня в беспросветную зону ожидания. Тут как раз я и мог бы чем-то помочь.

Словарь жаргонных слов, использованных в рассказе:

1. Амбал — человек крупной комплекции.
2. Понтовитый — задиристый, дерзкий, ведущий себя вызывающе.
3. Откинуться — 1) выйти на свободу из заключения; 2) освободиться от обязанностей.
4. Ера — крученный, битый человек, прошедший все режимы.
5. Хилить — идти, бежать.
6. Заделать — покалечить, убить, проучить.
7. Мент — 1) милиционер; 2) тюремный надзиратель (устар.)
8. Канать — идти, бежать.
9. Одыбаться — ожить, прийти в себя.
10. Воляна — пистолет, револьвер, наган.
11. Затырить — спрятать.
12. Мокруха — убийство
13. Кодла — группа, компания.
14. Привязать — угрозами или силой вести за собой.
15. Перо — нож, кинжал, бритва.
16. Бугор — 1) бригадир в ИТУ; 2) авторитет в преступной среде; 3) старший в камере.
17. Фраер — 1) человек, не принадлежащий к преступному миру; 2) общее название жертвы карманников и мошенников.
18. Бикса — 1) девушка; 2) проститутка.
19. Завалить — сбить с ног, избить.
20. Скокарь — грабитель.
21. Башли — деньги.

світлана марченко

ещё одно

партийное дело

Большую часть своей жизни Светлана Марченко посвятила работе над Словом. Почти четверть века она проработала в Средне-Уральском книжном издательстве, где ей приходилось иметь дело с самыми разными жанрами художественной литературы. Через ее редакторский стол прошли две сотни книг. На протяжении десятка лет Светлана была внештатным корреспондентом радио, сейчас она работает в редакции «Проталины».

Светлана Марченко — автор нескольких поэтических сборников. Живет в Екатеринбурге.

*В коротком замыкании с эпохой
Перегорают светлые сердца.*

Владимир Дагуров

У редакции «Проталины» неожиданно появилась возможность узнать подлинный ход событий, изломавших судьбу уральского поэта Михаила Михайловича Пилипенко. Он рано и трагично ушел из жизни. Он успел издать два своих поэтических сборника, третий вышел уже после его смерти. А широкую известность Михаил Пилипенко получил благодаря одному своему стихотворению «Уральская рябинушка», которое стало песней. Музыка к тексту написал композитор Евгений Родыгин. Эта песня стала настоящим уральским самоцветом и разлетелась по самым отдаленным краям.

Многое помогла открыть и понять в этой судьбе поэтическая тетрадь. Она впервые выходит к читателю из семейного архива. Шестидесят лет ее рукописные страницы хранили душевные откровения автора, его возможные задумки для следующих книг. Передала редакции эту тетрадь Валентина Михайловна Борисова (Пилипенко) — старшая дочь поэта.

Знакомство с Валентиной Михайловной — неслучайное событие. Но состоялось оно только теперь — через четыре года — после того, как в «Проталине» был опубликован материал о Пилипенко, о газете «На смену!», которой он руководил долгие годы, и о литературном клубе, названном в память об этом человеке.

Литературный клуб имени Пилипенко работал не одно десятилетие, но, к сожалению, ему пришлось менять адреса, так как «литературные сборища» часто не устраивали тех, кто предоставлял крышу.

Именно один из «пилипенковцев», живущий в далеком сибирском селе Верблюжье Омской об-

ласти, поэт Валентин Ферулёв помог связаться с Валентиной Пилипенко, которая пустила корни в Тюмени.

Валентина сразу передала редакции все, что хранилось в архиве ее отца: это, прежде всего, объемистая рукописная тетрадь со стихами, фотографии из семейного альбома, пожелтевшие от времени газетные публикации. Есть тут и две справки из эвакогоспиталей о фронтовых ранениях отца в августе 1941 и в мае 1942 годов. Второе ранение «пулей в бою» оказалось тяжелым, и после года госпитальной жизни Пилипенко уже не мог вернуться к строевой службе.

Среди документов есть справка из архива Свердловского обкома КПСС о карьерном росте молодого фронтовика, начиная с 25 марта 1944 года по 15 марта 1948 года. Есть тут и справка о смерти Михаила Пилипенко от 14 августа 1957 года. В ней констатируется диагноз: «Кардиосклероз. Атероматоз аорты».

Михаил Пилипенко ушел из жизни, когда ему было 37 лет. В 2019 году — 100-летие со дня рождения поэта...

Тетрадь со стихами нашли только после смерти поэта. И до сей поры ее, по существу, никто не видел. В этих страницах, явно не предназначенных для чужих глаз, открывается очень горячая смятенная душа. Человек спорит с собой, где-то старается оправдать поступки других. Он здесь беспощаден к себе и очень осторожен, порой даже нежен с теми, кто принес ему немало бессонных ночей и сердечной боли. Видно, что он был открыт людям.

На страницах тетради есть стихи неожиданные, непохожие на то, что можно прочесть в сборниках этого поэта и в периодике. Хотя и опубликованное было совершенно искренним, в нем не проглядывалось ни тени угождения официальному курсу, показушно лозунговым призывам. Все шло от сознания нужности труда и новых свершений.

Он как никто имел право говорить о самых насущных общественных проблемах, потому что в силу своей профессии журналиста, газетчика находился на переднем крае борьбы за светлое будущее. Вернувшись с войны, молодой фронтовик, комсомолец сразу же нашел свое место в бурлящем потоке новых планов. Даже по сохранившейся обкомовской справке видно, как у него быстро набирался карьерный рост. От комитета комсомола Уралмашзавода до райкома и горкома. И уже в 1947 году он становится редактором областной молодежной газеты «На смену!». На этом посту Пилипенко оставался до 1957 года, до последнего дня жизни.

В эту тетрадь автор собрал все, что когда-то ему удавалось записать на каких-то клочках бумаги, в блокнотиках. Первые страницы заполнены акку-

Михаил Пилипенко. Снимок 1949 года

ратными ровными строчками — это лирика конца тридцатых — начала сороковых годов. Потом записи идут все торопливее, бывает, что одно и то же стихотворение переписано с поправками. В конце тетради идут поэтические зарисовки — навстречу героическим свершениям, о производственных рекордах — с неподдельным душевным теплом. Ничего удивительного, он же сам участвует в этой «кипучей буче»! Читать становится труднее... Много неразборчивых строк... Чувствуется, что у человека все больше не хватает времени.

Надо понимать работу журналиста, редактора — фактически он себе не принадлежит! Он должен сразу думать и о газете, и о людях, которые в ней работают. Умевший относиться к человеку и бережно, и требовательно, Пилипенко последовательно формировал редакционный штат. Он

Михаил Пилипенко. Предвоенная весна 1941 года

Ольга Евдокимовна Пилипенко, жена поэта

находил остро пишущих журналистов, интересовался их работой и приглашал к себе в газету.

В редакции закрепились сильные творческие кадры. Пришел молодой фронтовик Николай Долгов. Ему достался трудоемкий отдел писем. В соседних комнатах работали Анатолий Пудваль, Давид Лившиц, Инна Пешкова. Очень талантливым и надежным человеком была ответственный секретарь газеты Нина Датлова. Машинистка Людмила Штауб отличалась высокой грамотностью и порой сама предлагала корректурную правку. Кроме того, она была горячим участником всех событий насменовской жизни.

Надо сказать, многие из штата «молодежки» потом работали в журналах, на телевидении, на радио, издавали свои книги.

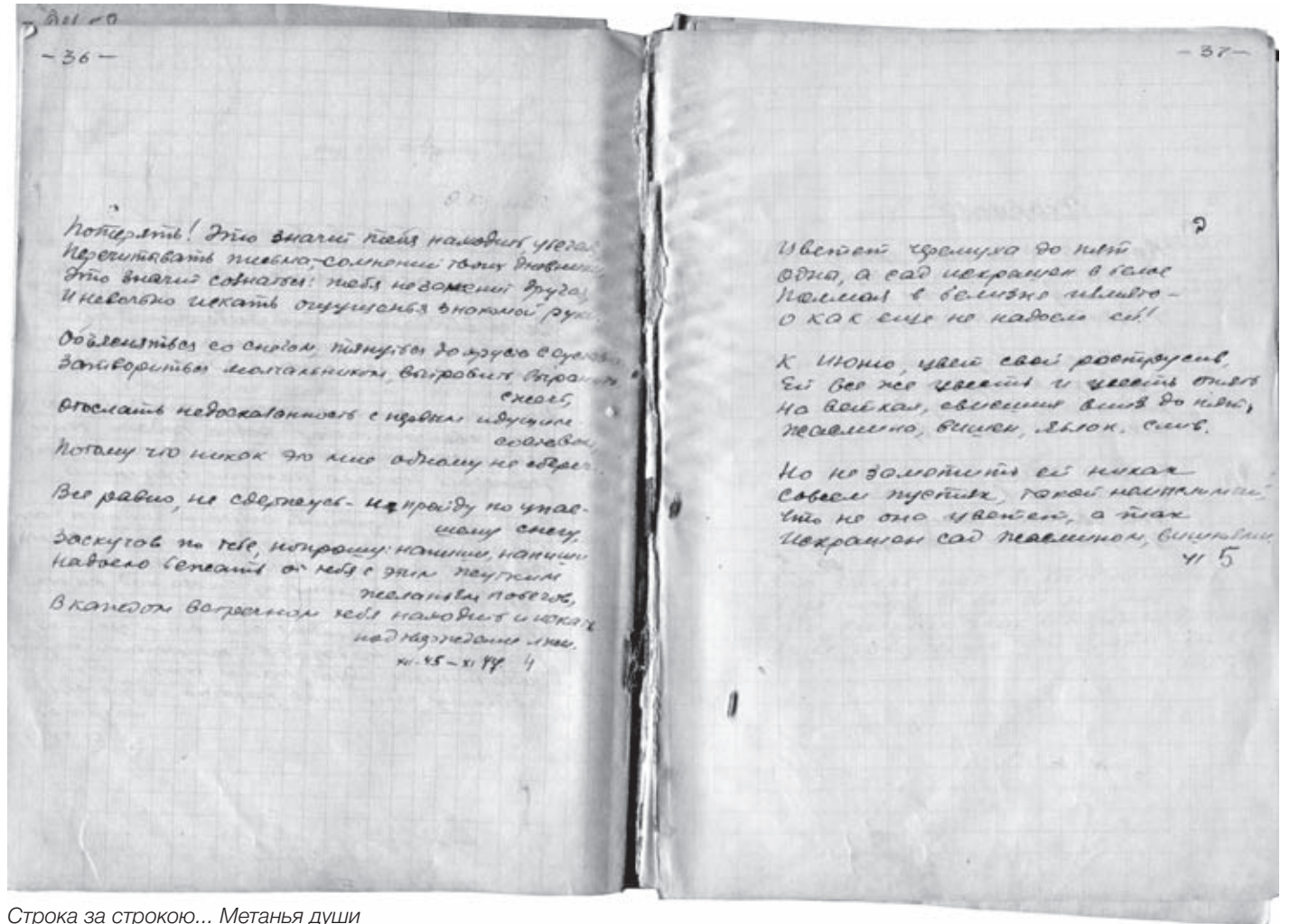
Отдельно хочется сказать о Викторе Баканове, спортивном репортере. Михаил Пилипенко пригласил его в газету, и Виктор поднял доверенный ему спортивный отдел на большую высоту и вскоре стал заведующим. Виктор умел быстро и глубоко ориентироваться в событиях, его репортажи отражали все свежее и интересное, поэтому читатели буквально ждали газету с подробностями. И теперь в знак памяти Виктора Баканова, этого влюбленного в спорт человека, в Екатеринбурге устраиваются юношеские спортивные турниры.

Спорт в годы советской эпохи был важным государственным делом. Им охотно увлекались семьями. И вся семья Пилипенко по выходным выбиралась на стадион «Авангард» (теперь «Уралмаш»).

Где бы ни появлялся Пилипенко, он был в центре компании. Ему доверяли, с ним советовались. При всей занятости он никогда не отмахивался от разговора, если кто-то на пути, буквально на лестничной площадке, останавливал его с вопросом. Смотрел протянутые ему страницы и тут же назначал время для беседы, иногда добавлял: «Приносите, если что-то еще у вас есть».

О дружеской атмосфере коллектива знали в городе. Видели, как насменовцы несколько лет встречали новогоднее торжество на площади им. 1905 года, под бой московских курантов разливали шампанское.

В общении с Михаилом Пилипенко невольно запоминались его подбадривающая улыбка и ясные, все понимающие глаза. И это располагало людей к откровенности и настраивало на хороший деловой лад. Он как будто сразу улавливал ядро темы, умело устанавливал связи с людьми на местах, где возникали какие-то проблемы. Как фронтовик, он имел высокую награду — орден Боевого Красного Знамени и медали. Но он не меньше гордился медалью «За освоение целины», которую получил за свою работу в газете именно на целинные темы.

Строка за строкою... Метанья души

Заряд этого человека имел большой запас. За десятилетие он вырастил «молодежку», и ей как бы немножко тесно стало в своих рамках. И уже где-то зарождалась идея дать ей достойный формат. Но сбылась эта задумка только через несколько лет, уже после ухода Пилипенко.

Лето 1957 года было необычайно теплым. Только что отшумел в Москве всемирный фестиваль молодежи и студентов, и чувствовался общий праздничный настрой. Свердловчане вернулись домой, а тут в газетах... некрологи о скоропостижной смерти Михаила Пилипенко. Это произошло 14 августа, после его последнего похода в обком партии. В июне-июле в обкомовских кабинетах разбиралось «личное» дело Михаила Пилипенко по доносу осведомителя, только это был добровольный донос после возникшего в редакции конфликта. Уведомлялось, что главный редактор

газеты состоит в переписке с женщиной. И хотя каких-либо порочащих аргументов представлено не было, факт есть факт — переписка была. Последовал вызов Ольги Евдокимовны, жены Пилипенко. Позже она рассказывала старшей дочери Валентине, что в обкоме она сразу отказалась отвечать на вопросы, потому что это личное дело и никого не касается.

Ольга Евдокимовна тоже обладала сильным характером. Комсомолка, фронтовичка, зенитчица, она имела награды — два ордена Боевого Красного Знамени, медали «За отвагу», «За освобождение Сталинграда». Имела ранения, но по излечении возвратилась в строй. Воевала в армии Лелюшенко. После освобождения Киева осталась там со своим расчетом, охраняя киевское небо. Вернувшись в Свердловск, тут же отправилась устраиваться на работу на Уралмашзавод. Там

Валентина Пилипенко. 1950 год. Вале 3 года

Аня Пилипенко с любимым папиным одеколоном

она и встретилась с Пилипенко. Он тоже после фронта пришел сюда в 10-й цех контрольным мастером, но уже через год был избран секретарем комитета комсомола завода.

Комсомол объединил судьбы этих двоих. А теперь им предстояло обороняться от обкомовских нападок.

Пилипенко продолжали прорабатывать, ему напоминали, что его высокая должность не допускает никаких пятен. Он в ответах был тверд и не принимал никаких обвинений. В конце концов от него отступились и, казалось, что все затихло. А тут 14 августа — снова вызов в обком.

После этого последнего визита на работу Пилипенко больше не вышел.

Валентина рассказывает: «Мне шел 11-й год, я стояла у гроба и почти не понимала, что происходит вокруг. Я неотрывно смотрела на значок, который был прикреплен к папиному пиджаку. Его приколот папин друг, дядя Коля Илларионов, вернувшийся из Москвы с Первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Значок сиял как маленький огонек, и мне казалось почему-то, что если я этот значок возьму себе, то как будто бы и папа останется со мной и всегда будет где-то близко. Папа умер в день рождения младшей дочери, моей сестренки Анны. Ей исполнилось тогда 5 лет... По вызову в обком отец собирался быстро и был взволнован. Обком не имел привычки заранее объяснять человеку, зачем его вызывают. Папа был готов к очередному бою. Но случилось совершенно неожиданное. Оказывается, что его вызвали, чтобы предложить организовать новую городскую газету «Вечерний Свердловск», то есть фактически разговор получился о повышении. Вот этот зигзаг и резкий перепад настроения наполнили его сразу свинцовой усталостью. Он все же пошел домой поздравить дочурку с пятилетием. Они сидели за праздничным столом, когда им позвонил папин друг Степан Петрович Лукин и настойчиво пригласил к себе. Родители собрались и пошли. Там, узнав цель вызова, дядя Степан заметил: «Стало быть, пошло на повышение, не грех и отметить». Отец сразу отказался, сославшись на то, что не очень хорошо себя чувствует. И тут оба они отправились на кухню покурить. Неожиданно отцу стало совсем плохо, вызвали скорую помощь. Его увезли в больницу. Но при всех стараниях там ему уже не могли ничем помочь. Как констатировали врачи, сердце остановилось».

Пилипенко уже готов был настроиться на новую задачу, но силы его остались там, где его измотали хождения по кабинетам, по коридорам власти. Как легко порой в этих коридорах убивалась душа человека, его деловой заряд и, в конце концов, жизнь! Его выкручивали и отжимали,

На снимках:

Коллектив редакции «На смену!»

Пилипенко дает автограф в кулуарах Съезда писателей СССР

После съезда фото на память у одной из столичных достопримечательностей. Царь-колокол — многовековой свидетель российской истории

Весной 1965 года при газете «На смену!» состоялось открытие литературного клуба имени Пилипенко, чтобы хоть как-то сохранить память о нем. Он долго притягивал пишущих, и у пилипенковцев выходили свои поэтические сборники. Но время неумолимо отдаляет события. Истинная сторона происшедшего так и оставалась неизвестной, а мутные слухи живы и поныне.

В преддверии столетия со дня рождения поэта находятся люди, которых больше всего интересуют детали доноса и его последствий: как, когда это все случилось, кто именно в этом замешан. Многолетняя завеса, за которой осталась правда, вполне могла обеспечить почву кривотолкам. И только теперь открывается истинная связь фактов.

Поэт, журналист, патриот Михаил Пилипенко был солдатом огромной армии молодых строителей коммунизма, живущих и работающих на износ. Эти люди верили в обещанное партией и правительством светлое будущее, только, мол, поднатужься, постарайся, себя не жалеючи. И действительно, массовый героизм многое сделал для Родины. Манящая близость победы собирала отряд за отрядом и гнала молодых на стройки века. Они никого не грузили своей усталостью. А порой просто сгорали на лету.

как белье в руках прачки. И оказывалось, что, в общем-то, никто не виноват. И выходило, как в старой присказке: всякое бывает...

Прямо вслед случившемуся возникли устойчивые, повторяющиеся на всех уровнях слухи: Пилипенко достали, он, мол, не выдержал, покончил с собой. И были люди, которые категорически не верили этому: Пилипенко и самоубийство несовместимы.

Москва. 1955 год. На съезде Союза писателей СССР

Михаил Пилипенко с коллегами. Справа Лев Румянцев — сотрудник «Уральского следопыта». 1956 год

МИХАИЛ ПИЛИПЕНКО

сердца суровая

нежность

Стихи из заветной тетради

ТВОЕ ПИСЬМО

(в землянке)

Почтальон поправил ушанку,
Сумку взял и шагнул за порог.
Подрывник на консервной банке
Немудреный зажег огонек.

Наша жизнь новостями богата,
Но на письма — сказать бы не смог.
Разреши мне прочесть ребятам
Все до строчки твое письмо.

Пододвинув скамейку ближе
И склонясь над письмом твоим,
Будут слушать, как будто пишешь
Эти строки не мне, а им.

Присмотрись: в посветлевших лицах
Можно радость мою разглядеть...
Над буржуйкой дымок клубится,
Начинает чайник кипеть.

февраль

Летят с ветвей грачи,
Весна придет — пойдут
По снегу и по льду
Разводами ручьи.

По вечерам у гнезд
С задором первых проб
Рассыплет в вечер дрозд
Весенних песен дробь.

И небо чешуей
Заблещет в желобах:
Уже землей, весной
Февральский снег пропах.

1939

Письма очень не скоро доходят с Урала,
Мне сегодня в землянке вручили твое —
Никогда ты дороже мне писем не слала,
Чем вот это, с засохшей уральской хвоей.

Если в нем между строчек тепла не хватало,
Если кончилось сухо и странно... прости.
Все равно ты сумела мне душу Урала
В самодельном конверте сюда донести.

Я засохшие иглы сложу на бумаге,
Размечаюсь, достану с махоркой кисет,
Где-то рядом со мною заплещет в овраге
Между сосен звенящих родная Исеть.

Беспокойное небо под вечер простынет,
Синевою ударит в озера, тогда
Под густеющей горечью терпкой полыни
В синеве отраженной утонет вода.

Беспокойные тропы потянутся в чащи,
В запах смол, к тайникам нетрвоженных глыб.
Я пройду по любой, по твоей, неспешащий,
Все равно все они ведь к тебе пролегли.

Пусть в последнем письме твоём нежности мало,
Все равно — будет нежным и теплым мое,
Потому что дороже ты писем не слала,
Чем вот это, с засохшей уральской хвоей.

соловей

Еще по ухабам тянулись танки,
И в выбитой ржи догорали цистерны,
Еще по дорогам походные кухни
Звенели немудрой солдатской посудой.

У сбитых заборов костры догорали,
Теплилась зола у сгоревших строений.
Синели стволы, как сентябрьские звезды,
Созревшие яблоки падали в травы, —

А в темном малиннике свистнул, защелкал,
На миг заглушая гуденье моторов,
К упавшим стволам, к изувеченным гнездам
Пришедший, как первый свидетель победы.

1944

жди

Сколько дней живем в лесу мы
Стуже с ветрами назло.
Далеко отсюда Сумы,
Там, наверное, тепло...
Возле Псла давно ромашки
Расцвели по берегам,
От нагретой белой каши,
Как в снегу, стоят луга.
Да и к нам по склонам скользким
Подошла с теплом весна:
Стала светлою березка,
Стала темною сосна.
Рекам срок пришел вскрываться —
Навести бы в срок мосты.
...Веришь: некогда собраться
Написать письмо, но ты
Не грусти, коль писем нету —
Не до писем. Жди — придут.
Треугольному конверту
Хорошо известен путь.
В зимний вечер, в полдень жаркий
Не задержится ничуть.
Путь его не только маркой —
Всей душою оплачу.

я не могу!

Его здесь нет. И быть не может.
Нас двое. Третьим места нет.
Ведь скоро солнце днем положит
Тень распашонки на стене.

Сын будет на меня похожим
От подбородка до виска,
Мой лоб, изгиб бровей — и все же
Я буду чьих-то черт искать...

Нас двое. Только двое! Двое!!
Все на двоих. Другим нельзя.
И счастье, все равно какое,
И горя редкая слеза.
Его здесь нет. И быть не может.
Я не могу! И все ж не раз
Ты блеском глаз и нервной дрожью
Мне говоришь: «Он среди нас!»

Потерять! Это значит тебя находить, убегая,
Перечитывать письма — сомнений твоих дневники,
Это значит сознаться: тебя не заменит другая,
И невольно искать ощущения знакомой руки.

Объясняться со снегом, тянуться до хруста в суставах,
Затвориться молчалиником, вытравить,
выронить, сжечь,
Отослать недосказанность с первым
идушим составом,
Потому что никак это мне одному не сберечь.

Все равно не сдержусь — но пройду по упавшему снегу,
Заскучав по тебе, попрошу: напиши, напиши!
Надоело бежать от тебя с этим жутким
желаньем побегов,
В каждом встречном тебя находить и искать
подтверждение лжи.

1945—1947

Дочке Валюше

Что-то снится тебе в этот час?
Неразлучная с плюшевым мишкой,
Ты, наверное, будешь для нас
Навсегда вот такую малышкой.

Но заметит нечаянно мать,
Потру поправляя подушки,

Что короткою стала кровать
И совсем запылились игрушки.

Не успеет она погрустить,
Что уходят года понемногу —
Чемоданы пора уложить,
Проводить и наставить в дорогу.

Ночь... Перрон... Уносящийся дым...
Паровоза глухая одышка...
Мы по письмам твоим скучным
Будем время считать, малышка.

Но однажды, улыбку тая,
Подойдешь, постучишь в окошко...
Кем ты будешь, родная моя,
Синеглазая русая крошка?

Вряд ли нынче ответишь нам.
Только, знаешь, не в этом дело —
Ты живи, чтоб своим друзьям,
Не краснея, в глаза смотрела.

1946

Пусть меж соседями рожденный
Ползет по кухне шепот склок,
Что от пришедшей похоронной
Еще полгода не прошло,

А у тебя порочно, грубо,
Как отречение от тоски,
Смеются ищущие губы
И без седин еще виски...

Послушай, если б я был мужем,
Что жизни не дожил в боях,
Я б так сказал бы: их не слушай,
Жизнь — всю бери, она — твоя!

1943

пуск электростанции

Сердце колотится звонче,
И все же глохнет в гуле.
Последний обход закончив,
Электрик застыл на стуле.

Мундштук папиросы искусан,
На блюде крупинки пепла,

Над головою русой
От дыма лампа ослепла.

Еще полчаса, пожалуй,
Друг другу не доверяя,
Парторг с дежурным по цеху
У пульта часы сверяют.

Легли на стрелки полгода,
Прошрое возвращая:
Погода и непогода,
Снежная, грозовая.

Ночи со сном коротким,
Два перекура на сутки
И обсуждения сводки —
Бурные пятиминутки.

Как тяжело было первым,
Прошедшим просекой узкой,
Но так не сдавали нервы,
Как нынче, за шаг до пуска.

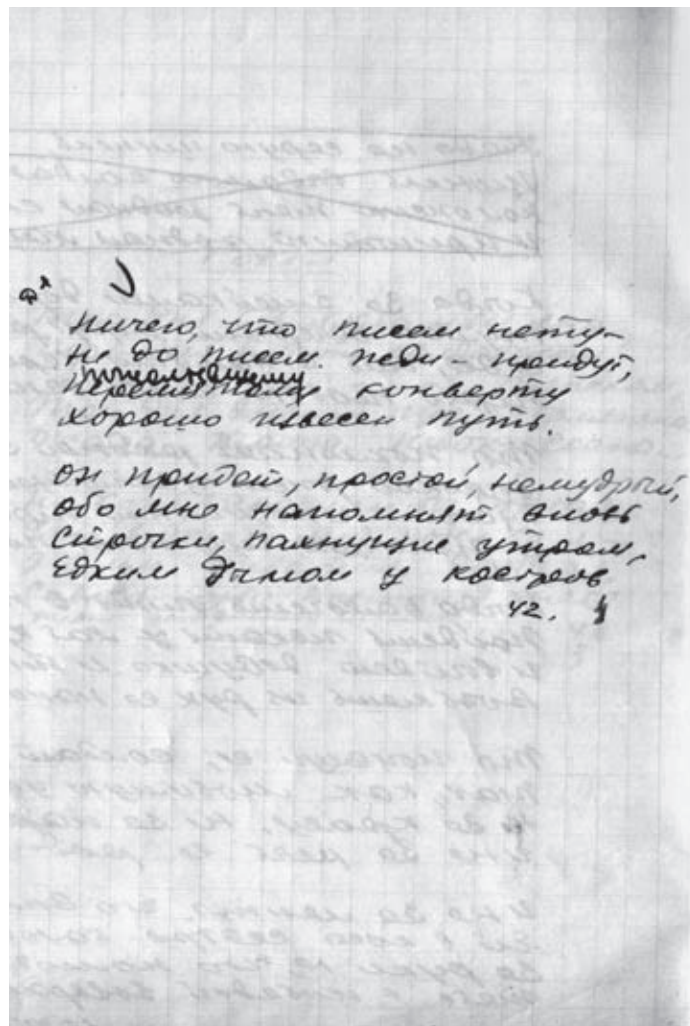
Ты вспомни, парторг: когда-то
Комбатом тебя называли,
Вот так же нервы комбата
За миг до атаки сдавали,
Но ты подымался без дрожи,
Вперед увлекая сильных...
И здесь ведь атака тоже...
Время включает рубильник.

1949

Так же дед уходил за рудой
Вместе с мартовской талой водой,
И отец с наступленьем весны
Доставал свой рюкзак со стены.
И вот так же дорога отца
Увлечет меня завтра в края
По заросшим крутым берегам,
Где еще не ступала нога,
Чуть заметной тропой между скал,
Где ни дед, ни отец не ступал.
Мне не скоро вернуться домой
И увидеться снова с тобой,
Но зато этот день, этот час
Будет вдвое дороже для нас.
Я тебе расскажу о тропе,
Что никак не пускала к тебе,
О путях, что идут без границ
В полыханьи июльских зарниц,
Тех, которые мерять верней
Только силой да волей людей...

Пригласи попрощаться друзей
И вино по стаканам разлей
Не за то, чтоб быстрее пройти,
А за силу и волю в пути.

1949

Эта тайная тетрадь убеждает, что главное — уметь ждать

Елена Минакова

недолговечность белого листа

В данное время живу в Екатеринбурге. По профессии журналист. С 2007 года — редактор журнала «Проталина». Несмотря и вопреки всевозможным трудностям, наш журнал получает высокие награды конкурса «Патриот России». Это во многом потому, что с нами всегда рядом преданные друзья и помощники, а помощники у нас и авторы, и наши безымянные спонсоры. Трудности продолжают нарастать, а мы продолжаем не сдаваться.

Встречи с талантливыми и бескорыстными людьми — поддержка наших помыслов и дальнейшей борьбы за журнал.

Эта была встреча, которая могла и не случиться. Мы вдвоем сидим за спонтанно накрытым столом, собираясь поговорить о самом-самом и хорошо погреться у маленькой ёлочки, любовно украшенной хозяином. На календаре пятый день Новогодья 2017-го, за окном крепкий мороз — вот по нему-то мы и бежали сюда с Колей, разжившись бутылочкой зубровки и экзотическим сибирским щёкуром.

Тут пора сказать, кто есть кто. Коля — это Николай Пискулин, человек весьма известный в культурной жизни Тюмени. Говоря без натяжки, это единственный высокий мастер в области полиграфического дизайна, который мог бы успешно работать и в столице, но самодостаточно проявляет талант в своем городе. Он член двух творческих союзов России — художников и дизайнеров, окончил Тюменское училище искусств, долгие годы преподавал в нем и продолжает работать в стенах родного здания. Но надо сказать, что нынче училище влилось в Тюменский государственный институт культуры и живет уже под вывеской института. На своем верном компьютере «Макинтош» Пискулин сотворил не один десяток книг и альбомов по искусству, признанных уникальными и отмеченных высокими наградами. Нас связывает многолетняя твор-

Художник поймал художника в объектив. Снимок Николая Макарова. Май 2018 года. Вячеслав Сизов опять что-то задумал

ческая дружба и нелегкая, но истая и полнокровная работа в нашем литературно-художественном журнале «Проталина». Это еще одна грань индивидуальности большого художника и даже в какой-то степени новаторства: создавать оригинальные макеты каждого выпуска.

Хозяин, откровенно обрадовавшийся нашему приходу, — Вячеслав Сизов, художник из поколения так называемых восьмидесятников, почти однокашник Николая по училищу искусств. На стыке конца 1980-х и начала 1990-х в стенах этого училища ярко проявила себя группа молодых художников-экспериментаторов, объявивших себя первопроходцами «Нового искусства Тюмени». В 1996 году был издан альбом с таким названием — альбом получил диплом I степени Всероссийского конкурса «Искусство книги». Молодые «ростки будущего», не угнетенные рамками «академизма», вдохновенно пробовали себя в самых разных областях современного дизайна. Дух новаторства объединял их, но со временем каждый пошел своим путем.

Сизов встретил нас в выдавшем виды свитере крупной вязки, что только добавляло ему колоритности. Высокий, плечистый, он по-детски был смущен и даже растерян, одно чувствовалось — он откровенно счастлив встречей.

Пока хозяин бегал на кухню и что-то добавлял на стол, можно было оглядеться. Квартира когда-то была явно тепло и по-семейному обжита, но это свершилось так давно, что сейчас любой предмет здесь выглядел пришельцем из далекого прошлого. Высокие потолки, на дверях — когда-то модные портьеры из бархата. Это одна из квартир элитного дома сталинской эпохи — подобные сооружения всегда стояли на главных улицах советских городов.

В интерьере жилища не было ничего, что бы говорило о художнической жизни мастера — ни одной его работы. В углу только репродукция поленовской картины «Заросший пруд». Где-то фотографии, где-то прикрепленные к стене гвоздиками новогодние карнавальные маски родом из душевных семидесятых — все это как-то зацепилось по случаю, да так и осталось.

К стулу с каким-то тряпьем притулились альт и виолончель, баритон медный духовой и балалайка. Они скромно свидетельствуют о музыкальных пристрастиях художника. А художник и не скрывает, что он меломан. Говорит об этом с удовольствием.

Как раз в альбоме «Новое искусство Тюмени» можно увидеть несколько ранних работ Сизова, в которых много музыки. Одну из «ранних» в смешанной технике он назвал коротко и ясно — «Джаз», выбрав в качестве натуры «старую училищную трубу», вернее, баритон. Труба вдохновляла. Труба звала, завораживала в удивительной игре с формами и объемом. Пойманная в квадраты полотна «модель» представляла каким-то морским чудовищем, выброшенным на сушу. В верхней части автор использовал земельную цветовую гамму. И вот уже зрителю представляется, как из горла чудо-

Творить застолье — это тоже творчество

трубы выбивается сочный огненный кадмий. В коллажных выплесках дышит водная стихия. И не важно, что работа эта родилась на основе задания — буквально прямо на уроке. Сотворилась мелодика джаза!

Еще одна работа Сизова называется «Холсты и трубы». Написана она маслом, и в ней уже целый оркестр «медных». Произведение это купил Тюменский государственный музей изобразительных искусств, оно вошло во многие каталоги.

Между тем стол был готов. К зубровке добавилась двухлитровый пластиковый «жбан» пива. Передо мной поставили «особенную» рюмку — чудом уцелевшую из ушедшего в небытие хрустального набора. Особенность этой рюмки в том, что она тоже служила «натурщицей» в одном из натюрмортов.

Разговор завязывался по-простому:

— Ой, Коля, — пожаловался Вячеслав, — после Нового года я еще только начал приходить в себя. С утра привез пива. У нас разливного-то нету в центре, понимаешь?

— Ну... — кивнул Коля.

— А пиво-то хорошее, — продолжил Вячеслав, — вот сейчас налью, попробуйте! Действительно, хорошее пиво.

«Улики» холостяцкой свободы

Художник в своей «кольчуге»

В хлопотном нетерпении даже объектив дрогнул

— Угу... — сказал Коля.

— Я, когда из дома вышел, удивился: погода-то не испортилась! По-зимнему прохладная, нормальная. Но не холода.

— Ну, ты даешь! — тут Коля возмутился. Он просто был поражен. — Я наоборот считаю.

— Я раньше тоже так считал, а потом вся эта слякоть надоела — ноги только ломать. Уж лучше зима...

Захотелось вмешаться, повернуть разговор в другое русло. Подумалось, художник мог бы показать свои картины.

Вячеслав решительно направился к письменному столу, подпирающему подоконник. В беспорядке, который называют творческим, возвышались кисти в банке, какие-то пузырьки, бутылка растворителя, и все это вперемишку со всякой бытовой всячиной.

— А-а, хотите посмотреть работы? — оживился Вячеслав. — Но они у меня не здесь, а в мастерской. А мастерская моя возле Цыплятника, если знаете (название бывшего кафе «Кристалл» — Е.М.). Здесь только старые фотографии картин, с которыми я вступал в Союз художников. Правда, меня на год просрочили, потому что я сначала отослал черно-белые снимки. Потом я не стал никого слушать, попросил фотографа, он сделал отличные цветные, и вот — приняли. А у меня ведь к тому времени уже был свой «багаж», потому что прошли выставки в Германии, одна работа побывала во Франции...

Вячеслав воодушевленно перебирал снимки. И тут на меня буквально заструился мягкий теплый свет, полились звонкие трели, распространились волнующие запахи. Так тонко и ненавязчиво мастер передает цвет, соединяет краски неяркие, но звучные.

Сизов владеет разными техниками. В ранние годы он активно пробовал себя во многих стилевых направлениях — в проектировании, в станковом искусстве, и небезуспешно. Все давалось ему вроде бы легко. В школе он учился на «круглые четверки». Легко поступил на рабфак Свердловского архитектурного института, потому что «симпатично чертил». Там быстро осознал, что «не архитектор, а немножечко разгильдяй», забрал документы и поступил уже на художественно-оформительское отделение в Тюменское училище искусств. Какие-то азы ремесла постигал на сувенирной фабрике, куда устроился резчиком по дереву еще до училища. С приходом во все сферы жизни понятия «дизайн» увлекся проектированием интерьера, плакатом. С интересом работал в молодежном театре «Экспромт». А еще Вячеслав 11 лет просидел с мольбертом в группе портретистов на тюменском «Арбате» (бывший «Горсад» — ныне «Цветной бульвар») и подхалтуривал «на заднике» во Дворце культуры «Нефтяник». И хотя старшие товарищи предупреждали его, чтобы не разбрасывался, он всегда был творчески самостоятелен, одержимо трудился, искал себя.

Еще во время студенчества его захватили импрессионисты, искусство рубежа веков, русский авангард.

Холсты и трубы

Теперь Вячеслав считает это время поисков в своей жизни счастливейшим.

— А вот и мои акварели... — сказал он со значением, тасуя снимки. — Наглая рыжая тыква и чайники (читаю на обороте: 1993 год — Е.М.) — одна из первых акварелей. Понимаете, я не знал, как мне все это расставить для натюрморта! Бац, бац, и вот... как у Машкова обычно, помните? Только у меня в руках — акварель, а у него было масло.

Илья Иванович Машков — один из лидеров-основателей художественной авангардной группы «Бубновый валет», участник сообщества «Мир искусства», признанный мастер натюрморта. Художники этого круга следовали программе «распространения современных понятий по вопросам изобразительных искусств», многое переосмыслили, не боялись дерзких экспериментов.

Сизов пробовал, искал, разочаровывался, прежде чем понял, что более всего его влечет чистая акварельная живопись.

— Мне нравится интересная натура... — пояснил он добродушно, почти кротко, по-детски, — и нравится акварель... Секрета тут нет: чтобы масляную работу сделать, надо холст сначала поставить, потом краски подготовить, потом еще ждать, когда подсохнут. А акварель — хоп, хоп, бумажку прикрепил и пошёл бобер. Главное, чтобы мазок был точен. Это не изучаемое творчество, не поддающееся анализу.

Дама в берете и купола Знаменской действующей

И тихо потекла беседа

У каждого своя тема

*И тут Николай Пискулин предложил:
«Зовите меня просто Вася...»*

церкви. Старая конфетница и грибной лес под Тугулымом, где художник бывал с мамой. Все это простое, будничное, материальное выплывало в «интересную натуру», даже если было написано мастихином на картоне или акварельными красками в технике «а-ля прима», что означает «в один присест».

— Певец... — тихо отозвался Коля, — непонятно, в каком веке живет человек... — и уже подтверже добавил, — ну, давайте к столу.

— Давайте, — живо подхватил Вячеслав, — рассаживайтесь, ребята, а то у нас пауза затянулась.

Я предложила тост:

— За встречу, которая могла бы не случиться.

Все с этим молча согласились.

Коля серьезно заметил:

— Последние из могикан — наш возраст, наше поколение... Ну, я-то хорошо — в производстве могу ориентироваться. А эти-то? Раньше у них заказы были на выставки. Они получали деньги за то, что выставлялись. А что сейчас?

— Да, — подтвердил Вячеслав, — не хочется особо веселиться. Немножко хочется так побыть...

Уже час, как мы гостили у Сизова, а всё еще были на «вы». Коля запротестовал:

— Да сколько можно?! Тебя как зовут? — сказал он в сторону Вячеслава.

— Вячеслав Николаевич, — послушно ответил тот.

— Ну вот. Это Лена Минакова. А меня можно называть просто «Вася»...

Вячеслав заулыбался. А мне все-таки хотелось побольше разузнать о жизни художника, уточнить какие-то биографические детали.

И вот что рассказал Вячеслав:

— Я мастерскую получил, когда мне уже было 45. Недавно предложили переехать на Кузнецова, там тоже есть мастерские, но 7-й этаж, а я не могу, у меня нога... Болячки то нападают, то отпадают — я от них даже не защищаюсь.

— Биография примерно как у всех, кто с 1959-го, — подытожил Коля, — послевоенные дети — это про нас. Росли — были молодые, и до сих пор все еще считаемся молодыми. А так-то нас обманули чуть-чуть. Раньше как было? Мне говорили: «Сейчас пока поработай, а станешь великим, и все тебе вернется». Я так и делал. Пахал-пахал, и вот настал Этот День. Мне сказали: иди ты туда и сюда. Не знаю, где вот Славка тусовался... где-то тусовались, как-то выживали...

Вячеслав примолк, задумался. И потихоньку стал вспоминать:

— Родился я в Ханты-Мансийске, поэтому могу просто сказать: мои родители — первопроходцы. Север весь излазили, первую нефть пустили. Отец — нефтяник, он с Большого Камня, мама — геолог, она из Белоруссии. Познакомилась здесь. Было нас у родителей трое братьев. Потом нам в Тюмени квартиру дали — сначала пятикомнатную, потом так сложилось, что переехали сюда. Отец так и не стал Героем Социалистического Труда, хотя

Яблоневый спас

знал, что представлен. Медаль ушла к другому. Отец мне это высказывал в тяжелые минуты. Он шел как труженик тыла, и президент ему высылал открытки...

Мне захотелось узнать имя этого человека. И я спросила:

— Как зовут отца?

— Николай Николаевич. У меня есть его портрет, слава Богу, успел ухватить... — Вячеслав вспоминал, и глаза его блестели. — Слезы наворачиваются, когда такое видишь. Я ему как-то предложил: «Пап, давай, я тебя нарисую!» И вот уже подрамник ставлю, тороплюсь, потому что я очень не люблю, когда время тянется: энергия-то уходит, талант уходит — потом собирай его! И я: «Быстрее, быстрее, быстрее!» Отец свою рубашечку надел, сел, сидит. И... столько непосредственности в его лице! Я даже растерялся: как рисовать, с чего начать? Понимаете меня? Говорю: «Пап, ну посвободнее как-нибудь сядь». А вот он сел, как перед фотографией. Застыл. И я н и ч е го не могу ему сказать, как повернуться — так или этак... Это ведь будет уже не то совсем. Нужна естественность, а я не могу найти ее. Отец напряжен, и я напряжен. Ну чё-то начал мазать... А он потом встал за мной и говорит: «Славка, неужели я такой красивый?» Ну чё-то добились все-таки.

— Здорово, что ухватил!

— Сумел-сумел немножко в этом состоянии что-то похожее написать, понимаете? Вот так.... — заключил Вячеслав.

На снимках:

Вячеслав Сизов на мастер-классе в
Тюменской художественной школе
им. А.П. Митинского

Сотворение натюрморта

Мы выдохнули и рассмеялись.

— Ребята, спасибо, что пришли и украсили мой дом, — сказал Вячеслав. Он размяг, расчувствовался.

Было хорошо, тепло, уютно, несмотря на погоду за окном. Там люттовал мороз. День в январе короток, клонился к вечеру.

— У меня все деньги на карточке, а карточка у Светы, — смущенно заметил Вячеслав, — там тысяч 30. Можно было бы хорошо посидеть...

Тут снова надо пояснить. Света — это бывшая жена художника и, по всей видимости, его муза, его вдохновительница. Это она — «Дама в берете». В другом произведении она разлихая дачница в цветастой цыганской юбке. Ухватил свою «натуру» художник и в образе булгаковской Маргариты, изобразив ее в обнимку с большим сибирским котом, любимцем семьи Сизовых. В свободной независимой позе явно видна женщина с характером. Даже кота она обнимает покровительственно, с оттенком какой-то мистической силы. Картину автор назвал «Кот Бегемот». В образе Бегемота позировал родной Марсик, который был тоже себе на уме, но все-таки оставался полной противоположностью известному зловещему персонажу. Марсик прожил 26 лет, хотя, как шутит Вячеслав, ему этого никто не заказывал.

— А дело было так, — объяснил Вячеслав, — Света затеяла какую-то уборку, косички наплела, шоркает. Я говорю: «Стой, выбрось тряпку, будем рисовать!» И вот она сидела потом с этим несговорчивым котом — она умела находить к нему какие-то пути.

Так родился образ Маргариты — подруги Мастера. Семьи не сложилось, но в дружбе этим двоим удалось сохранить добрые отношения. Они даже умудряются праздники вместе проводить.

— Нынешний Новый год я провел вместе с мужем моей жены, — поделился Вячеслав. — Света не может без меня. Я-то могу, а они оба не могут. Почему-то меня к себе подтягивают, хотя я во всем от них отнекиваюсь. Но — друг семьи! Как такое может быть?

Он искренне недоумевал. Но тут же с удовольствием провозгласил:

— Предлагаю тост: за женщин или за богему!

— Только не за богему, — возразила я.

— Ладно, — согласился Коля, — за женщин. Хотя я очень согласен.

Тут Вячеслав неожиданно признался:

— А все-таки хороший он, этот Новый год! Что-то он мне начинает нравиться.

Путь к себе у Сизова продолжается, несмотря ни на что. 2016 год, можно сказать, стал для его творчества переломным. Об этом свидетельствует целая серия акварелей — «Яблоневого цвет», «Ломтик дыни», «Шиповник», «Красные яблоки», «Летающий апельсин», «Весенняя фиолетовая сирень», которые автор называет «почеркушками», а на самом деле в них он проявляют себя как тонкий мастер цвета, наполнен-

ного символиккой. Здесь тоже много музыки, аллегорий и оригинальных пространственных решений.

Надо заметить, что вольный художник работает, не имея постоянной зарплаты. Все финансовые поступления в его карман идут от частных продаж — как правило, в художественном салоне или, на удачу, от рекламы на выставках. Его, конечно, радует, что покупают, но радости эти не так часты, к сожалению. И работы, по существу, разлетаются по случаю — и дальнейшая их судьба неясная, в какие руки они попадают?

— Свободным может быть только тот, кто может быть свободным, — веско изрек Вячеслав.

Коля кивнул. И тут же добавил как бы уже про себя:

— Тут прикол в чем? Тебя никто не заставляет, а ты пашешь. Шизофрения...

Пора было расходиться, а у меня еще не кончились вопросы. Нельзя было их не задать.

— Вячеслав, что бы ты убрал из своей жизни?

— Убрал? — переспросил он изумленно. Но тут же посерьезнел и раздумчиво произнес. — Вот у меня парашют есть, его бы я не убрал. Я прыгал с самолетов АН-2, Ил-76, 37 прыжков у меня. Что с этим сравнится? Вот ты посмотрел на землю с высоты птичьего полета и убедился, что все нормально и дальше жить можно.

— Слава служил десантником, — пояснил Коля.

— А чего бы хотел для себя?

— Если говорить о том, чтобы набираться какого-то опыта — то это глупо. Мне, наоборот, хочется вдариться во что-то такое, в чем еще надо разобраться, своей башкой подумать — так это или не так. Прежде чем на небеса — надо еще здесь что-то подправить, среди людей. Хотя людей я не люблю, в большинстве своем. Мне кажется, и они меня не любят. Я просто на этом не закикливаюсь, просто хожу, куда мне надо.

— И куда же прокладываются чаще всего твои маршруты?

— Хочется идти вперед, но голова все равно поворачивается.

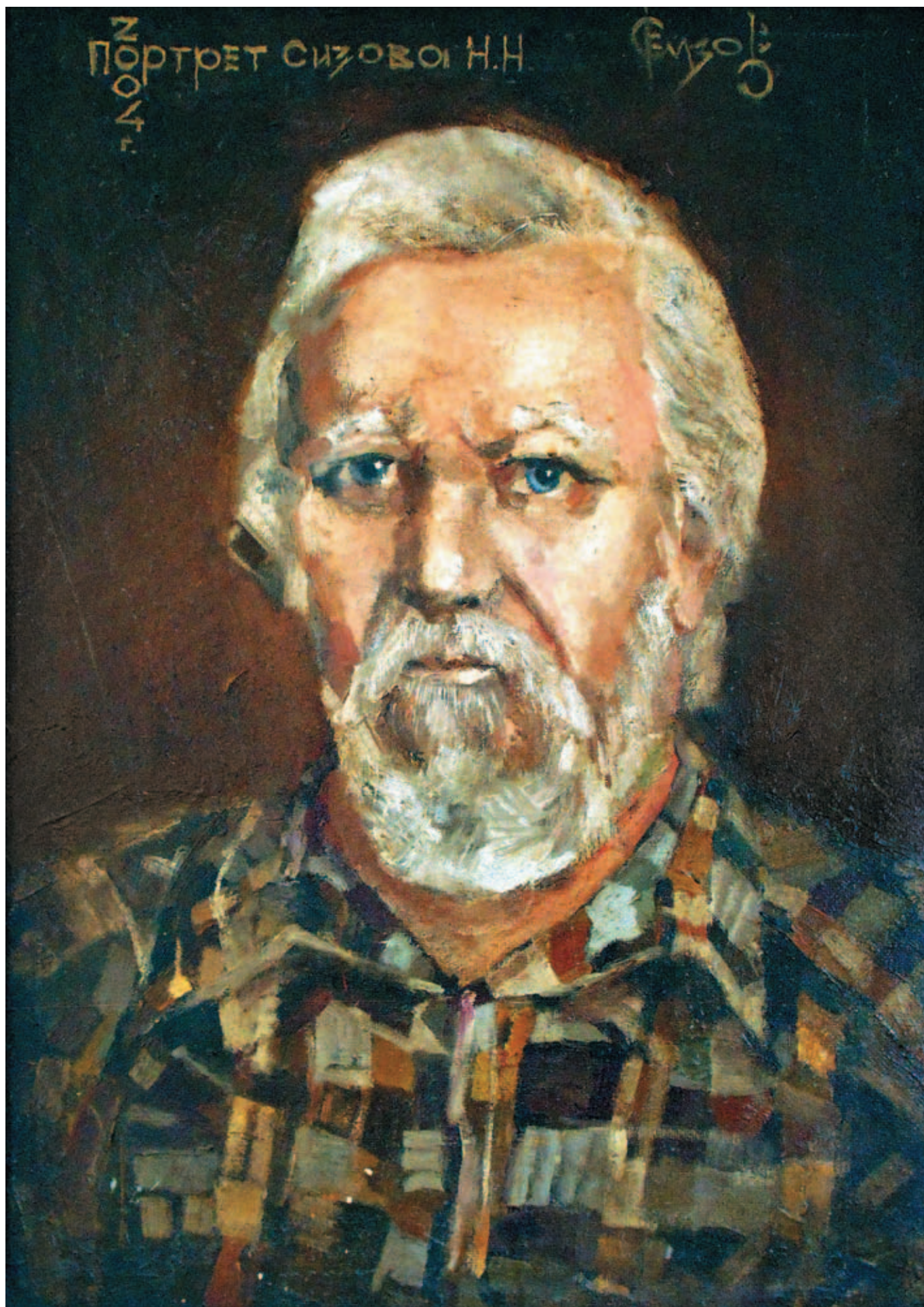
— Назад в прошлое?

— Нет, я бы сказал, в настоящее. Бывает, воспоминания разочаровывают больше, чем сейчас происходящее. Я бы иногда хотел отрешиться, просто пройти по городу, подумать. Бывает, приходит интересная мысль, а неизвестно, донесу я ее или не донесу?

— Тогда скажи, что такое для тебя радость?

— Радость? — вскинулся Вячеслав. — Радость я бы ассоциировал со словом победа — Виктория. Это может быть и маленькая радость, но она все равно имеет ценность, потому что мы очень от всего зависимы. Вот лежит лист — и это тоже радость, потому что на него ты можешь что-то нанести.

...Невольно подумалось, что только художник может увидеть обыкновенный чистый лист как новую возможность сделать мир хоть немного теплее и радостнее. В этом и есть его победа.

Первопроходец. Портрет отца

☛ **вячеслав сизов (вернисаж)**

Джаз

Знаменка

Ломтик дыни

Весенняя фиолетовая сирень

🎻 николай пискулин (вернисаж)

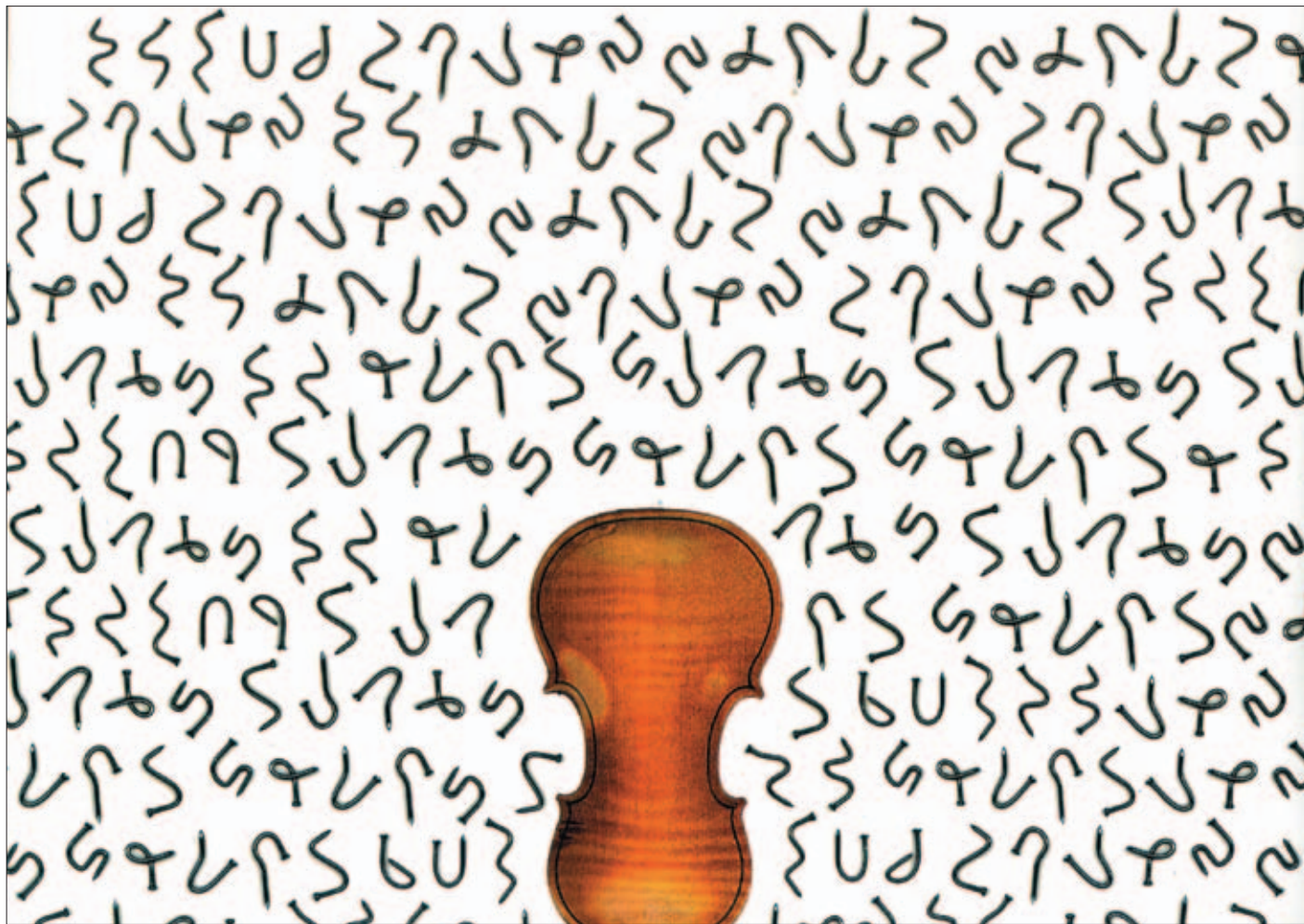
побег оторванных струн

Эти работы Николая Пискулина трудно привязать к какому-то жанру.

Это зашифрованные высказывания потаенных движений души. Очень сдержанно выражен

трагизм в легких, как бы случайных знаках. «Ключом» к тексту являются авторские названия.

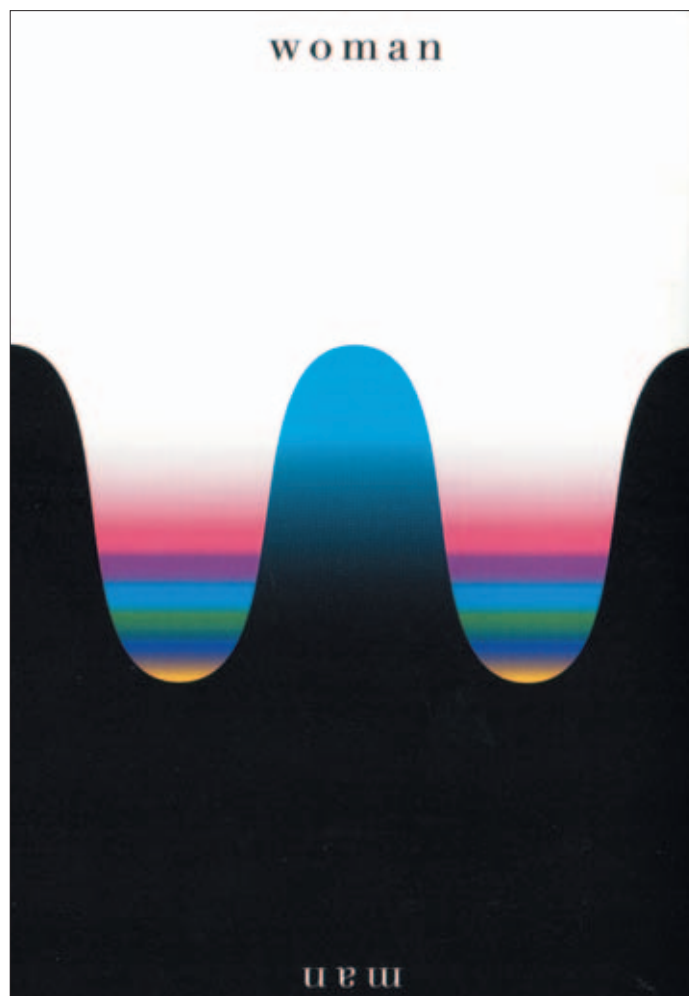
«Экология №1» — фигура опрокинутого музыкального инструмента, застывшего в искромсанном пространстве. «M&W» — предтеча встречи.

«Экология №1»

«M&W»

его проводили первые листочки

КАК НЕОЦЕНИМО ДОРОГА СЕГОДНЯ ТА ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА, КОГДА В ПРОСТОЙ БЕСЕДЕ ВОЗНИКЛА ТЕМА ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ И ХРУПКОГО МИРА ХУДОЖНИКА. БЕСЕДА СОСТОЯЛАСЬ В ЯНВАРЕ 2017 ГОДА В ДОМЕ У ХУДОЖНИКА ВЯЧЕСЛАВА СИЗОВА, КУДА МЫ ПРИШЛИ С НИКОЛАЕМ ПИСКУЛИНЫМ. ВСЁ ТОГДА СКАЗАННОЕ ЛЕГЛО НА СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА, КОТОРЫЙ ВЫХОДИТ В СВЕТ ТОЛЬКО СЕЙЧАС, СПУСТЯ ПОЧТИ ПОЛТОРА ГОДА. НАЗВАНИЕ МАТЕРИАЛА «НЕДОЛГОВЕЧНОСТЬ БЕЛОГО ЛИСТА» ЗВУЧИТ ТЕПЕРЬ ПРОРОЧЕСКИ.

Временной разрыв не был случайным. На исходе той затяжной холодной зимы Николай Пискулин попал в больницу с острыми приступами боли. Вся весна прошла в поисках выхода из недуга. В июне Коля попросил о встрече. И она состоялась уже в его мастерской.

Поразило его осунувшееся лицо. Но сильнее потрясло его мужественное деловое заявление, что дальше верстать журнал он не сможет. Он спокойно добавил, что надо искать замену, потому что, как известно, незаменимых нет.

И тут пошли наши дни, полные тревоги и надежды, в которых мы чувствовали себя совершенно беспомощными и не могли четко настроиться. К нам шли рукописи. Подписчики ждали следующего номера, а его не было. И обернулся 2017 год для нас тягостным молчанием.

Всё это время Николай Пискулин неотступно боролся со своим недугом. Были проблески улучшения, и тут же крепла надежда. Он не был одинок, ему помогали взрослые сыновья, его близкие, его коллеги по работе. Осенью он даже приехал в Екатеринбург на Международный смотр-конкурс выпускных квалификационных работ по архитектуре, дизайну и искусству. Сказал, что многое переосмыслил и в какой-то мере, как буддист, решил воспринимать жизнь такой, какова она есть. Но он был потрясен выводом своих размышлений: «В омуте болезни не может тебя спасти ничего — ни деньги, ни авторитет твой, а помогает только личная дружба с врачами». Думается, что именно это

обстоятельство — помощь друзей-врачей, продлило его жизнь.

17 мая 2018 года Николая Пискулина не стало. Он с первого номера, в течение 10 лет, был бессменным художественным редактором «Проталины». Это он стал автором макета — журнал обрел свое лицо. Незабываемы моменты, когда мы пересылали по Интернету страницу за страницей, обсуждая верстку. Работа над журналом у нас всегда шла одновременно в двух городах: в Екатеринбурге мы собираем материал и осуществляем выпуск, а в Тюмени «Проталина» версталась. Выдающийся мастер в области полиграфического дизайна, он еще удивлял своей бескорыстностью. Журнал он делал по вдохновению и велению сердца, а когда редакция получила первый и совсем небольшой грант и решила хотя бы символически вознаградить своего художника, он категорически отказался и тогда же почти в шутку, но резонно заметил: «Знаешь, я такой художник — или стою очень дорого, или делаю что-то совершенно бесплатно».

20 мая в Тюмени столбик термометра аномально подпрыгнул до 29 градусов — после всех этих неуютных, промозглых месяцев весны. В ритуальном зале Областной клинической больницы № 1 в скорбном молчании собрались люди — почти весь цвет тюменской культуры, зал просто не вместил пришедших. Здесь были художники, дизайнеры, актеры и его последователи-ученики, и это явилось живым свидетельством того, как много сделал скромный безблудный труженик, аскет Николай Пискулин для своего города и для искусства. Многие годы он жил один прямо в мастерской, иногда в шутку замечая, что художнику не стоит жениться. В нашей дружеской беседе в доме у Вячеслава Сизова Николай принялся размышлять: «Это ведь еще в Древней Греции придумали запрет на брак. Если тебя признавали, что ты художник, то всё. Людям искусства могли платить, но вступать в брак им запрещалось. Они потому только и придумали театр, литературу, скульптуру, живопись, что были освобождены». Помню, еще добавил: «Что может быть лучше для богемы? Ничего! Проснулся — твори...» Это, конечно, звучало

*Николай Пискулин — бессменный художественный редактор, автор макета «Проталины».
Грустинка в глазах — от глубокого проникновения в судьбы мирские*

немного иронично, ведь он отец двоих сыновей, и земные заботы ему были не чужды.

Удивительно, что именно в этот день в Тюмени раскрылись листочки на ветвях, и все деревья стали отливать зеленым светом. Но вечером небо снова потемнело, налетевший ураган рвал кровли, ломал деревья, поднимал и переворачивал рекламные баннеры. Николай никогда не любил никаких тусовок и

шумных застолий, и это невольно стало его строгим заветом — не устраивать поминок.

Всё сбылось. Кремация состоялась 21 мая в 14.00 в Екатеринбурге.

Николаю Пискулину было 58 лет.

Елена Минакова-Чернова,
главный редактор журнала «Проталина»

Мы благодарны судьбе, подарившей нам встречу с большим мастером и настоящим другом нашего журнала.

♣ лев григорян

эффект савраски

ЭТОТ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ МЫ ПОЛУЧИЛИ, КАК ВСЕГДА, НЕОЖИДАННО — ФАНТАСТИКА, КАК ИЗВЕСТНО, ДОВОЛЬНО РЕДКИЙ ЖАНР. В НЕМ НА ФОНЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СОВЕРШЕННО РЕАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВОЗНИКАЕТ ПРОРЫВ В ИНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИР, ГДЕ ВСЕ ЗАВЯЗАНО НА ТЕХ ЖЕ САМЫХ РЕАЛИЯХ. ВРОДЕ БЫ — ЧУДО, А ВРОДЕ БЫ И ПРАВДА...

Лев Григорян пишет рассказы, сказки, стихи. Публиковался в журналах «Дарьял», «Веси», «Огни Кузбасса», «Молоко», «Наша улица», альманахах «Атланты», «Подсолнушек», «Восхождение», «Новый Континент», сборниках издательства «Бёркхаус» и других. Его сказка «Белая лошадь» вошла в лонг-лист конкурса «Короткое детское произведение—2016 (осень)» издательства «Настя и Никита».

И вот выдержки из его письма в редакцию:

«О журнале «Проталина» я много читал в интернете, о нем очень тепло отзывались на разных сайтах. Потом уже ознакомился и с материалами самого журнала. Порадовала разносторонняя тематика «Проталины» — на страницах журнала нашлось место и произведениям реалистического жанра, и поэзии, и фантастике, и детскому творчеству.

Что сказать о себе... Родился в Москве в 1980 году. Окончил лингвистический факультет Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Работал переводчиком с итальянского языка. В настоящее время — сотрудник Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ РАН). Кандидат наук. Публиковаться в журналах начал в 2015 году».

Предлагаем вниманию читателя высланный нам рассказ.

Той ночью меня терзала бессонница. Я ворочался с боку на бок, пересчитал целое стадо овец и дюжину баранов в придачу, а потом встал и решил прогуляться. Всё равно до утра не засну.

Слишком много я выпил вечером кофе. Я всегда пью кофе, когда сажусь за очередную статью. Ведь в чем моя беда? Я не умею писать кратко. Вот и сейчас. «Реформа исторической науки в XX веке» — ну самая моя тема. Я по ней могу вот такенный кирпич накалять, страниц эдак в пятьсот. А уложиться надо в пятнадцать. Иначе журнал не примет. Тут уж, хочешь не хочешь, нужна ясная голова, умение выбросить лишнее. И кофе в таком деле первейший помощник.

На улице было свежо. Ветерок волочил по асфальту опавшие листья. Я поднял воротник пальто.

Кстати, о кофе. Хорошо бы зайти в круглосуточный магазин, пополнить запасы. Не то увязну я завтра в эпохе Луначарского, чувствует мое сердце.

В свете фонарей пустынная улица казалась какой-то чужой. На углу Гарибальди и Профсоюзной я остановился: светофор горел красным глазом. Что ж, подожду. Машин нет, пешеходов в третьем часу тоже не сыщешь (я один тут такой), но на красный свет я не хожу принципиально. Я человек законопослушный. Исторiku по-другому нельзя.

Я столько лет занимаюсь историей, что давно уже понял: все события в мире подчиняются непреложным законам общественного развития. Революции, войны, реформы — всё приходит в свой срок. Свергнут где-нибудь монархию раньше времени, а глядишь, лет через двадцать снова король на троне. Глупо спорить с законами.

Светофор мигнул зеленым, и я шагнул на зебру.

Что случилось дальше, я даже не понял.

Скрежет, визг, громыханье, топот — а я почему-то лежу прямо на земле, вперив взор в звезду Бетельгейзе. И затылок трещит так, словно по нему сковородкой ударили.

Я поморгал, не решаясь проверить, целы ли руки-ноги. И тут надо мной склонилось лицо: девушка лет десяти. Веснушчатая, рыжая, в глазах любопытство.

Спрашивает:

— Вы живы, дяденька?

— Сам, — говорю, — тем же вопросом задаюсь.

Но раз уж мыслю, стало быть, существую.

Сел я, не без некоторого труда. Огляделся по сторонам — и присвистнул. Было чему подивиться. Прямо посреди проезжей части стояла повозка, запряженная двумя лошадьми. Лошади, в наше-то время, в огромном городе! Чепуха какая!

А сама повозка? Не телега, не карета, а что-то вроде огромной деревянной бочки, опрокинутой набок.

Бочка, диаметром метра два, была насажена на толстую горизонтальную ось, к которой крепились лошадиные оглобли.

Сами лошади — одна бледно-рыжая, другая черна как смоль — переминались на месте, пугливо озираясь. Явно чувствовали себя не в своей тарелке. Бока их тяжело вздымались, как бывает после быстрой скачки.

С нарастающим недоумением я встал на ноги, машинально отряхнул пальто. Откуда здесь эти лошади? Может, загуляли прогулочные лошадки из Воронцовского парка, что катают детей по осенним дорожкам? Но парк далеко, да и лошади в нем ухоженные, чистенькие, а эти... Словно только что из деревни, где за ними присмотреть толком некому. Растрепанная грива, ребра торчат, бока все в репейнике. Еще эта нелепая бочка сзади...

Мелькнула мысль: быть может, здесь снимают кино? Но эту догадку я сразу отверг. Какое кино среди ночи? И где съемочная бригада? Режиссер, оператор, массовка?

Но главное, я был уверен: повозка возникла внезапно, буквально из ниоткуда. Ведь сознания я не терял, без памяти не валялся. А потому готов был поклясться честью историка и вдобавок своей диссертацией: еще минуту назад повозки и близко здесь не было, дорога была совершенно пуста.

— Дяденька, вы только не сердчайте... Это вас Савраска немножко зашиб. Но он не нарочно, — обнадежил меня звонкий голосок.

Я обернулся к девочке. И лишь теперь разглядел, что одета она тоже необычно. Белый ситцевый сарафан с оборками, перепоясанный красной ленточкой, на ногах плетеные лапти. Голову покрывает сбившаяся косынка, из-под которой видны вихрастые рыжие волосы. Рукой за уздечку держится.

— Ты откуда такая взялась? — строго спросил я.

— С господского двора, — бойко ответила незнакомка. — От дядьки Акинфия утекла.

Я ничего не понимал.

— Как звать-то тебя?

— Монтифеева я... — сказала девочка. Потом, видно, решив, что мне можно доверять, добавила: — Ульянка.

— Тимофеева? — переспросил я.

— Монтифеева, — терпеливо повторила девочка. — У нас полсела Монтифеевых.

— Село, говоришь? А здесь-то ты как очутилась? — я широким жестом обвел высотные дома, тонувшие в ночной полутьме по обеим сторонам магистрали.

Никак не представлялась картина какого-то

села, когда вокруг раскинулся мегаполис, живущий своей жизнью.

Ульянка вздохнула:

— Так это вот что ли и есть *будущее*?

— Ну что за выдумки! — рассердился я. — Какое будущее?

— Да вот это всё, — девочка беспечно кивнула в сторону огромного торгового центра. — Здесь выпас был.

Девчушка с любопытством озиралась.

— Тут вот выпас через дорогу. А во-он там, — она указала пальцем вдаль, — дядьки Акинфия изба.

Она на мгновение задумалась, совсем по-детски сунула палец в рот и спросила:

— Дяденька, а какой теперь тут год?

«Тяжелый случай», — подумал я, но не ответить не мог:

— Год две тысячи семнадцатый, и ты прекрасно это знаешь.

Девчонка моргнула, а затем бросила уважительный взгляд на рыжеватую лошадь — должно, это и был ее Савраска.

— Ульяна, — сказал я серьезно. — Ты, можно сказать, взрослый человек. Уже, небось, пятиклассница. Изучаешь историю и всякие прочие науки. Так я тебе как историк скажу: из прошлого в будущее нет короткой дороги. История развивается постепенно, шаг за шагом, и поступь ее нетороплива. А все эти сказки про машину времени, которых ты начиталась, — обычный обман, игра, развлечение для неокрепших умов. Наука говорит однозначно (и физика тут согласна с историей): машины времени нет и быть не может.

— Ну а это, по-вашему, что? — Ульяна похлопала Савраску по боку и снисходительно мне улыбнулась, словно я был не я, а какой-нибудь деревенский дурачок.

— Это — лошадь, — доходчиво сказал я. — *Эквус ферус caballus*. Обычная лошадиная пара, впряженная в какую-то бочку по прихоти неизвестного мне сумасброда.

Я подошел к бочке.

И тут только увидел большие корявые буквы, выведенные углем по днищу (или то была крышка?): «Машина времени осьмикопытная». И в скобках: «Мощью вь две лошединых силы».

Я захлопал глазами. Как историк, я привык доверять письменным документам, особенно с ерами и ятями.

— То-то же, — сказала Ульянка, заметив мое замешательство. — Это дядьки Акинфия работа. Только у него машина не ездила, а у меня пошла. Савраска ведь только меня признает.

— Да кто такой этот дядька Акинфий?! — я готов был взвыть, поскольку происходящее не укладывалось у меня в голове. Я всегда хочу взвыть, если жизнь нарушает привычные рамки.

— Опекун мой, — пояснила Ульянка. — Он наш сельский механикус. Такие вещи порой мастерит — прямо диву даешься. Но уж я к нему не вернусь. Он меня палкой взгреть обещал.

— За что? — тупо спросил я.

— Да я ему в самогон плеснула веселухи. Он кручинился шибко, что махина его не слушается: кони ржут, бьют копытами, ушами прядут, а в будущее скакать ни в какую. Ну, я и добавила веселухи, лишь бы не горевал. Увидев это, дядька взъярился, что я испортила ему самогон, да как кинется за мной — еле удрать успела. На Савраску вскочила, и дёру.

— Так ты хочешь сказать, что эта вот колымага, нарушая законы физики, химии, истории и так далее, к нам примчалась из прошлого? — я уже не знал чему верить.

В этот миг на пустынном шоссе показался автомобиль с включенными фарами. Лошади вздрогнули. К счастью, водитель успел сбавить ход, иначе так и врезался бы в застрявшую посреди дороги бочку, то бишь «*махину времени*». Останавливаться водитель не стал и, дав раздраженный гудок, вскоре скрылся во тьме.

Звук сигнала заметно всполошил мою собеседницу. В один миг она взлетела на спину Савраски — и как ей только это удалось, при совсем невеликом росточке?

— Нужно уйти с проезжей части, — запоздало сообразил я. — Видишь, какое тут движение?

— Да уж, в нашем селе так не ездят, — фыркнула Ульянка, успокаиваясь и подбирая поводья. Теперь она смотрела на меня сверху вниз. Вторая лошадь переступила с ноги на ногу.

А я тем временем лихорадочно соображал, вспоминая известные мне законы, доказывавшие невозможность путешествий во времени. Но всё спуталось у меня в голове — видно, кончилось действие кофе. Я лишь чувствовал, что сейчас прикоснусь к неизведанным тайнам природы.

— Скажи, — спросил я тогда Ульянку, и голос мой задрожал. — Вот эта ваша махина... В чем ее принцип действия?

— Чего-чего? — девчонка непонимающе заморгала. — Принц, вы сказали?

— Ну, как всё это работает? — взмолился я. — Как оно ездит сквозь время?

— А... — Ульянка повеселела. — Да проще простого. Глядите!

Она хлопнула Савраску по холке, воскликнула «Нно!», лошади разом рванулись вперед, бочка туго сдвинулась с места — и в тот же миг всё исчезло...

Я остался один.

Один, на пешеходном переходе, на углу Гарибальди и Профсоюзной.

Сердце мое бешено билось. Голова сама собой крутилась по сторонам, словно я ей был не хозяин.

Впрочем, все было тщетно. Ульянка, Савраска, повозка с неповоротливой бочкой — всё как сквозь землю провалилось.

— Ульянка! — позвал я, уже зная, что ответа не будет. — Ульянка!

Постоял еще на прохладном ветру, а затем побрел потихоньку домой.

В мыслях моих царил полный сумбур. Что это было? Сон или явь? Умопомрачение, галлюцинация? Или и впрямь меня посетила гостья из прошлого? Одно я знал точно: это была самая странная ночь в моей жизни. Больше такое не повторится.

Увы, я тогда не догадывался, что утро готовит мне куда более странный сюрприз.

В свете фонарей я добрался до подъезда. Почему-то мне показалось, что тени деревьев во дворе стали длиннее, но в ту минуту я не придал этому значения.

На часах было без четверти четыре, а встреча с неведомым так меня измотала, что я сразу повалился в постель и заснул как убитый.

Наутро я уже решил было, что ночное приключение привиделось мне во сне. Хорошенько умывшись, я сварил себе кофе: пора было браться за статью. Пожурив себя, что так и не зашел в магазин (кофе в баночке оставалось максимум на две чашки), я взял с полки справочник — надо было уточнить кой-какие цифры насчет реформы науки.

И обомлел.

Справочник показался мне чужим. Во-первых, был он раза в два тоньше своего обычного объема. Во-вторых, текст на его страницах был напечатан на странной, чуть голубоватой бумаге очень хорошего качества. В-третьих, — и это испугало меня больше всего — я не обнаружил в нем заметки о Луначарском, эпоху которого мне как раз предстояло описать в статье. А ведь я совершенно точно знал, что Луначарский в справочнике был.

Предчувствуя недоброе, я перелистал книгу от первой до последней страницы. И чем дальше я листал, тем страшнее мне становилось. Холодный пот выступил у меня на лбу, задрожали руки. Мне вдруг стало ясно...

Это не справочник был другой. Это была другая история. Весь двадцатый век, великий и страшный, пошел по-иному пути. Не было знакомых мне имен исторических и государственных деятелей, не было знаменитых полководцев. Не было известных каждому войн — ни гражданской, ни Великой Отечественной, ни вообще Второй мировой. Первая мировая, правда, была, но без номера. Судя по всему, она так и осталась единственной.

Заглянув в другие книги, я выяснил, что исчезла на моей полке не только известная мне история, но и литература. Последним знакомым мне автором оказался Лев Толстой. Причем говорилось, что прожил он до 1924 года и успел написать еще пару крупных романов, отражающих уже иное время.

Я открыл Интернет, зашел в википедию и узнал, что живу, оказывается, не в привычной мне Российской Федерации, а во Всероссийской конфедеративной республике, государстве с населением шестьсот миллионов человек.

И наконец, я выглянул в окно и своими глазами удостоверился: даже наш двор смотрелся иным. Дома стали выше, красивее: вместо привычных восьмизэтажных коробок в высоту уходили небоскребы с куполами и башенками. Во дворе больше зелени, настоящие сосны, бассейн под открытым небом.

Я со стоном захлопнул окно и тяжело опустился на диван. Все это означало только одно. Дело всей моей жизни сгинуло. История, которой я посвятил двадцать лет, в одночасье исчезла. Я сделался профнепригоден. И это была катастрофа.

Но как же так получилось?

...Не понимая, не осознавая времени, я рылся в поисках хоть какого-нибудь ответа на своей полке, передвигая уже почти незнакомые книги. И вдруг в руках моих оказалась кулинарная книга. Она была толстенная, с большими цветными картинками, где каждый рецепт снабжался исторической справкой.

Из этой-то книги я и узнал, что больше ста лет назад по стране, а затем и по всему миру распространился новый напиток — настойка веселухи, благотворная при многих недугах, поднимающая настроение и совершенно безвредная, несмотря на высокое содержание алкоголя. В России эта настойка полностью вытеснила водку и другие крепкие напитки, что привело к улучшению общественных нравов.

А изобретателем чудо-настойки значился известный дотоле сельский механикус Акинфий Монтифеев. Согласно легенде, Монтифеев был так огорчен неудачей очередного своего «научного» опыта, при котором бесследно сгинули две его лучшие лошади и племянница, что ушел в многодневный запой. При этом изобретательный механикус то ли что-то напутал в рецептуре, то ли нарочно добавил в самогон веселухи — и получил тот самый знаменитый напиток, который быстро разошелся по всему свету. Так изложил эту историю составитель кулинарной книги.

Но я понял сразу: благотворную настойку, не ведая того, подарила миру Ульянка — в тот самый день, когда плеснула старинный напиток в жбан с самогомом.

Сам Монтифеев, прочел я дальше, совершенно излечился от алкоголизма и вскоре изобрел чудо-веялку, которая с успехом применялась в близлежащих селах аж до 1961 года.

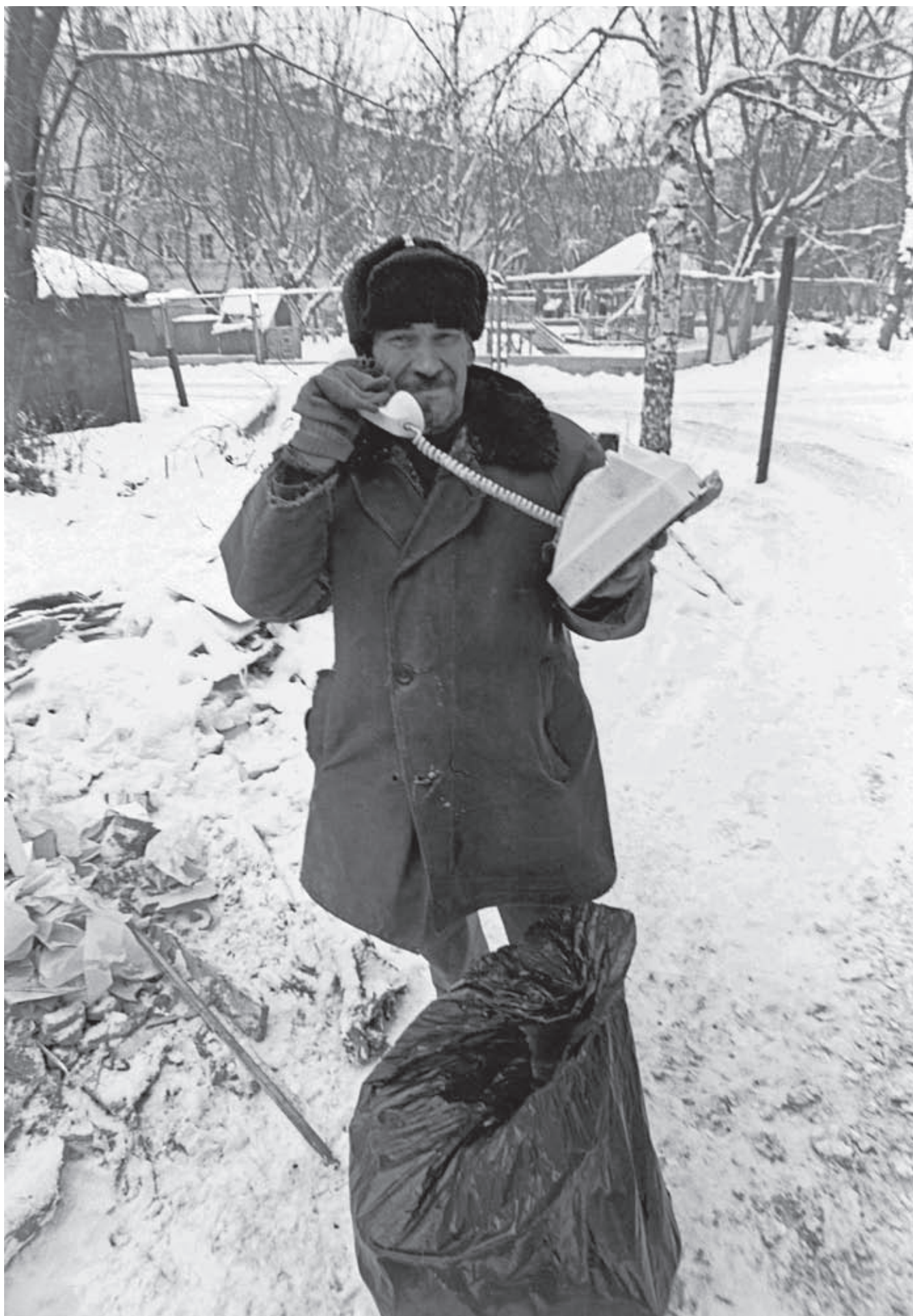
...От души обругав Монтифеева (и весь его род до седьмого колена), я захлопнул кулинарную книгу. Жизнь моя потеряла смысл.

Чтобы хоть немного утешиться, я открыл сборник стихов разных авторов, неведомо как затесавшийся у меня на полке. И там, в унылой череде неизвестных поэтов, мелькнула фамилия Луначарского. Стихи, впрочем, оказались так себе.

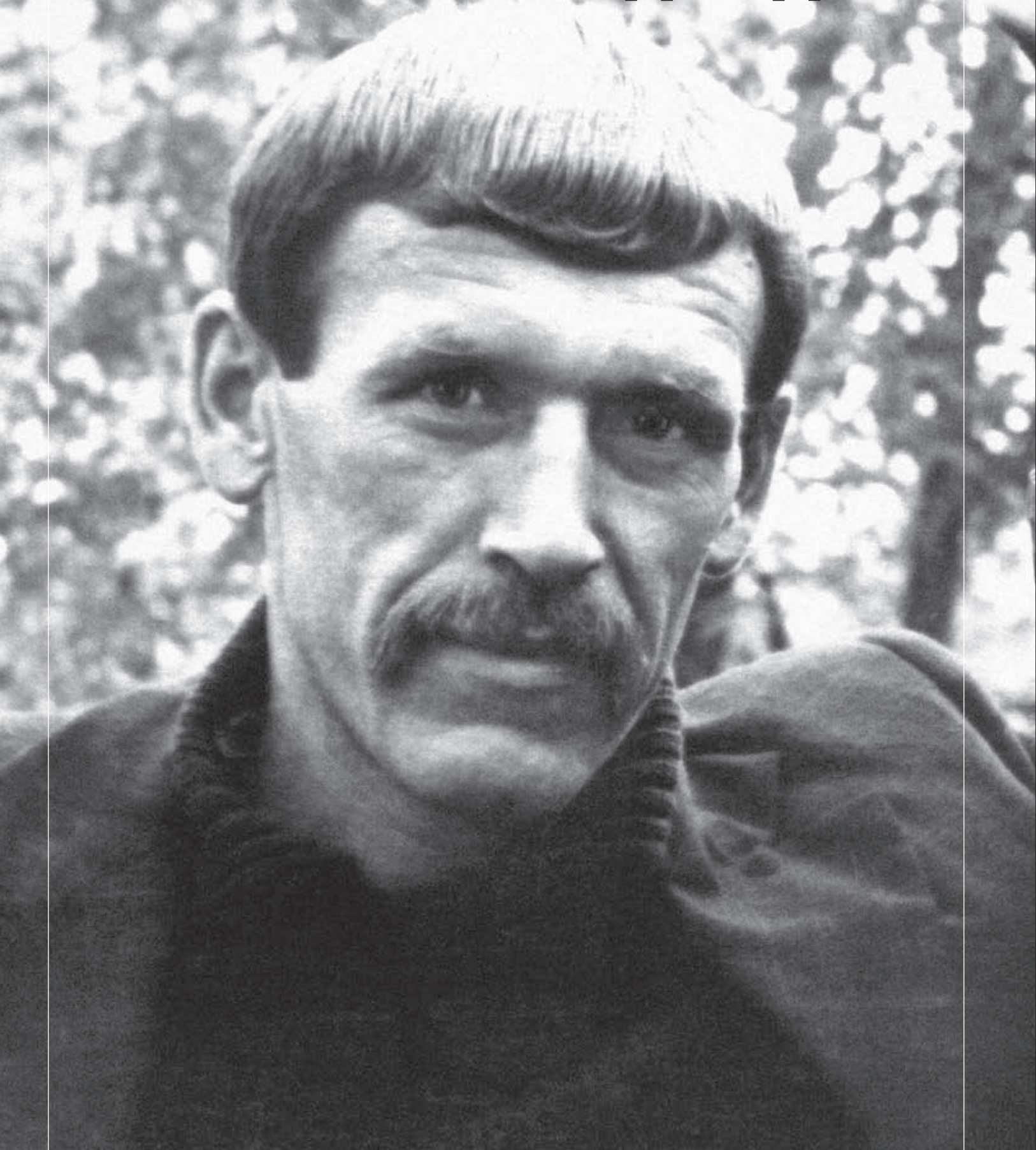
Что ж, хоть какая-то судьба, решил я. А потом подумал: быть может, и у меня есть шанс? Ведь я теперь обладатель уникального знания. Мои статьи потеряли научную ценность, но если их причесать, пересказав хорошим литературным языком, возможно, получились бы неплохие романы.

В конце концов, лишь так я смогу отдать свой последний долг безвременной почившей истории. Почтить ее память. Пусть хоть таким странным образом безмятежное человечество узнает о революции, о великой войне, о героях и простых людях, которых никогда не было и никогда уже не будет в новом счастливом мире.

Успокоенный, я блаженно потянулся, надел пальто и отправился в магазин — пополнить запасы кофе. Мне его теперь потребуется много. Не веселуху же пить, в самом деле!

♥ **НИКОЛАЙ МЕДВЕДЕВ**

В призме времени

Два рассказа

Николай Медведев — писатель-фантаст, уже давно знакомый нашему читателю. В его произведениях органично сочетаются моменты мистики и картины достоверных обстоятельств. Автор высылает нам свои рукописи сразу же, как только заканчивается работа над последней страницей.

Уже давно Николай Медведев живет в Калининграде, но каждый год приезжает на Урал, в город Полевской, на свою малую родину, где покоятся его близкие и родные люди.

Человек, на всю жизнь сохранивший многогранность своих интересов, он постоянно находит новых героев и новые сюжеты. Его судьба многие годы была связана с морем, с тяжелой работой на траулерах. Он всерьез занимался шахматами, боксом, увлекался художественной работой с янтарем. В этом номере — его новые рассказы.

время белых комаров

1

— Ну вот и белые комары полетели.

— Где белые комары? — шестилетний Котька с изумлением вытаращил голубые глазенки на отца.

— А вон, посмотри-ка в окно.

Котька прижался лбом к стеклу. Медленно кружась, на черную застывшую землю падали снежинки.

— Папа, это ведь снежинки!

— Для кого снежинки, а для кого белые комары, — глаза отца смеются.

Но не смешно Котьке, маленький он, а вроде что-то и его вдруг хватает за душу и не оторваться от окна — летят снежинки, кружатся. И словно замерло все в ожидании чего-то: не шелохнутся голые черные ветви деревьев, не пролетит пичуга, не пробьется солнечный лучик сквозь хмурое небо.

Котька недоверчиво на отца: «Не-е, не комары это...»

2

Зима выдалась суровой и снежной, а, впрочем, когда она бывала другой в этих краях? Морозы, метели, в иную ночь столько снега набахает, что утром и двери из сеней в ограду открыть нельзя.

Белое царство: стоят среди сугробов избы с толстыми снежными крышами, голубоватыми свечами из труб поднимается дым, искрится воздух на солнце от изморози. Тишина.

Из опушки леса на лыжах выкатывается мальчуган лет одиннадцати. Отсюда, с горы, уже хорошо видна Зарека: улицы, белые крыши домов, тропинки, протоптанные на замерзшем пруду, и крошечные фигурки рыбаков. Ну, теперь уже не-

далеко... Мальчик отталкивается палками, пригибается, морозный воздух обжигает лицо, и лыжи несут его вниз...

Озябший, красными заочневшими руками Котка держит кружку и потихоньку тянет чай с сушеной малиной, а потом разомлевший долго сидит перед очагом и смотрит, как пляшет, фукает резвый огонь на березовых поленьях.

— Ложись, поспи, Костя, — говорит ему мать.

— Не-е, я еще посижу, — не выходя из полудремы, отвечает мальчик.

И плывут перед глазами Котки заснеженные ели, сосны, и, петляя, куда-то ведет хорошо укатанная лыжня. Ослепителен белый снег под холодным солнцем, легко скользят лыжи. И бежит Котка, и хочет узнать, куда же приведет неведомо кем проложенная лыжня. А лес становится все дремучее, таинственнее. Вот сбоку вспорхнула стайка красногрудых жуланов¹. Приостановился, провожая глазами птиц. Только оттолкнулся палками, а впереди неторопливо, деловито осматриваясь по сторонам, пересекла лыжню рыжая лиса, оставляя пушистым хвостом росчерки на снегу. Котка бежит дальше. И как чудо возникают на его пути, выбиваясь из-под наста, живые и веселые струи ручья. Котка снимает лыжи и, сдвинув шапку на затылок, припадает к студеной вкусной воде, которая ломит зубы. Пар валит ото лба, и пить хочется жутко, а нельзя много.

Не-е-т, не добежать сегодня, не узнать, где заканчивается лыжня... Котка с сожалением поворачивает назад.

3

Но вот отбурился снежный март, и наступил апрель. Пригревая, стало выше подниматься солнце. Крыши домов украсились алмазными гирляндами сосулек. Звонко, мелодично падала в сугробы сверкающая капля, выбивая в них сказочные чертоги, и, присмотревшись, можно было увидеть все, что подскажет воображение: диких зверей, фантастический лес, странных человечков. А свежесть, легкость, чистота воздуха по утрам будоражили душу, и ликовала она, зная, что кончилась бесконечно длинная и лютая зима.

Шумно неслись с гор говорливые ручьи. И какие ручьи! Со всех сторон, со всех улиц устремлялись они к пруду, закованному в метровую толщу ледяного панциря. Ручьи бежали по льду, промывая в нем глубокие голубые русла, пока где-нибудь не наткнулись на промоину или прорубь. В их бурных потоках плыли кораблики.

¹. Снегири.

Костя смотрел на проносившуюся мимо флотилию. Вот один кораблик подбросило на пороге, вот второй, третий — и они уже на боку, кверху днищем. Беспорядочно швыряемые потоком, зарываясь в бурунах, они неслись дальше. Четвертый проскочил, пятый опасно накренился, но выправился...

Весело галдя, сопровождая кораблики, бежали ребяташки. Костя улыбался: давно ли он сам вот так же бегал за своей флотилией? Сколько он сотворил таких корабликов! Из коры и из дерева, с мачтами и парусами. И сколько погибло их в водоворотах и разных крушениях! А какая охватывала радость, когда кораблик выигрывал в схватке с водой. Побегать бы сейчас с ребяташками, да засмеют, скажут: «Вон, парню семнадцать лет, а он всё кораблики пускает...»

4

«Ой, загу-загу-загулял, загулял
Па-ар-нишка, па-рень молодой, молодой,
В красной руба-а-шоночке, хоро-о-шенький такой...»

Звенела, с надрывом заходила переборами в ночи гитара, не отпускала от себя. И возвращался Костя домой уже поутру, чтобы поспать часок-другой да поспеть к началу смены на завод. А на заводе план, мастера, начальники. Но ничего, работает он, дело в руках спорится, да и понятно, была в нем рабочая уральская жилка.

Ах, какое лето! Какие ночи! Ах, какие рубашки в клеточку и стильные отутюженные брюки носил Костя. Пиджачок через плечо, гитара в руке, стрижка под полубокс: лихая головешка — девятнадцать лет.

Мелькнуло, пролетело красное лето, и посыпались обрываемые холодным ветром желтые листья берез. А когда закружились в воздухе белые комары, плакала мать, и растягивал мехи гармошки подвыпивший постаревший отец, да залихватски отплясывали развеселые провожающие. И, задумавшись, с чемоданчиком в руке среди этого гомона шел Костя и смотрел вокруг себя так, словно предчувствовал, что вернется теперь домой не скоро. Смутно было на душе.

— Котка, что голову повесил?! А ну-ка выдай нам на прощание!

Вздрогнул Костя, стрельнул глазами в посуровевшее отцовское лицо и уловил во взгляде затаенную грусть. И тут же побежали пальцы по клавишам. Кинул Костя кому-то чемоданчик и, бесшабашно тряхнув плечами, бросился в пляс, будто в омут, краем глаза видя, как неистовствуют руки отца, как заулыбалась мать...

Пляши, пляши, Костя...

5

Дома были зимы суровы, но здесь они оказались еще свирепее.

В шапке с завязанными под подбородком клапанами, в тулупе до пят, накинутом на шинель, с автоматом на плече Костя тщательно вымеривал шагами периметр, обходя свой сектор вокруг стартового комплекса.

Долго тянутся два часа. Мороз за сорок, небо черно, звезды яркие, луна серебрится. Тишина. Закоченел часовой — заползает стужа под шинель, и тулуп не спасает. Много мыслей пронесется в голове, пока сменят.

Рота заступила в полковые наряды, и «запахал» Костя: через день на ремень, да через два на кухню.

Из дому пишут: «Как служишь, сынок?..» Отвечает: «Хорошо служу, ни о чем не тужу, скоро в отпуск приеду...» Да и что еще напишешь? Служба она и есть служба, не на курорте ведь.

Да, полов намылся, картошки начистился, шрапнели (перловой каши) наелся, строевой находился, из автомата настрелялся, по тревогам набегался. Жара, холод, холод, жара — терпеть и точка. Закалился Костя, окреп, стал строг лицом. В нечастые свободные минуты возьмет в руки гитару, дрогнут трепетные посеребрённые струны, и заслушаются товарищи, думая каждый о своем.

Летний зной. Тайга вокруг части, болота, комары тучами висят в воздухе. А в дебрях лесных малины видимо-невидимо. Крадучись пролезает сквозь «колючку» Костя, прячет его тайга. Малинки поест. Может, не заметит его отсутствия сержант. Но разве проведешь командира? Получи, солдат, наряд. Чисты в казарме полы, а еще чище будут, когда после отбоя займется ими Костя.

Спят солдаты. Гуляет по полу намыленная щетка. Посмеивается про себя у тумбочки дневальный, наблюдая, как орудует шваброй штрафник.

Да, а ведь было, и медведь в малинник захаживал. И вот приказ по полку: «...в лес ходить только группами и иметь при себе штыки...» Вкусна, ароматна спелая малина...

И гауптвахты не миновал. Только что за солдат, который на «губе» не сживал? В отпуск так и не съездил. Горяч, дерзок Костя...

Скрипит под валенками снег. В лунном свете приближаются к часовому три силуэта. Поблескивают штыки, примкнутые к автоматам. Смена...

6

Зиму одолела весна, весну — лето. Мелькали года...

Далеко дом. Носит Костю по свету, не живет ему на одном месте. Всюду друзья-приятели. С севера на юг, с запада на восток: с геологами,

артелями, егерями — поколесил. Страна велика. А уж как попал на флот, да замаячили перед ним дальние страны, так, наверно, и вовсе забыл, откуда родом он. Ванкувер и Кергелен, Сингапур и Осака, Луанда и... Ах, Костя-Костя, разве весь мир обойдешь? Разве обоймешь необъятное? Смотри-ка, уж не посеребрённые струны — посеребрённые нити на висках появились...

Над траулером бегут низкие рваные облака, сыплются из них то колючая ледяная крупа, то тяжелые, мокрые хлопья снега. Выглянет на мгновение солнце, обрадует и снова спрячется. Штормит море, угрюмы волны, и ветер все крепчает.

Рыбы нет. Отдыхают матросы — кто читает, кто вяжет сети, кто играет в шахматы или карты, кто смотрит кино в столовой. Но большинство спит, ибо не часто доводится вот так оставаться без дела.

Загрустил Костя, перебирает струны гитары. Всего-то месяц, как вышли они из Сингапура, а кажется, вечность прошла. Марина... Вот ведь какое имя у китайки!

— Марина, кто ж тебя так назвал?

Белозубая улыбка делает лицо девушки еще краше.

— Много узнавать, скоро состариться будешь. Ань эго фанши² — так, Костя, сказывать ваши?

— Так-так, Марина. А по-русски кто тебя говорить научил?

Снова смеется девушка...

— Покажи мне, Марина, Сингапур.

— Хао³, Костя...

Три месяца пролетели как три дня. Ремонт, судовые работы, прохлаждаться тут некогда, порядки на траулере жесткие. Судно хоть и гражданское, но сойти на берег без увольнительной и в одиночку (это ведь заграница) невозможно. Так что встреч было не так уж и много. А вот крепко подружились.

— Марина, завтра мы отходим.

Слезам наполнились черные глаза девушки.

— Шэмма шихоу⁴, Костя, снова Сингапур приедешь?

— Не знаю, Марина. Может, и никогда.

— Костя, мир так устроен зачем? Страны, граница, обычай — люди разделять. Почему все так? — в голосе Марины печаль.

Почему? Что тут ответишь? А тут еще память, как укоризна.

— Что же делать, Марина? Не мы первые — не мы последние.

— Так, Костя. А не про нас это сказать. Что нам кто-то?

2. На русский манер (кит.).

3. Хорошо (кит.).

4. Когда (кит.).

Права она. Но ведь ничего не изменишь.
— Сингапур тепло, а твой Родина сюэ⁵ много.
— Много, — соглашается Костя и гладит Марину по голове.

Заворковали, запозванивали гитарные струны под тонкими пальцами Марины.

— Костя, не я это — гитара плакать.

— Цзайцзянь⁶, Марина.

Оба понимают, что никогда не быть им вместе.

— До свидания, Костя, — сквозь слезы улыбается девушка.

Печальные воспоминания. Плачет гитара в руках Кости, и нет сил остановить ее. Живые звуки сливаются с шумом ветра и рокотом волн за бортом. И каюта — уже не каюта, а какой-то оторванный кусочек большого и невероятно далекого мира. Марина научила его этой мелодии. Как играла китайка на гитаре!

На переборке перед ним замерла в клетке небольшая темно-коричневая сова. До берегов Хоккайдо добрых две сотни миль, а вот залетела птица на судно. Тогда поймали ее, сделали клетку.

Слушает сова гитару. Желтые круглые глаза неподвижно смотрят на человека. Это Вечность смотрит на Костю. Отложив гитару, берет клетку и выходит на палубу. Дверца открыта, но птица сидит, не шелохнувшись. Костя осторожно вытаскивает сову. Взмахнув крыльями, подхваченная ветром, она взмывает в воздух.

Сигнальные огни разрезают тьму. На самом малом ходу движется траулер. Штиль. Темень. Туман плотен, как вата. Только бурлящие звуки воды да тревожные гудки нарушают тишину ночи.

Костя стоит вперёдсмотрящим на баке. Не видно ни зги. Опаснейшая вещь — туманы на море. Холоден сырой воздух, прохаживается вперёдсмотрящий по баку, прислушивается, вглядывается во тьму. Вся вахта впереди, и долго еще ему оставаться наедине со своими думами. Но не знает он, что через час неожиданно, в полукабельтове⁷, прямо по курсу, запokaчиваются в тумане призрачные, чуть различимые огни. Увидев их, почувствует Костя, как что-то обрывается у него в груди и кинется к рынде⁸, и захлебнется она тревожным звоном.

«Отбой машине! — закричит в рулевой рубке побледневший штурман. — Право на борт!»

А уже неясные контуры чего-то огромного вырастают прямо перед траулером, и тут же следом его сотрясает страшный удар — лязг, скрежет раз-

дираемого металла... Разожмутся пальцы вперёдсмотрящего, выпустят темляк рынды, и какая-то сила бросит его грудью на брашпиль⁹. Все отлетит куда-то, останется лишь мрак да ослепительная вспышка в сознании. Был Костя и, может, уже нет Кости...

Только спустя неделю очнется он. А еще через месяц впервые поднимется с койки и подойдет к окну больничной палаты.

Кружит, метет пурга, вздымаются ввысь заснеженные горы острова Итуруп.

Давно ушел траулер в порт Находка. Разворотила плавбаза ему носовую часть, но выдержало судно — осталось на плаву. Из экипажа, кроме вперёдсмотрящего, серьезно никто не пострадал. А ему еще долгие месяцы придется провести на Итурупе.

Кружит, метет пурга, стоит у окна Костя, и кажется ему, что белый, густой, как молоко, туман обволакивает все вокруг...

7

Обветшал дом, покосился, стоит полужасыпанный снегом, маячками светят в ночи два оконца. Сидит у очага, глядя на огонь, старушка. Давно похоронила мужа. Есть сын, да где он?

Узкая тропинка, протоптанная в сугробах. Мороз. В небе тонкий серп новолуния.

Одиноким путник с видавшим виды чемоданчиком идет по тропинке. Легкое демисезонное пальто на нем совсем не для такой погоды. Замерз он, но чем ближе свет в окнах, тем медленнее становится его шаг. Вот он останавливается и долго смотрит на окна. Воздух перехватывает дыхание, закуржавели брови, волосы, шапка, а человек словно прирос к месту.

Уже прогорели дрова, но еще дышат жаром угли. Сидит старушка и беззвучно шевелит губами. Вдруг скрипнули ворота. Кто-то уверенно отодвигает засов. Залаяла собака — и замолчала. Шаги в сенях. Дверь открывается, и вошедший замирает на пороге.

— Здравствуй, мама, — Костя ставит на пол чемоданчик и, медленно стягивая шапку, низко опускает голову.

Кошка, свернувшаяся на лавке, взглядывает на Костю. Он вешает шапку на гвоздь и нечаянно задевает струны старенькой гитары, висящей в углу. Чистый звук плывет по избе и затухает. Широко открываются зеленые кошачьи глаза.

Костя. Ее Костя. Сынок... Растерялась, засуетилась старушка...

5. Снег (кит.).

6. Прощай (кит.).

7. Полукабельтов равен 92 м.

8. Судовой колокол.

9. Механизм для подъема якоря и других работ.

Он проходит к очагу и греет над плитой очо-ченевшие руки. Дома... И что-то сжимает сердце клещами.

— Напой меня, мама, чаем с малиной.

Мать смотрит на белую голову сына, на боль-шие огрубевшие руки, держащие старую, с потуск-невшим, когда-то золотистым ободком чашку, из которой он пил еще в детстве, и нет-нет да ска-тится слезинка по морщинистой щеке. Велика ра-дость ее, но так же велика и грусть — это ведь ее сын, совсем седой. Руки старушки теребят концы платка, для нее он все тот же маленький Костя.

— Костя, ты, наверно, давно не катался на лы-жах? — ласково спрашивает она.

Расплескался чай из чашки.

— Давно, мама, — дрогнувшие руки ставят чаш-ку на стол. — Уж теперь покатаюсь...

Еще теплятся в очаге покрытые пеплом угли...

8

Как вымахала перед домом береза с той дале-кой поры Костиного возвращения! Дом старый, но подведены снизу три новых венца вместо сгнивших, добротным тесом покрыта крыша, све-жепобелена печная труба, заменено полотно во-рот. Чисто подметена ограда.

Костя сидит возле окна. Падают на черную мерзлую землю снежинки. Падают и уже не тают. Еще кое-где на березе желтеют сухие листья. Нет-нет, какой-нибудь сорвется и медленно плани-рует на землю. Выцветшие глаза Кости провожают падающий лист.

Что-то лепечет маленький внук, играя на полу деревянной лодочкой, вырезанной дедушкой.

Костя закрывает глаза. Наплывают воспомина-ния: вот бежит на лыжах он, Котья, властно ма-нят его таинственный лес и неведомо кем проло-женная лыжня... А за окном все кружат и вьются белые комары.

на руинах

Утро. Поезд остановился лишь на минуту. Я вы-шел...

Мне рассказывали: от остановки поворачивай вправо, через полторы сотни метров будет дорога, по ней иди и минуешь мостик, дорога эта и выведет на Бальгу¹.

Может, оттого что дорога выглядела мрачно-вато, мне взгрустнулось. Время уже близилось к десяти, однако лес, обступавший дорогу, не пропускал жи-вительных солнечных лучей. Он был так густ, что, казалось, идешь под каким-то сумрачным, влаж-ным зеленым пологом. Становилось жутковато и неуютно.

Я шагал, глубоко задумавшись, не зная, когда кончится эта длинная дорога.

Потом ландшафт несколько изменился: спра-ва появились желтые поля ржи, а лес немного посветлел. Но меланхолия и чувство тревоги не покидали меня. Затем дорога снова нырнула под зеленый полог, а я все шел и шел. Сколько же ки-лометров? Пять? Шесть?..

Между тем солнце поднималось выше, и до-рога купалась в его лучах, под ногами уже было каменное мощение, а по обеим сторонам стали попадаться плодовые деревья: груша и яблоня, слива и алыча, даже маньчжурский орех — все говорило о том, что цель похода, по-видимому, близка.

Я уже попробовал желто-оранжевых плодов алычи, мелких, невзрачных, но сладких груш, кисловатых яблок, однако внимание целиком поглощала брусчатка дороги, выложенная кем-то когда-то. Чувствовалась какая-то таинствен-ность. Возможно, много веков назад по этим плот-но уложенным тёсаным камням, стуча колесами, катились конные экипажи, из окон которых вы-глядывали прелестные лица красавиц. А может быть, тут устало ступали скакуны под тяжестью закованных в латы рыцарей, возвращавшихся из набегов на поселения пруссов. Или сами пруссы шли здесь, чтобы осадить ненавистных пришель-цев в их замке. И уж наверняка по этой дороге грохотали гусеницы танков в минувшую войну...

Как все странно, я шел по дороге истории. Кровь и страдания, риск и романтичность, сред-невековые и современность. Чего только ни виде-ли эти немые камни!

Вдруг, словно в сказке, из зарослей показа-лась часть разрушенной красной стены. Я свер-нул с дороги в сумрак лесной чащи. Глубокий осыпавшийся ров преграждал мне путь. Огибая его, я дошел до насыпной перемычки (несомнен-но, когда-то здесь был мост) и остановился. Во-ображение рисовало мощную, высокую зубчатую стену замка, подъемные механизмы моста, кре-постные ворота. Наверняка здесь была какая-то стража. Я физически, почти реально ощутил тре-бовательный взгляд привратника.

За рвом заросли расступились, и брызнуло солнце. Взору открылись несколько обваливших-ся стен с сохранившейся штукатуркой да кучи битого красного кирпича среди буйной травы и кустарника, а дальше снова лесной сумрак. И это все, что осталось от замка? Не много. Лучше со-хранились остатки восточной крепостной стены, сложенной из огромных валунов, скрепленных раствором, они по крутому склону спускались к самому заливу.

Расположение замка было классическим. На небольшом плато с северной стороны — залив, с

двух других — естественные склоны, восточный крутой, западный более отлогий. Единственный удобный подход — с юга, но там глубокий ров и, видимо, по всему периметру существовала крепостная стена. Да, место было выбрано удачно, но как все мрачно: запустение, дикость, то там, то тут из земли торчат бетонные колпаки — это уже следы недавней истории. Сразу вспомнилось, рассказывали, что в конце войны на Бальгу перебазировалась германская разведшкола. Я хотел присесть на валун и вздрогнул — с нагретого солнцем камня бесшумно соскользнула змея...

Зигзагами, от камня к камню, я бродил по плато, временами натываясь на очертания каких-то фундаментов. Было много глубоких ям, вокруг которых валялись истлевшие кости. Останки людей! Страшная участь — даже после смерти им нет покоя...

Удрученный увиденным, я невольно стал озираться по сторонам. Не чувство страха, но ощущение тяжести и подавленности заставило меня поспешить вниз. А там царствовали солнце и вода. Небольшие ласковые волны накатывались на прибрежную гальку. Я шел вдоль кромки прибоя...

Ветхий баркас, брошенный на берегу, пустынное побережье, голубизна неба и залива, желтизна песчаного берега, неспешное перешептывание волн — словно бы я уже когда-то видел все это. Вечность. Время здесь остановило свой бег...

Между тем тень переместилась справа налево, и пора было возвращаться. Ходьба по песку утомила меня, и, поднявшись по откосу берега наверх, кромкой поля я двинулся назад. Августовскую ярко-желтую рожь ветер перекачивал волнами, плавно изгибаясь, они катились к самому горизонту. Эта спелая рожь, этот желтый радостный цвет действовали на меня умиротворяюще: я шел и думал о том, что точно такую же рожь человек сеял сто, триста, тысячу лет назад... Мне казалось, что это вовсе не я, а кто-то другой идет вдоль ржаного поля. То ли из прошлого, то ли из будущего?

Проходя мимо замка, я снова свернул к нему...

Я сел на камень, и пришли мысли о бренности жизни, о превратностях судьбы, о людях, некогда населявших эту землю, о жестоких войнах, наконец, о ходе истории, которую никогда нельзя исправить — что было, то кануло. Человек — венец Природы. Но как еще далеко ему до совершенства! И будет ли он когда-нибудь по-настоящему совершенен? Не побывай здесь когда-то крестоносцы, история этой земли пошла бы по другому пути. А если б не случилась Вторая мировая война? А что будет спустя тысячу, две, три тысячи лет после нас? Мы, живущие сейчас, никогда не узнаем об этом.

Неожиданно сбоку мелькнула большая черная тень, и метрах в трех от меня на землю опустилась

птица. Черный ворон! Впервые я видел его так близко: темен, как ночь, с черным, отливающим синевато-фиолетовым оперением. Наклонив голову, птица косилась на меня блестящим глазом. Я сразу вспомнил про воронов из сказок, которые живут триста лет. На самом деле долголетие этих птиц ограничивается семьюдесятью годами. Но и семьдесят лет — громадный возраст для птицы. Удивляло, почему он сел так близко от меня? Об осторожности и мудрости этих птиц слагают легенды.

Нахохлившийся ворон был все так же неподвижен, только теперь его взгляд показался мне угрюмым и мрачным. Почему-то подумалось, что он прилетел сюда издалека. Скиталец. О чем он думает? Почему так смотрит? Сколько ему лет? А вдруг он много старше меня? Сколько же он повидал на своем веку?

Вот так мы и рассматривали друг друга — человек и птица. Однако пора было идти. Когда я еще доберусь до поезда по этой длинной дороге? «Ну что, оставайся, скиталец», — вслух произнес я и осторожно сделал шаг в сторону. Что-то вжикнуло в воздухе. Я оглянулся и оцепенел: шею ворона пробила тонкая длинная стрела с широким четырехгранным крестообразным наконечником. По грани стрелы, набухая, медленно стекала кровавая капля. Крылья ворона бессильно распластались. Ткнувшись клювом в землю, он упал на нее грудью и затих, только чуть-чуть подрагивало белое оперение стрелы.

Потрясенный, я слышал, как трещат ветки и кто-то лезет из кустов. Это был мальчик лет десяти, держащий в руках арбалет. Вздвораженный, с горящими глазами, он почти бежал к убитой птице. Черт возьми! Дрогнул рука у этого стрелка, и стрела вполне могла бы достаться мне.

— Зачем ты это сделал? — еле сдерживая ярость, спросил я мальчика.

— А что? В лесу и пострелять нельзя?

Ответ ребенка изумил меня своей дерзостью.

— Лучше бы ты стрелял по мишеням. Загубил птицу. И какую! — Я разглядывал арбалет в его руках.

«Н-да, ничего себе игрушка... Самое настоящее оружие», — подумалось мне.

Под моим пристальным взглядом мальчик явно смутился, но тут же завопил:

— Папа, я подстрелил ворону!

Из-за высокого камня показался крепкий мальчик в синих джинсах и рубашке в крупную зеленую клетку.

— Молодец, сынок! У тебя верная рука и зоркий глаз. Ох-хотником будешь, — высокопарно изрек папаша, приближаясь к нам.

Не обращая на меня внимания, он ловко выдернул стрелу из шеи ворона.

— Ишь ты! Редкий экземпляр. Мы отдадим птичку дяде Феде, он сделает нам отличное чучело. Каков красавец! — крупная рука с массивным золотым перстнем на пальце разглаживала оперение на крыльях.

А я не мог оторвать глаз от наконечника стрелы: четыре ножевидные грани способны были нанести страшную рассеченную рану. Такой стрелой можно уложить даже крупное животное — оно падет от потери крови. Дьявольское изобретение!

— Хорош арбалет! — сказал я.

Малый словно только заметил меня.

— Да. Американский. Я заплатил за него четыреста пятьдесят долларов.

«Вот так вот, — отметил я. — Американский... От них можно подобного ожидать — любители таких «игрушек»: то пистолеты, то арбалеты...» А вслух произнес:

— Бессмысленное убийство. Птица прожила лет пятьдесят, а, возможно, и более. Вдумайтесь в это — пятьдесят лет! А вдруг жизнь оборвалась. Бессмысленное убийство, — повторил я.

Малый посмотрел на меня более внимательно, с оттенком неприязни.

— Брось ты свои сантименты. Мальчик сделал отличный выстрел. И вообще, какое тебе дело?

Какое мне дело? Ворона жаль. Судя по величине, он все-таки был долгожителем. А если так, то скольких опасностей избежал за свой век! Надо же было ему сесть рядом со мной!

— Птицу жаль! — отрезал я.

— Оставь свою жалость при себе. Нервы надо беречь, — малый снисходительно ухмыльнулся.

Да-а, тут не ребенка надо воспитывать, а папашу. Заморский арбалет и золотой перстень — это ведь о многом говорило. Передо мной стоял тип, уже вкусивший пресловутую свободы или, как стало модно выражаться, «без комплексов». Конечно, ну убил «ворону», подумаешь. Что взять с ребенка? Обычный детский азарт, если к тому же в руках такая стрелялка.

Я взглянул на мальчика: он переводил взгляд с отца на меня и обратно. О чем он думал, слушая разговор взрослых? Отец на его стороне, а значит, я скверный человек.

— Обладание игрушкой, которая убивает, очень опасно, — все же заметил я.

— Эта игрушка находится в свободной продаже. Понятно? — в голосе малого появилась плохо скрываемая злость. — И хватит читать мне нравоучения.

«В свободной продаже...» — железный аргумент. А мне и крыть нечем. Для чего ж его покупать, как не стрелять? Значит, виноват торговец, который продает? Но для него главное прибыль, а там пушкской стрелы летят в кого угодно. Однако ведь есть еще кто-то, определяющий, что можно продавать,

а что нельзя. Вот он-то и должен нести ответственность. Так выходит. Что не запрещено, то разрешено — хитрый постулат, которым козыряют нынче многие, может служить оправданием для любых поступков.

— Я ничего вам не читаю...

Где-то колосилась спелая рожь, набегали на берег волны. Где-то совсем недавно шел человек, размышлявший о Вечности. Наверное, он остался там, внизу, а здесь стоял кто-то другой. И этот другой смотрит сейчас на черные блестящие перья, окрашенные кровью. Зачем это? А ворона уже нет...

Как бесконечно длинен сегодня день! Я прошел сквозь тысячелетия, я был в прошлом и будущем, я заглянул в глаза Вечности, а вот сейчас нахожусь в настоящем. «Какое тебе дело?..»

Говорить еще о чем-то было бесполезно. Я повернулся и направился к дороге. Я думал о вороне, о замке Бальга. Я думал о человечестве, об отдельно взятом человеке, о его жизни, о том миге, который отпущен ему во Вселенной.

1. Замок, заложенный крестоносцами на территории Пруссии в первой половине XIII века.

✧ александр либих

крокодил инженера

петрова

Рассказ из старых времен

АВТОР О СЕБЕ

Родился в 1953 году в Челябинске, в юности работал каменщиком, после службы в армии окончил филологический факультет Челябинского университета, работал преподавателем русского языка и литературы в профтехучилище, станочником и наладчиком на Челябинском тракторном заводе, в настоящее время пенсионер. Произведения публиковались в южноуральских газетах, были также публикации в московской «Неделе», в журналах «Странник», «Тропинка», «Урал», «Ступени», в альманахах «Мечел», «Уральская Хахалогия», «Семь кругов сказки».

Юмористический рассказ «Крокодил инженера Петрова» написан много лет назад, но я о нем не забывал, потому что по некоторым причинам он мне дорог. Вот и решил предложить вашему журналу.

Инженер Петров занимал стул и половину стола в одном из отделов конструкторского бюро. Он не был оригиналом: не любил свой стул, но любил покурить и поболтать в коридоре, покровительствовал юным сотрудницам, умел смотреть в глаза шефа то задумчиво и печально, то лукаво улыбаясь. В грустные минуты размышлял о скудости зарплаты, но в глубине души признавал, что пользы от него ни на копейку и потому он должен бы еще платить — за тепло, свет и прочие коммунальные услуги в конструкторском бюро. Однако некоторые люди тоже ничего не делали, а получали гораздо больше, и это было обидно.

Однажды во сне Петров увидел цветущую поляну и ручей, на берегу которого в юности мечтал о любви и подвигах. Он проснулся в слезах и с этого утра зачудил.

На работе, в то время как его коллеги кокетничали с обворожительными машинистками, попутно диктуя отчеты о научно-исследовательской деятельности за истекший период, Петров, не отрываясь от стула, чертил, писал, отрешенно задумывался — в общем, изобретал.

Очнувшись Петров от многоголосого ропота. Поднял голову и увидел, что все, сгрудившись на противоположной стороне комнаты, показывают на него пальцами.

— Вон, вон, уже на стол залез! — раздались голоса.

Послышался жалобный писк, и Петров увидел ползущего по столу крокодилёнка, тот подполз к Петрову, прыгнул к нему на колени и спрятался за полую пиджака.

«Бойтся», — с неожиданно острым сочувствием подумал Петров и накрыл крокодилёнка ладонью. Тут закричали, что приехала передвижная лавка с кроссовками и еще с чем-то. Всех вымело из отдела. Петров же продолжал работать, и скрип его пера гулким эхом скитался по пустым коридорам. Крокодилу инженер не удивился, потому что сам работал над удивительным изобретением.

По дороге домой Петров зашел в книжный магазин и купил учебник древнетарборагорского языка — надо было прочитать частично сохранившиеся до нашего времени трактаты древнетарборагорского ученого Рашани, который работал по близкой теме.

На пороге жена спросила:

— А где кроссовки? Говорят, у вас по две пары давали. Вот Ястребов (то был сосед и сослуживец Петрова) четыре па... Так, может, он и твою долю?!

Жена удивленно и презрительно посмотрела на Петрова.

— Есть не проси!

Она хотела гордо повернуться и уйти на кухню, но застыла с поднятой ногой и закричала:

— А это что такое?!

Инженер смущенно убрал за спину учебник древнетарборагорского языка, но дело было не в учебнике: по половику, подняв мордочку и с любопытством осматриваясь, полз крокодилёнок.

Из-за крокодила жизнь инженера стала кошмаром.

Шеф, прочитавший в отчете Петрова: «Старался по мере сил, но пока ничего не получается», — остолбенело уставился на подчиненного. Возможно, все бы обошлось, потому что шеф был в хорошем настроении. К несчастью, из кармана пиджака Петрова высунулась зеленая мордочка. Шеф затопал ногами:

— Издеваешься!!!

Петров привычно пытался найти забвение у копировальщицы Зочки. Она поначалу приняла его благосклонно, но все больше недоумевала, когда вместо обычного трепы он завел душещипательный разговор.

— Какой гаденький! — вдруг закричала она и с писком убежала.

Хуже всего, однако, было то, что жена сдержала обещание и не кормила Петрова. Он отощал, характер его стал угрюмым и желчным. В клубе изобретателей и рационализаторов, куда он изредка навещался, ему советовали развеяться и вообще стать как-то попроще.

Тяжело приходилось и крокодилёнку, ведь его растущему организму требовалось много пищи. Зеленый малыш постоянно пищал, с каждым днем все слабее.

Однажды во сне Петров увидел, как покупает две пары аппетитных кроссовок и просит дать ему для передачи долю Ястребова, Соколова, Орлова и Рашани.

Проснулся Петров от шепота жены. «Слава богу, слава богу», — шептала она и крестилась. На полу, задрав лапки вверх, неподвижно лежал крокодилёнок.

♥ Владимир Климович

Жизнь на задворках

мироздания

Фото Н. Кочнева

Удивительно, что об этом человеке на просторах Интернета нет почти ничего. Нет там ни одной его фотографии, ни одной его строки. А ведь он, Владимир Владимирович Климович, обладал большим талантом, из-под его острого пера выходили сатирические рассказы и фантастические юморески. Печататься он начал в периодике с 1970 года. В 1991 году в Москве, в издательстве «Олимп», вышла его книга «Памятник с бульвара». Это была первая и последняя книга Владимира Климовича. В 1992 году, успев поддержать в руках свое творение, писатель ушел из жизни. Ему было всего 56 лет. В Интернете можно найти только краткие данные о книге «Памятник с бульвара». Известно, что она была издана тиражом 12 тысяч экземпляров и сейчас находится в собраниях библиотек разных городов. На сайте «Лаборатория фантастики» есть весьма скудные сведения о творческом пути Владимира Климовича, но это единственный долг памяти в интернет-пространстве. Вот что там сказано:

«Советский музыкант и юморист Владимир Владимирович КЛИМОВИЧ (1935, Москва — 1992, там же) — сын «чекиста», ставшего после ареста и заключения шофером. Работал токарем, землекопом, каменщиком, прорабом. Был тренером, барабанщиком Москонцерта. Печатался с 1970 года, с 1984-го опубликовал с полдюжины фантастических юморесок — «Контакт» (1984), «Третье тысячелетие» (1987), «Муха» (1993) и др. В единственном сборнике Климовича «Памятник с бульвара» (1991) есть раздел «Фантастические истории», включающий четыре юморески».

Такое «глубокое безмолвие» в отношении этого имени, помимо разных причин, вызвано, наверное, еще и тем, что далеко не все большие таланты имели высокую поддержку и что жизнь многих таких людей прошла в доинтернетную пору.

Глубоко и интересно подана в Интернете история жизни человека с таким же именем. Это фронтовик, лейтенант Владимир Владимирович Климович. Он родился в 1909 году в Москве, а погиб на передовой в феврале 1943-го, и до сих пор место его захоронения неизвестно. Его биография переплетена с многими драматическими событиями той эпохи. После окончания десятилетки он работал на заводе «Серп и Молот», строил первую линию Московского метро. В 1931-м вступил в партию и был направлен на работу в органы НКВД, проще говоря, стал чекистом. В 1934 году он женился на Екатерине Цинговатовой, она была сотрудницей многотиражки, позднее редактором Гослитиздата. О ней тоже есть любопытные сведения. Ее родители когда-то бежали из России во Францию от царской каторги, там она и родилась. Потом семья вернулась. Ее отец, Иосиф Алексеевич Цинговатов, принял деятельное участие в эсеровской партии, а в советское время был ответственным работником Центросоюза. В 1937 году его репрессировали. Он был осужден на 10 лет и умер в лагере в 1941 году на Дальнем Востоке. Не миновал ареста и Владимир Климович. Однако через два года с него сняли все обвинения и освободили. Тогда же он устроился водителем в московское автохозяйство.

Очень многое говорит о том, что писатель Климович вырос в семье этого человека, чекиста, попавшего под пресс репрессий, а после заключения устроившегося на работу шофером. Мы посчитали необходимым сохранить подробности биографии фронтовика, чтобы яснее прорисовывалась вероятность предполагаемого нами родства двух Владимиров — отца и сына. Характерны сохранившиеся фронтовые письма Климовича к семье. В них крупными печатными буквами отец обращается к своему старшему сыну, которого как раз и зовут Владимиром.

Исчерпывающе коротко и ясно писатель Климович рассказывает о себе в «Личном листке по учету кадров». В архиве «Проталины» находится этот ценный оригинал. На месте, где положено быть фотокарточке, за неимением таковой, Климович изобразил автограф шариковой ручкой. Это веселый человечек, сидящий за барабаном с улыбкой и поднятыми палочками. Многие годы он посвятил музыке. Объездил в составе «Москонцерта» два десятка стран.

По данному «личному листку» в 1990 году Владимир Климович принимался на работу

в российскую газету-альманах «Апрельский литератор», которая выходила в Тюмени. И определился в должности полномочного представителя этого издания в Москве.

Вышел тогда всего один номер! Но уже этот первый номер был широко представлен в столице. В составе редакционной коллегии газеты-альманаха были Кир Булычев, Булат Окуджава, Аркадий Стругацкий и ряд тюменских литераторов. Вел этот «корабль» молодой, ярко одаренный журналист и редактор Константин Тихомиров. «АЛ» родился в русле «Апреля», так называлась Всесоюзная ассоциация писателей в поддержку перестройки. Издание в далекой Тюмени тем не менее было лишено политической окраски, а являло собой чисто литературное детище, объединяющее прогрессивно мыслящих.

Буквально следом появилась российская газета-альманах «Живое слово». Вышла она также в Тюмени. Ее учредителями стали Министерство печати и массовой информации и К.В. Тихомиров. Только на заре перестройки могла состояться регистрация СМИ в такой уникальной форме (Министерство и частное лицо)! И снова широко прозвучало «Живое слово», хотя вышли всего два номера.

«Полпред» Владимир Климович был гостеприимно принят в Тюмени. Таким же гостеприимством дышал и московский дом Климовичей. Писатель помогал укреплять связи и был одним из авторов тюменского издания. Из-под его пера вышло на страницах изданных номеров четыре рассказа. Три из них с рисунками талантливого тюменского архитектора Валерия Гинкула предлагаются читателю на страницах «Проталины» — в память об этом удивительном писателе. И в память о поре активной творческой группы «Живого слова», где работали энтузиасты Константин Тихомиров и Валерий Гинкул. Оба они рано ушли из жизни.

В архиве сохранились и другие рассказы писателя Климовича, и целый ряд интересных фотографий. В портретах и дружеском шарже (работа тюменского художника Николая Рачкова) предстает человек с его ироничным прищуром все понимающих и очень добрых глаз. В архиве «Живого слова», который сейчас находится в «Проталине», сохранилось и совсем удивительное письмо за подписью Екатерины Иосифовны Цинговатовой о ее встречах с писателем Андреем Платоновым.

К письму она приложила его довоенные снимки... И это письмо Цинговатовой, и найденные в Интернете сведения о биографии фронтовика Климовича позволяют укрепиться предположению, что всё это члены одной семьи — Климовичей. Подробнее о письме Екатерины Цинговатовой будет отдельный разговор.

А вот что отражено в «Личном листке по учету кадров» писателя Владимира Климовича:

Год, число и месяц рождения: **20 июля 1935**
ГОДА
Пол: ? (лишний вопрос при явной
самодостаточности личности — ред.)
Место рождения: **Москва**
Национальность: **русский**
Соц. происхождение: **прослойка**
Название учебного заведения, специальность:
МТФК, тренер по спортиграм
Какими иностранными языками и языками
народов СССР владеете: **Не**
Ученая степень: **Не**
Какие имеете научные труды и изобретения: **Не**
Месяц и год вступления, ухода (на работу и с
работы — ред.):
1952—1952. Токарь 3-д п/я 786. Москва
1952—1955. Московский областной техникум
физкультуры. Москва
1955—1958. Сов. Армия
1958—1960. Инвалидность

1960—1990. Москонцерт. Артист-инструменталист. Москва

Пребывание за границей:

1964—1970. Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия, Чехословакия, Австрия, ФРГ, Англия, Турция, Греция, Италия, Испания, Франция, Швеция, Норвегия, Дания, Египет, Алжир, Куба, Таити

Отношение к воинской обязанности и воинское

звание: **Рядовой, артист эстрадных оркестров**

Род войск: **Оркестровый барабанщик**

Семейное положение в момент заполнения
личного листка: **Женат в четвертый раз. Жена,**
г/р 1931, собака, 1988

Сей документ засвидетельствован личной
подписью.

«Проталина»

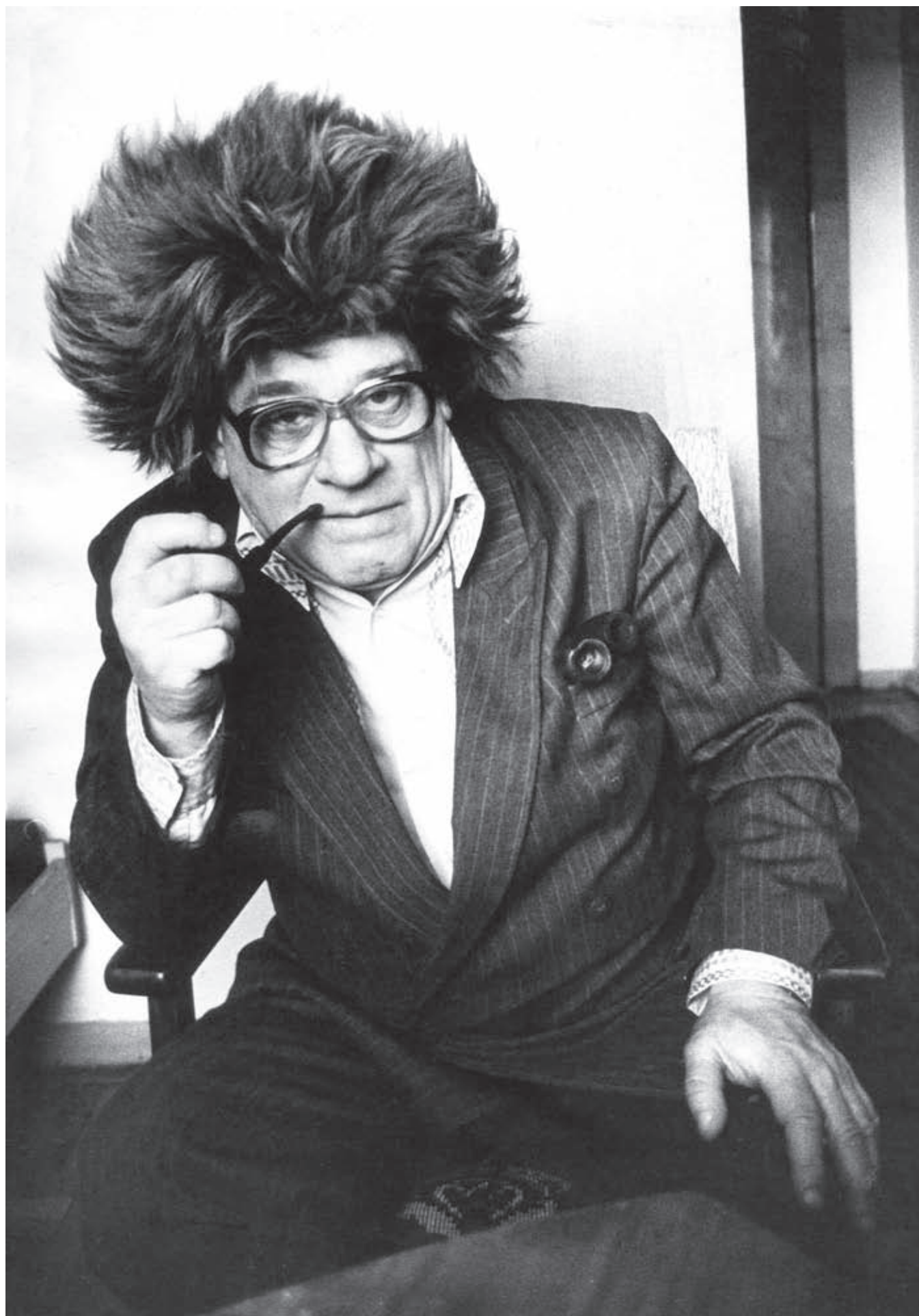
ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
по учету кадров

1. Фамилия Климович
имя Владимир отчество Владимирович
2. Пол ? 3. Год, число и м-ц рождения 20 июля 1935
4. Место рождения Москва
село, деревня, город, район, область

5. Национальность русский 6. Соц. происхождение прослойка
7. Партийность _____ партстаж _____ партбилет № _____
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени, № билета _____
9. Образование среднее специальное

РГ
Т. 53/1
Климович
для фотокарточки

Листок по учету кадров, заполненный лично Владимиром Климовичем. Вольный стиль

Передохнуть некогда, но надо

Буллат Окуджава, Константин Тихомиров, Владимир Климович. На съезде российских писателей в Москве 21 октября 1991 года. Фото Н. Кочнева

Феликс Светов, Владимир Климович, Константин Тихомиров, Евгений Шерман в кулуарах съезда СРП. Фото Н. Кочнева

размышления о карликах

Если внимательно посмотреть на нас со стороны, то можно заметить, что некоторые из нас карлики... Вообще-то, карликом мог стать любой. Просто нам достались такие родители, у которых карлики не получаются. Не наши родители вроде бы делают все так же, как и наши, а вот те на — получается карлик.

Конечно, можно было бы обойтись и без них. Но уже столько нет, что если еще и без карликов... Представьте: просыпаешься утром бодрым, веселым, включаешь радио, а там объявляют, что карликов нет. И все, настроение уже не то. Так путь будут.

Правда, карликов не нужно выбирать в Верховный Совет. Уследить за ними трудно, и они могут проشمыгнуть на такие должности, что из-за этого могут произойти разные нонсенсы.

Во-первых, карлику придется приезжать на службу раньше всех, чтобы никто, когда он будет забираться на стул, не хихикал. Во-вторых, карлик, сидящий на высоком стуле, будет думать не о важных государственных делах, а о том, как бы не покалечиться, упав с этого стула. Вследствие этого в государственном управлении будут возникать дополнительные промахи и ошибки, которых у нас и без карликов хватает.

На похоронах вождей в почетный караул карликов ставить можно, но во время похоронной процессии они будут путаться у всех под ногами, потому что совершенно не умеют ходить в ногу. При переносе тела вождя с лафета к стене карлик не сможет дотянуться до гроба, и, чтобы все было как у людей, кому-нибудь из членов похоронной комиссии придется сажать его на закорки. А это не в традициях нашего народа и может вызвать нежелательные отклики в зарубежной прессе.

А самое главное: во время демонстрации трудящихся карлика на мавзолее не будет видно, и он, приветствуя народ, будет все время подпрыгивать. И народ начнет говорить:

— Прыгают, прыгают — а все без толку.

И действительно, на мавзолее кого только не было, противно вспомнить. А тут уж совсем — карлик. И нечего подпрыгивать, народ баламутить. Если ты карлик, то и ведай себя соответственно...

Иногда карлики бывают и вполне нормального роста, но они, как правило, значительно хуже простых карликов, и выводить их на чистую воду значительно труднее.

землю дали. весной пахать?

Уф! Свершилось! Меня, отдавшего по совместительству двадцать лет сатире и юмору, аккредитовали на Российский съезд народных депутатов...

И вот я выхожу из метро, бритый, в глаженных брюках, и направляюсь к Красной площади. У знака останавливаюсь и гашу сигарету. На площади курить нельзя. Святыня. Сейчас она огорожена железными барьерами и милицией. Я показываю документ, прохожу за барьер и начинаю чувствовать себя, как в церкви. Правда, здесь вместо алтаря лобное место...

Ликуя, иду к Спасской башне. Почти сбылась мечта. В раннем детстве меня, наверное, как и всех детей, родственники и их друзья спрашивали:

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Я гордо отвечал:

— Дворником.

Когда родственники и их друзья начинали смеяться, я скромно добавлял:

— В Кремле.

Они сразу становились серьезными и больше никаких вопросов не задавали.

Безусловно, до дворника в Кремле мне еще далеко. Партийность нужна. Образование. Анкета. А у меня из всего этого только паспорт с пропиской. Я предъявляю его вместе с аккредитационной карточкой в проходной Спасской башни и вливаюсь в поток народных депутатов, спешащих на съезд. В основном это люди с мужественными, будто из камня высеченными лицами. По их решительным глазам каждому становится ясно, что они не отступят. То там, то здесь мелькают уверенные фигуры в дорогих импортных пальто, с пыжиковыми и ондатровыми завоеваниями развитого социализма на головах. А вон впереди стайка генералов и почти маршалов. В их спинах, затылках и шеех чувствуется огромная мощь. Безусловно, никакой враг мимо них просто так не пройдет.

Среди этого людского моря, как сорняки на пшеничном поле, иногда проскальзывают типы с явно умными лицами. Некоторые даже в очках. Но они неопасны. Их немного.

На входе в Кремлевский дворец очередная проверка. Депутаты, предъявив удостоверение, сразу идут в гардероб. А мой документ молодой человек во всем штатском учит наизусть, после чего вежливо говорит:

— Пожалуйста, пройдите под «рамку».

«Рамка» скромно притулилась за колонной справа. Через похожие штуки в аэропортах пропускают в накопитель. Человек средних лет, тоже в штатском, как-то доброжелательно, с улыбкой, по-домашнему

Владимир Климович и тюменцы Константин Тихомиров, Валерий Глебов, Борис Галязимов на одной из встреч с читателями

осмотрел мою сумку и сказал: «Спасибо». Я прошел сквозь «рамку», терзаемый мыслью: «Неужели уже были попытки угнать куда-нибудь в Швецию Кремлевский дворец?»

Хотя от наших экстремистов всего можно ожидать.

До начала заседания остается минут двадцать. Меня, как и каждого рядового обывателя, интересуют депутатские привилегии. Я останавливаюсь и вижу прилавков канцтоваров. Очередь. Дают гуашь. Народные избранники берут по две-три коробки. Все-таки не совсем правы те, кто кричит, что духовность у нас падает. А вот буфет. Там меня постигает полное разочарование. Ничего особенного: бутерброды с финским сервелатом по 40 коп., с красной рыбой по 60 коп., с сыром, карбонад, сосиски, бульон из кубиков, растворимый кофе в пакетиках, чай, пирожки, пирожные, соки, минералка. В общем, обычная еда. И ни у кого никаких привилегий. Любой — плати и ешь.

Дожевывая бутерброд, поднимаюсь на балкон...

Наш симпатичный российский премьер в своем докладе отталкивается не от классиков, а от своего коллеги по царским временам Столыпина. Смысл доклада в том, что нам всем пора кончать быть дураками и переходить к нормальной человеческой жизни. А землю передать в частную собственность и не мучиться.

Начинаются прения. Одни убеждают, что давно пора. Другие согласны, но не верят в народ. Некоторые откровенно хамят, а некоторые требуют извинений. Кое-кто, отбросив стилистические и грамматические особенности русского языка, «докладает» правду-матку. По скороговорке других чувствуется, что все им до смерти надоело и зря они в это дело ввязались. В ходе дискуссии выясняется, что левые сплотились и ни за что не допустят в свои ряды правых. В ответ на это правые тоже сплываются и не допускают в свои ряды левых.

Я думаю, что земля в собственность — неплохо. Но ведь ее обязательно нужно пахать! Конечно, соху я себе достану, слава Богу, кое-какие связи есть. А вот остальное? Кого запрягать? Говорят, раньше выходили из положения за счет жены и других родственников. А если по большому куску отрезать будут? Боюсь, моя не сдюжит, сердце у нее пошаливает, да и с кормежкой сейчас перебои.

В перерыве журналисты бросаются в кулуары, хватают избранников и вынимают из них душу. Вроде бы и мне надо... Но у них магнитофоны, фото, видео, микрофоны. А у меня, кроме головы, ничего. Даже ручки нет.

Я бесцельно брожу среди законодателей по курилкам, буфетам и вдруг ловлю себя на мысли, что ни одного знакомого у меня здесь нет. В любом го-

роде обязательно кто-нибудь находился. Или по армии, или по жене, или по работе, или по застолью. А вот здесь никого. Конечно, много таких, с которыми невольно хочется поздороваться, но не то. Они — из телевизора. Знаменитости. Вон ребята из «Взгляда». Несмотря ни на что, прорвались — депутаты. Они запросто подходят к заграничным телевизионщикам и, смело поглядывая в их объективы, на их настоящем английском языке говорят в их микрофоны. И, надо признаться, завидую им. У меня даже по немецкому в школе тройка была. И то с натяжкой.

Вдруг вижу... Кого бы вы думали? Самого Ивана Кузьмича Полозкова. Вон он среди всех. При желании рукой потрогать можно. Вокруг него корреспонденты теснятся. Протиснулся я в первый ряд. Смотрю. Я-то раньше думал, что он покрупней будет, а на самом деле он небольшой. Но крепкий. И не один. Я сначала предположил — с приятелем. А у того такие плечи и взгляд! Понятно. Охраняют. Заслужил. Если человек на танки бросается, то его без охраны пускать нельзя. Не стал я его трогать, чтобы не осложнять. Просто поймал его взгляд и подмигнул. Все-таки мы с ним одноклассники. Могли за одной партой сидеть. Или вместе на танцверанду бегать. Но он на это не среагировал. Свалил все на Льва Николаевича Толстого и ушел. Под охраной. Тут и перерыв закончился. Все в зал пошли голосовать. Насчет земли.

Я подумал, подумал и в буфет подался. Надо домой разных бутербродов закупить. Дали. Я полную сумку набил. Жену подкормлю. Пусть сил набирается. Землю-то дали. Значит, весной пахать.

заведующий

повесть

представление

Иванникову всегда хотелось представить себя самим собой, но ничего у него не получалось. Сначала Иванников представлял себя Папаниным, Мамлакат, братьями Знаменскими и мужем аспирантки Клавды Большаковой. Потом Иванников стал неплохо зарабатывать, вступил в ЖСК, купил подержанный «Запорожец», но, несмотря на это, представить себя самим собой не смог. И когда собрание пайщиков ЖСК выбрало его ответственным за крышу, он не стал отказываться и в тот же вечер полез ее осматривать.

Крыша была как крыша, только в центре ее на сундучке стоял лысоватый человек в кедах и трикотажном тренировочном костюме. На спине и на груди у него было написано «АДРИАН КОНДРАТЬЕВИЧ». Задрав вверх голову и приставив руку козырьком ко лбу, человек смотрел на звезды.

— Что за черт? — только успел подумать Иванников, как лысоватый человек повернулся, не отнимая руку ото лба, внимательно осмотрел Иванникова и спросил:

— Ну чего?

— Да ответственный я за это место по решению собрания, — оправдываясь, ответил Иванников.

Лысоватый человек убрал ото лба руку и, хлопнув себя по надписи на груди, сказал:

— Я — Адриан Кондратьевич! Заведующий вот этим, — и показал головой на мироздание, — но сейчас в отпуске. Понял?

Иванников кивнул.

Адриан Кондратьевич сложил руки рупором и через него приказал:

— Смирно! В исходное положение — ноги на ширину плеч, руки в стороны — ставь!

— Ишь ты, проверяет, — с уважением подумал Иванников и принял исходное положение.

— Влево, вправо повороты корпусом — начали, — скомандовал Адриан Кондратьевич. — Раз, два! Раз, два!..

Иванников стал выполнять команду.

— Ноги вместе, руки на бедра — приседания начали. Раз, два! Раз, два!.. — продолжал командовать Адриан Кондратьевич.

Валерий Гинкул (илл.)

Сейчас надо сказать самое главное...

Иванников покорно выполнял.
 — Прыжки попеременно, три на левой ноге, три на правой — начинай! Раз, два, три! Раз, два, три!.. Иванников запрыгал.
 — Вокруг меня бегом — марш!
 Иванников забегал вокруг сундучка.
 — Шагом, — приказал Адриан Кондратьевич.
 Иванников перешел на шаг.
 — Раз, два — левой!левой!левой! — выкрикивал Адриан Кондратьевич.
 Иванников старательно маршировал.
 — Стой! — скомандовал Адриан Кондратьевич.
 — Вольно!
 Иванников остановился, перенес тяжесть тела на одну ногу, другую расслабил и стал ждать дальнейших указаний.
 — Дрессированный! — похвалил его Адриан Кондратьевич.
 Иванников заулыбался.
 Адриан Кондратьевич достал из сундучка талон, поставил на него печать и со словами:
 — На, возьми. Смотри, не потеряй. Дубликата нет, — протянул талон Иванникову.
 Иванников взял талон, спрятал его в карман с автомобильными правами, слез с крыши и пошел домой. Дома Иванников лег в кровать, накрылся с головой одеялом и вдруг представил себя самим собой. Чуть-чуть. С самого края.

жаркий день

Было так, как бывает в жаркий летний день. Монотонно жужжали толстые, пыльные мухи. Беспризорные собаки, высунув языки и тяжело дыша, уныло смотрели на очередь в пивную палатку. В овощных магазинах продавался вялый зеленый лук. В небе летели самолеты.

Увидев это из окна, Иванников почувствовал беспокойство и посмотрел на часы. Они показывали десять часов вечера. Иванников надел на босу ногу сандалии и полез на крышу к Адриану Кондратьевичу.

Адриан Кондратьевич тряпочкой протирал линзы бинокля. Иванников покашлял. Адриан Кондратьевич убрал бинокль в футляр и недовольно спросил:

— Ну чего?

Иванников переступил с ноги на ногу и тоже спросил:

— Почему это так?

— Надо. Чтобы самолеты было видно, — ответил Адриан Кондратьевич.

— А как теперь жить?

— Никто ничего не заметил. А этому больше всех надо. Слишком умный. Как жил, так и живи, — ответил Адриан Кондратьевич и строго посмотрел на Иванникова.

Иванников съезжился и последний раз спросил:
— А как же время? Часы ведь теперь неправильно идут.

— Переведи на два часа дня, — ответил Адриан Кондратьевич, достал бинокль и через него стал смотреть на самолеты.

Иванников перевел часы. Успокоился. Слез с крыши. И стал жить так же, как и в другие жаркие дни.

КИНОСЪЕМКА

В понедельник утром Иванников вышел на улицу в сандалиях и почувствовал, что с левой стороны его тело мерзнет, а с правой — перегревается.

«Этого еще мне не хватало», — подумал Иванников и посмотрел налево. Там была зима. Иванников посмотрел направо. Там было лето.

«Тяжелая будет неделя», — подумал Иванников и посмотрел перед собой. Прямо перед Иванниковым находилась покрытая кафелем разделительная полоса, на которой было написано:

«Проход в воскресенье! Без пароля не ходить!»

«Черт знает что», — подумал Иванников и полез на крышу к Адриану Кондратьевичу.

Адриан Кондратьевич, в полосатых пижамных штанах, тулупе, тюбетейке и подшитых кожимитом валенках, сидел около трубы на сундучке и пускал карманным зеркальцем солнечные зайчики. Увидев Иванникова, он отложил зеркальце и спросил:

— Ну чего?

— Да вот климат: с одной стороны зима, с другой лето, — пожаловался Иванников.

— Бестолочь ты, киносъемку от климата отличить не можешь! Времена года делают, — сказал Адриан Кондратьевич, начиная снимать валенки.

«Вон оно что», — подумал Иванников и спросил:

— А киносъемка-то надолго?

— По плану. — Ответил Адриан Кондратьевич, продолжая снимать валенки.

— Акклиматизироваться, значит, бесполезно?

— Бесполезно, — ответил Адриан Кондратьевич, все еще снимая валенки.

Иванников потер левое замерзшее ухо и попросил:

— Может, пароль дадите?

— Чего ты мелешь, обалдуй? Какой еще пароль? Я тебе сейчас такой пароль дам — не очухаешься! — закричал Адриан Кондратьевич, снял валенки и с размаху треснул ими Иванникова по голове.

Иванников икнул и упал без сознания. Адриан Кондратьевич надел вместо валенок кеды, на цыпочках подошел к Иванникову и оторвал от

Валерий Гинкул (илл.)

его сандалий подметки. Иванников не шелохнулся. Адриан Кондратьевич достал из сундучка сапожный нож и провертел в пятках и носках подметок дырочки. Иванников спокойно лежал без сознания. Тогда Адриан Кондратьевич сделал в середине подметок прорези и надел их Иванникову на уши. Потом, порывшись в сундучке, достал два ботиночных шнурка, пропустил их через дырочки в подметках и завязал узлами. Иванников продолжал лежать без сознания. Адриан Кондратьевич подложил ему под голову валенки, накрыл тулупом, а сам, оставшись в майке спортивного общества «Наука», взял зеркальце и стал пускать солнечные зайчики Иванникову в глаза. От зайчиков Иванников пришел в себя и, почувствовав на ушах подметки, испуганно посмотрел на Адриана Кондратьевича. Тот на всякий случай спрятался за трубу и, помахав оттуда тюбетейкой, радостно закричал:

— Эй ты, обалдуй, валенки и тулуп дарю. Можешь ходить в воскресенье без пароля. Только подметки не снимай. Если кто будет спрашивать, скажешь — от меня. Понял?

Иванников кивнул головой, поправил подметки, надел валенки, взял тулуп и слез с крыши.

Всю неделю, пока продолжались киносъемки, Иванников спокойно ходил отдыхать в воскресенье. И никто его ни о чем не спрашивал.

заведующий

Утром последнего дня месяца Иванникова разбудил стук в дверь.

— Неужели Адриан Кондратьевич? — обрадовался Иванников, вскочил с кровати, быстренько оделся и, подбежав к двери, посмотрел в глазок. Адриана Кондратьевича не было. В дверь древком метлы стучал дворник Сардыкин.

«Чтоб ты этой метлой подавился!» — подумал Иванников, открыл дверь и недовольно спросил:

— В чем дело?

— Мы по поручению, — официально сказал дворник и, войдя в квартиру, протянул повестку.

«По получении немедленно явиться в правление ЖСК», — прочел Иванников и спросил:

— Это зачем?

— На разбирательство, — ответил дворник.

— Так я зарядку еще не делал, — попытался оттянуть время Иванников.

— Там тебе все сделают, — отрезал дворник и, метлой вытолкнув Иванникова из квартиры, повел его в помещение правления — подвал.

Правление было как правление. В середине подвала стоял длинный, покрытый шинельным сукном стол. На столе сидела толстая зеленая муха и аккуратно чистила лапки, а за столом сидел председатель правления ЖСК и молча смотрел на муху.

Дворник Сардыкин подтолкнул Иванникова к столу, поставил метлу в козлы и отрапортовал:

— Товарищ председатель правления, ваше задание выполнено! Привел!

Муха испугалась и улетела. Председатель правления посмотрел на Иванникова и заговорил:

— Что же это вы, Иванников? Мы на вас, понимаешь, понадеялись, объект доверили — крышу. А вы, понимаешь, там безобразничаєте, подметки на уши надеваете и солнечные зайчики пускаете. Вот дворник докладную представил.

— Да не я это, — начал оправдываться Иванников.

— А кто? — перебил его председатель.

— Адриан Кондратьевич, — тихо ответил Иванников, озираясь.

— Какой, понимаешь, Адриан Кондратьевич? — повысил голос председатель. — Нет у нас в списках никаких Адриан Кондратьевичей.

— Не наш он, не кооперативный, — продолжая озираясь, еще тише ответил Иванников.

— Не наш, а как на объект попал, понимаешь? — строго спросил председатель.

— Отдыхает он. Отпуск у него, — совсем тихо ответил Иванников.

— Как это, понимаешь, отдыхает?! По какому праву?! На крышах отдыхать воспрещается! — возмутился председатель правления.

— Заведующий он. Всеми космогоническими процессами заведует, — шепотом объяснил Иванников, убирая голову в плечи.

— Проверим, — многозначительно сказал председатель и, обращаясь к дворнику, приказал: — А ну-ка, Сардыкин, тащи сюда, понимаешь, этого Адриана Кондратьевича на экспертизу!

— Слушаюсь, товарищ председатель правления! — гаркнул дворник Сардыкин, схватил метлу и побежал на крышу.

Председатель правления вынул из кармана носовой платок, протер руки и стал доставать из-под стола приборы, щипцы и баночки с порошками для проведения экспертизы.

«Что же теперь будет?» — подумал Иванников и прислушался.

Некоторое время было тихо. Потом где-то прогудел электровоз и в подвал, крича: «Спасите! Помогите! Дворника распяли!» — вбежала лифтерша-бабушка Гриня.

— Как, понимаешь, распяли? — удивился председатель правления.

— На метле, родимого, на метле! Перед самым домом, сердечный, мучается, — перекрестившись, запричитала бабушка Гриня.

— За мной! — скомандовал председатель и, схватив щипцы, выскочил из помещения.

Иванников и бабушка Гриня бросились за ним.

Перед домом, на асфальтированной автомобильной стоянке, в нахлобученной на глаза полевой фуражке и застегнутой на все пуговицы брезентовой куртке маялся распятый дворник Сардыкин. В рукава куртки была вставлена метла. Из-за нахлобученной фуражки дворник не понимал, что с ним случилось, и, пытаясь вырваться, вертелся крестом, приговаривая:

— Я тебе покосмогону.

— Ну-ка тормози его, понимаешь! — крикнул председатель.

Иванников кинулся на Сардыкина и, обхватив его за туловище, остановил. А председатель правления щипцами попытался вытащить из дворника метлу. Но бабушка Гриня, крикнув: «Поберегись!» — остановила председателя и показала на спину Сардыкина. На дворницкой спине белой масляной краской было написано: «Не специалистам восстанавливать дворника воспрещается!»

— Что же теперь делать, понимаешь? Нам без дворника нельзя, — задумчиво проговорил председатель, почесывая голову щипцами.

— Давайте у Адриана Кондратьевича проконсультируемся, — предложил Иванников.

— А как, понимаешь? — спросил председатель.

— Да покричим ему, может, примет, — ответил Иванников.

Председатель правления кивнул головой и, скомандовав: «Три, четыре», — вместе с Иванниковым и бабушкой Гриней громко закричал:

— Ад-ри-ан Кон-дра-тье-вич!.. Ад-ри-ан Кон-дра-тье-вич!..

— Ну чего? — откликнулся Адриан Кондратьевич, свешиваясь с крыши.

— Нам бы, понимаете, дворника восстановить, — вежливо попросил председатель правления.

— Ваш дворник, сами и восстанавливайте, — ответил Адриан Кондратьевич, подмигивая бабушке Грине.

— Да не специалисты мы, понимаете, — уныло признался председатель.

— Не специалисты, так тащите его в амбулаторию. К фельдшеру. А ко мне больше не приставайте, — серьезно сказал Адриан Кондратьевич и погрозил пальцем.

— Будем стараться, товарищ заведующий, — заверил председатель правления и вместе с Иванниковым потащил дворника в амбулаторию.

Адриан Кондратьевич достал из кармана зеркальце, поймал в него солнце и, пустив в бабушку Грину зайчик, спрятался за трубу.

«Так вот значит, какой он, заведующий», — удивленно подумала бабушка Гриня и перекрестилась.

одинаковые дни

С нового месяца начал накрапывать дождь. Очередь за пивом разошлась. Восстановленный дворник Сардыкин на всякий случай ходил с веником. Лифтерша-бабушка Гриня стала покупать и читать журнал «Наука и жизнь». Но когда где-нибудь гудел электровоз, бабушка все равно крестилась и с беспокойством смотрела по сторонам. Вокруг все было спокойно. Тянулись одинаковые дни.

От этого Иванникову стало не по себе, и он полез на крышу к Адриану Кондратьевичу. Крыша выглядела необычно и странно. Ни сундучка, ни Адриана Кондратьевича не было.

«Куда же это они подевались?» — подумал Иванников и позвал:

— Адриан Кондратьевич!..

Никто не отозвался. Иванников обошел всю крышу и, не найдя никаких следов, заглянул в трубу. На внутренней стороне трубы белой масляной краской было написано:

«В связи с окончанием очередного отпуска приступил к исполнению служебных обязанностей. Благодарю за внимание. Адриан Кондратьевич».

«Даже не попрощался», — подумал Иванников, прочтя надпись, и, подняв голову, с обидой попытался посмотреть на мироздание. Но небо было закрыто тучами, и мироздание через него было не видно. Иванников опустил голову, слез с крыши и пошел домой. Дома он достал из кармана талон, вставил его в рамку и повесил на стенку.

Теперь каждое утро Иванников, проснувшись, надевает на уши подметки и, глядя на талон, представляет себя самим собой. Он надеется когда-нибудь еще встретиться с Адрианом Кондратьевичем, хотя понимает, что нас — много, а Адриан Кондратьевич один.

Владимир Климович. Дружеский шарж Николая Рачкова

ещё одна радость архивного поиска

Имя Екатерины Иосифовны Цинговатовой (1911—2001) нашлось, когда готовились воспоминания о писателе-юмористе Владимире Владимировиче Климовиче. Подробнее о нем рассказано на страницах этого номера в материале «Жизнь на задворках мироздания». В начале 1990-х годов Владимир Климович активно сотрудничал с российской газетой-альманахом «Живое слово», которая издавалась в Тюмени. Теперь архивные материалы «Живого слова» хранятся в редакции «Проталины».

Скорее всего, именно Климович передал главному редактору «Живого слова» Константину Тихомирову конверт с письмом Екатерины Цинговатовой, в котором она рассказывает о своем талантливом современнике, писателе Андрее Платонове. В конверте — пачка фотографий и на обороте каждой подробный комментарий.

Напомним, что Екатерина Цинговатова в довоенное время работала редактором Гослитиздата. Жила в Москве. В 1941 году, проводив на фронт мужа Владимира Климовича, она вскоре с двумя сыновьями — шестилетним Владимиром и годовалым Ильей, уехала в эвакуацию в поселок Цибикино в Мари Эл. В тот день отъезда, ведущий в неизвестность, и вручил Андрей Платонов ей свои фотографии.

В письме Екатерина Иосифовна обращается к Анне Давыдовне с предложением рассмотреть рукопись (к сожалению, сказать что-то точное об адресате и то, о какой рукописи шла речь, в данное время невозможно). Видно, что это были добрые доверительные отношения, и проглядывается глубина редакторского профессионализма Екатерины Иосифовны. Она считала главной своей задачей донести до читателей все грани писательской судьбы, где она была попутчиком и свидетелем.

Редакция журнала «Проталина»

Екатерина Цинговатова. Фотография сделана фотомастером Моисеем Наппельбаумом незадолго до войны

Уважаемая Анна Давыдовна !

Посылаю Вам статью, о которой мы говорили - это второй экз. / первый потерян/. Сейчас очень многие выступают с воспоминаниями об Андрее Платоновиче. Однако современников его осталось мало - я принадлежу к их числу. Прилагаю копии трех редких фотографий подаренных им мне в июле 1941г. в день моего отъезда в эвакуацию. Точные даты их неизвестны, №1 очевидно относится к двадцатым годам - времени инженерной работы Андрея Платоновича, №2 оторвана им с профсоюзного билета, более поздняя, тридцатые годы и №3 наиболее близкая к началу войны. Кроме того прилагаю мое довоенное изображение интересное тем, что сделано известным московским фотографом Напельбаумом.

Уважающая Вас

Е. Цинговатова
Е. Цинговатова

Письмо Екатерины Цинговатовой, переданное в редакцию газеты-альманаха «Живое слово»

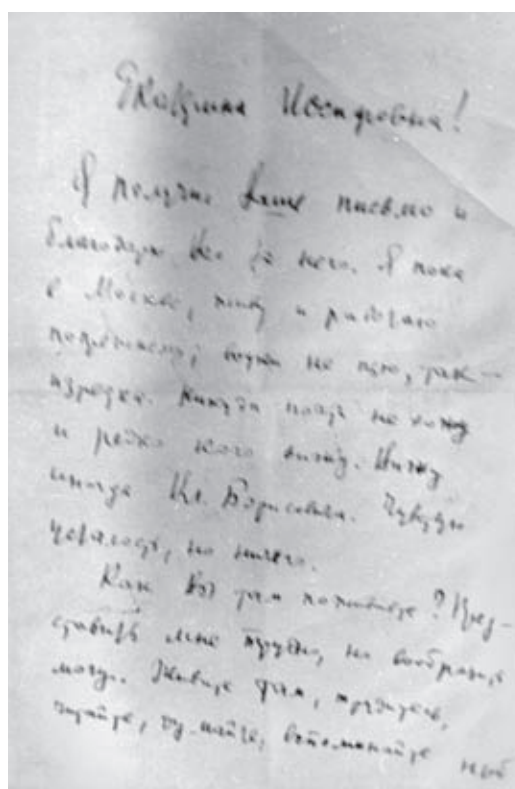
Снимок периода 1920-х годов. На обороте подпись А. Платонова: «Вам — я»

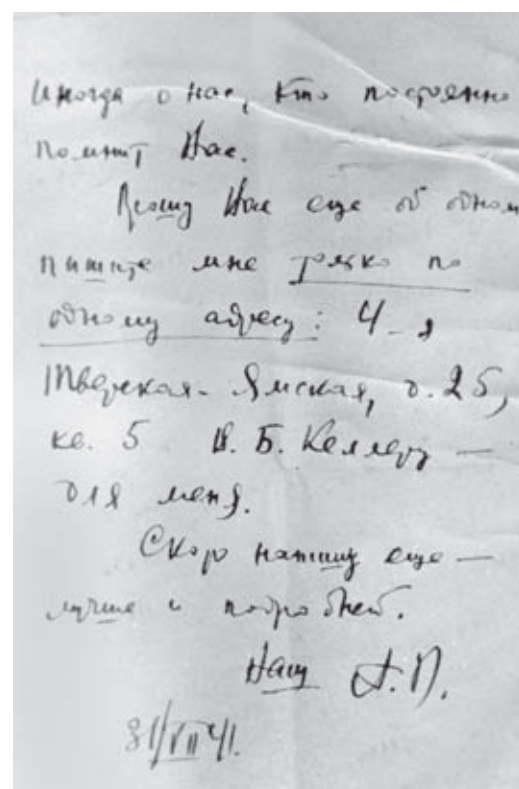
Фотография, взятая Андреем Платоновым со своего профсоюзного билета. Ниже — оборотная сторона подаренной Екатерине Цинговатовой фотографии с автографом

Июль 1941 года. На обороте надпись: «На память об этом удивительном человеке — лучшему человеку, встреченному изображенным человеком»

Письмо Андрея Платонова
(Андрей Платонович
Климентов)

Эчик, который стал эрдене

Правдивая сказка о жизни

Многие ли задумываются над тем, для чего, собственно, дана жизнь? Для этого, видимо, нужно иметь определенный характер и, может быть, свое достоинство, чтобы вот так просто и ответственно попытаться осмыслить свое «я», свое место в жизни.

Я держу в руках серую канцелярскую книгу в твердом переплете. В ней судьба человека ищущего, целеустремленного и вместе с тем трогательно простодушного и незащищенного перед жизнью. Он явно из тех, кто ставит перед собой большие цели и старается достичь их. И это не напоказ, не для выгоды. Это просто его естественная потребность — всегда стремиться к правде, верить в доброту людей, любить свою землю и непременно выплеснуть на лист то, что «наболело, нагорело». Свои записки автор доверчиво вручает собеседнику, надеясь, что его поймут, и что, возможно, написанное им адресуется вечности как частица народного опыта.

На одной из страниц книги — карандашный набросок. Юноша оседлал птицекрылую машину — махолёт. Задуманная конструкция, по мысли автора, должна отличаться от всех известных махолётов. Все дело в крыльях. Они будто сложены из лепестков и могут находиться в воздухе столько, сколько понадобится летуну. Так воплотится его мечта о свободном полете.

Возможно, этот юноша и есть сам Эчик Барцев, автор многолетних записок. Начинаются они с тщательного собранных народных пословиц, видимо, предполагается, что «рожденные из опыта мудрые мысли» — это напутствие каждому, кто собрался искать верную дорогу в бесконечном потоке жизни. Свой нелегкий путь Эчик выкладывает шаг за шагом на фоне реальных обстоятельств, вырисовывая карту жизни. Он так и назвал книгу воспоминаний: «Путешествие по своей биографии».

И начинается «путешествие» Эчика как раз с вопросов самому себе: «Для чего я?», «Для чего я живу на земле?». Тут же он говорит: «Ответ, конечно, есть на подобные вопросы». Но говорит он это не от какой-то самоуверенности. Он печально признает: «А подытожить-то нечем, потому что всем нам выпало то

время, когда другие о нас думали, распоряжались, как нам жить». Трудно определять какие-то итоги, если день за днем уходили на то, чтобы как-то не умереть с голоду, где-то искать кусок.

По всему видно, он быстро вошел в суровую жизнь. Родился этот мальчик 9 мая 1936 года в семье кристалльного коммуниста Барцева, который взял звучную фамилию в честь своей преданности делу борьбы за светлое будущее. Как раз в 1936 году Марийская автономная область была преобразована в Марийскую АССР, а сейчас это республика Марий Эл. Менялись обозначения и нормы, а положение марийцев неизменно оставалось сложным и неопределенным. Обстоятельства раскидали их по разным уголкам страны. И по сей день, по некоторым данным, почти половина марийского народа живет за пределами республики.

Эчику посчастливилось родиться на земле своего предка, где многое сохранилось. Деревня Кугу Кожлаял Моркинского района в переводе с марийского — «большая лесная деревня» (Кугу — большой, Кож — ель, Ял — деревня). Именно здесь, на луговой стороне реки Волги, километров на 100 углубившись в тайгу, под большой елью когда-то обосновался мариец Тогель, от которого пошел род, и затеялась стройка деревни. По преданиям, собранным Эчиком, черемисы (марийцы) в своих скитаниях переправились через Волгу и устремились на восток. И будто бы предками их нужно считать летописный народ «меря», живший в далеком прошлом в Подмосковье. Волны миграций черемисов приводили к тому, что формировались новые этнические основы, образовывались смешения племен, и теперь получилось так, будто «из одной семьи люди по России живут». Везде на пути их следования вплоть до Урала есть марийские деревни, но далеко не каждый знает, откуда кто родом.

В сознании Эчика укрепились, что именно от Тогеля идет его «многонациональная родословная». Отсюда его пожизненная привязанность к обычаям марийского народа, к родному языку, желание воспеть свой край, сохранить и утвердить на века его самобытную культуру.

Фантазер-отец придумал не только свою коммунистическую фамилию, но и имя сыну. В имени со-

единились первые буквы знаковых событий времени. Эчик означает буквально: электрификация, ЧОН (часть особого назначения), индустриализация и коллективизация. Судьба мальчика должна была символически вобрать мощь и перспективу первых пятилеток и открыть путь к светлому будущему.

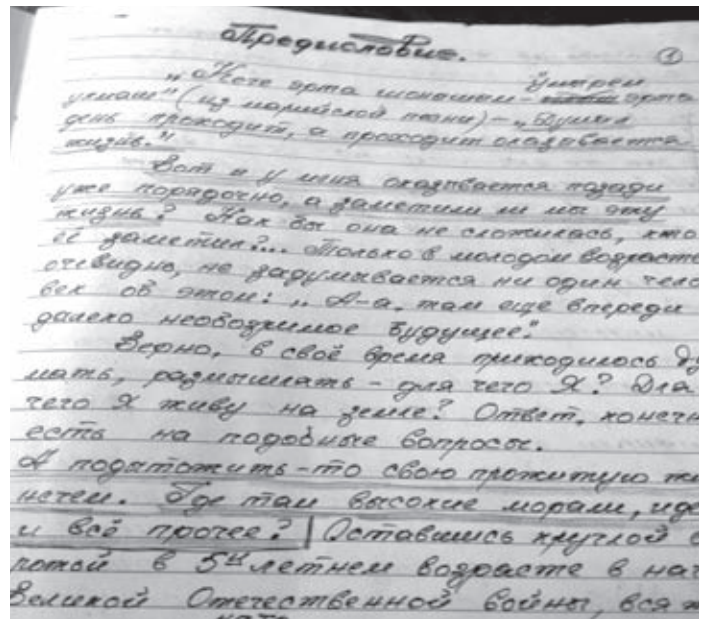
Отца звали Александром, поэтому фамилия у Эчика должна была быть Александров. По марийскому обычаю имя мужчины испокон веков употреблялось рядом с именем отца. Но теперь мальчика звали Эчик Барцев. По такому примеру еще несколько семей стали Барцевыми. А остальные родственники остались, как были, — Васильевы, Гавриловы, Егоровы, Федоровы.

Детей в семье было семеро. И все они родились еще до Великой Отечественной войны. Старшие Лиля, Люда и Виктор — Александровы. Тоня, Эчик, Толя и Василий — Барцевы. Вспоминая то время, Эчик печально резюмирует: «Тогда еще развитого социализма не было». Картошку сажали, тем и обходились. Эчик стал третьим «ртом» по счету, потому что старшая сестра Лиля умерла. Накануне войны от болезни умерла и мать. В доме теперь появилась мачеха. Отец истратил свое здоровье в постоянной борьбе за коммунистические идеалы, одна нога у него почти не действовала. Но с началом войны его, инвалида, все же призвали в армию и отправили на фронт. «Это мужики на него наклепали, — тихо поясняет Эчик, — и в результате приписали ему по доносу аморалку. Но и мужики те добром не кончили». Запомнилось мальчику, как перед уходом на фронт отец сильно плакал, обнимая всех детей поочередно. А уже через две недели после призыва под Ленинградом Александр Барцев был убит.

И начались для Эчика «самые важные, самые долгие и самые тяжелые годы». И все эти страдания в его воспоминаниях выстроились по пунктам:

1. Приезд раненого отца с первой мировой и новый призыв.
2. Жизнь с мачехой и ее уход.
3. Самостоятельная жизнь детей. Старшей сестре 12 лет, она в семье за старшую.
4. Работа на ошкуровке бревен.
5. Работа на колке чурок и жизнь в общежитии вместе с немцами, мордвинами, крымскими татарами.
6. Хожение за мукой и хлебом.
7. Смерть Сталина.

Вопреки мудрому «голод учит жить» дети почему-то никак не ладили друг с другом — мира под крышей не было. Эчику всего пять лет, а у него уже обязанность нянчить младшего. Забота непререкаемая — как только Васёк (Вачи — по-марийски) заплачет, качать люльку, сколько хватит сил. Чтобы как-то успокоить брата, Эчик нажевывал мякиши хлеба и через тряпку совал ему в рот вместо соски. Братик часто и подолгу плакал и вдруг он однажды неожиданно замолчал. Эчик

удивился, а потом понял, что брат больше плакать не будет. И радуясь свободе, побежал играть. Ужас такого своего успокоения Эчик несет всю жизнь.

Еще страница воспоминаний: дорога в школу за восемь километров в деревню Куп Сала. Чудовищный мороз, и чтобы не обморозиться, Эчик прикрывал лицо деревянной миской. Эту миску он таскал с собой в школу каждый день. Запомнилось, что днем в школе подкармливали болтушкой: в кипяченую воду добавляли толченую картошку.

Выжили в доме пятеро ребят. Выросли и разлетелись кто куда. И спустя годы никто из них не захотел даже вспоминать друг о друге. Видимо, общий революционный дух раскола и розни, когда брат шел на брата, а сын — на отца, каким-то образом проник в сознание юных Александровых-Барцевых. Никто по соседски не заглядывал в этот дом, видимо, потому, что у каждого хватало своей горести...

Воспоминания Эчика — это не какое-то созерцательное путешествие по волнам памяти, не полет на его прекрасном махолёте. Он от факта к факту предъявляет счет той жизни, которая бросила его в жестокий водоворот бессмысленных испытаний.

Вот его рассказ: «Учился я кожлялской семилетней школе. Сначала учился только на отлично и везде меня ставили в пример, но окончил довольно посредственно, потому что из года в год приходилось отрываться от учебы для работ в колхозе. По воле обстоятельств кем только я не был! Молотил зерно, пас ночами лошадей, участвовал в уборке сена, заготовке ветвей для корма скоту. И все за трудодни! Потом начал зарабатывать какие-то деньги, которые можно было пощупать руками. Собирал малину и носил ее продавать в рабочий поселок. Работал на посадке саженцев в лесу, на колке чурок для газогенераторных тракторов и автомобилей, сбрасывал бревна из штабелей на молевом сплаве. На заработанные деньги покупал хлеб и нес его домой. Брат Толя тогда был еще со-

В чем смысл жизни

вершенно беспомощным. Все тяготы жизни и горести нашей семьи больше всех достались именно ему. Боллезненный, малоразвитый, трудно представить, как он выжил! Сестра Тоня тогда была в детдоме. Старшая сестра Людмила ушла из дома. Брат Виктор отбывал на сезонных работах. Денег едва хватало, чтобы прокормиться. Но вот Тоня сбежала из детдома и пришла домой. После седьмого класса я уже был свободен — за братом Толей теперь присматривала сестра».

Еще одна зарубка памяти. Весна, питаться практически нечем. Подался Эчик к старшему брату — километров за 18 в сплавную контору поселка Березино, где Виктор работал бурлаком. Тогда как раз начали освобождать русло реки ото льда. Примерно в середине пути пришлось пересекать железную дорогу. Дошел до нее вроде бы сухим, а там с обеих сторон дороги — канавы, заполненные водой от стаявшего снега. Преодолевал преграды, не разуываясь и не снимая штанов. Выбравшись на пеню, весь дрожа, по-быстрому промокшие тряпки отжал, оделся, обулся и понесся по лесной дороге. В поселке «из-за питания» начал ходить с Виктором на работу. Там работала общая кухня для рабочих.

По совету учителя из деревни поступил Эчик в Моркинское педагогическое училище, где этот же учитель, Семен Алексеевич, преподавал рисование. Но элементарно не во что было одеться. Самотканые вещи уже не изготавливали, для лаптей лыка не было. Приходилось Эчику донашивать лохмотья. Иногда он наведывался к сестре Людмиле на каменный карьер за 12 километров, чтобы взять из ее припасов немного крупы и лапши. Семен Алексеевич отдал пару ношенных ботинок. Но жизнь не налаживалась. Дома сестра Тоня однажды намекнула, что дармоедов держать не намерена. И пришлось Эчику «в срочном порядке» менять курс жизни.

В 1954 году он окончил шестимесячные курсы в ФЗО-2 поселка Октябрьский. Получил профессию моториста электропил и уже навсегда распрощался с родными местами.

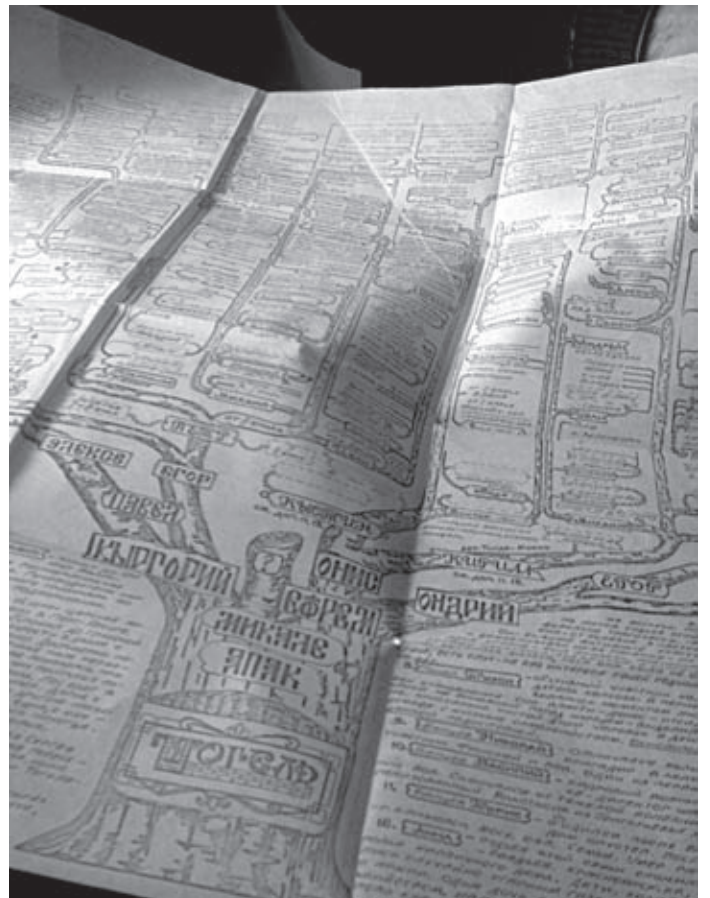
1954—1956 годы — он на вырубке леса под затопляемую зону Чебоксарской ГЭС в поселке Карачурино Волжского леспромхоза. Скромно о себе: «Подросток, силенок заимел, к девушкам стал заглядывать. С тяжестью электропилы легко справляюсь».

1956 год — он в рядах Вооруженных сил, курсант ПВО. Побывал в восьми войсковых частях, в основном режимных. И вот его впечатления: «Перед призывом представлял, что армия — это, прежде всего, порядок во всем, дисциплина и строго справедливое отношение между младшими и старшими. А оказалось, что рядовой служащий для высшего состава от ефрейтора до офицера и не человек вовсе, а будто скот».

🌿 эчик барцев (вернисаж) ▼

У себя дома. 27 апреля 2018 года

Древо жизни Эчика Барцева

Снимок из семейного альбома. Эчик Александрович Барцев с женой Раисой Матвеевной

Страна счастья — Марий-град

1960 год — всесоюзная комсомольская стройка на «Уралмашстрое» в Свердловске. Здесь Эчик — рабочий, бетонщик. С ранних лет мечтал он о художественном училище, после демобилизации даже присылал в Свердловск документы, но судьба готовила его к карьере полноценного кадрового рабочего.

В 1960-м он снова в своем районе, курсант Моркинского училища механизации сельского хозяйства № 4, будущий тракторист-машинист широкого профиля (здесь все-таки ребят обеспечивали, давали им какие-то льготы, одежду). В 1961-м он уже заочник Марийского сельскохозяйственного техникума. Тогда всюду декларировали: «Кадры решают все!», но Эчик почему-то на себе этого не испытал, и перспективы его не радовали. Сразу после экзаменов в техникуме рванул на «хваленные целинные земли» в Казахстан, в кустанайский совхоз. Здесь он тракторист, шофер, молотобоец, слесарь и по совместительству ведет уроки в 1-м и 4-м классах в качестве «временного учителя», за неимением постоянного. Всегда требовательный к себе, усиленно и добросовестно штудировал необходимую литературу, стараясь повысить образование.

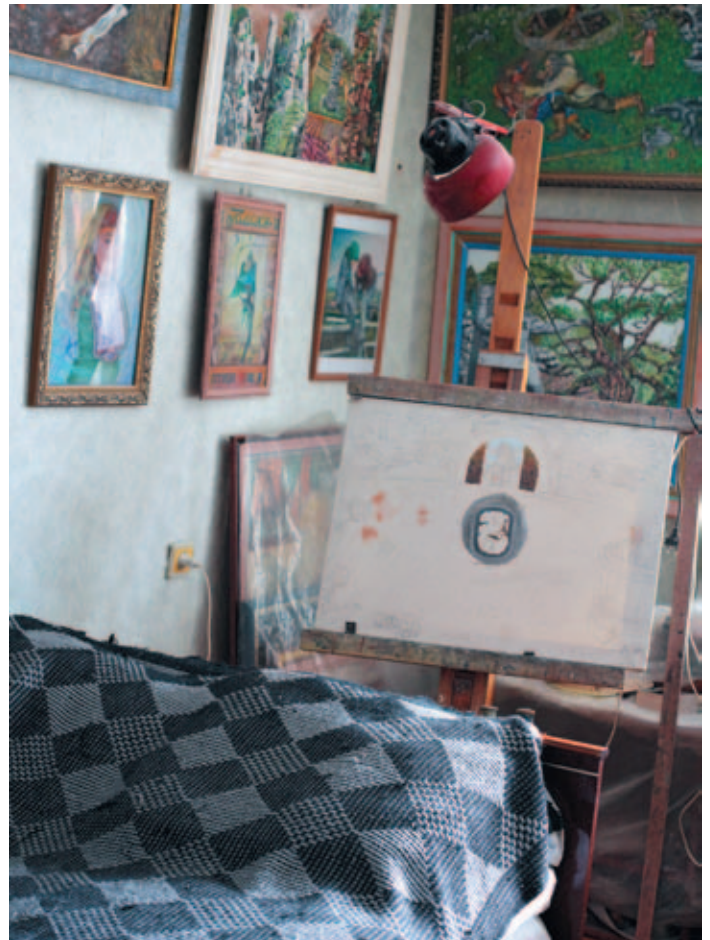
И вот в 1967-м, изрядно помотавшись повсюду, Эчик окончательно приезжает в Свердловск, на тот же «Уралмашстрой», и даже становится студентом-вечерником Уральского госуниверситета. Привлекло, что именно здесь более-менее лояльно относятся к многочисленным «малым народам», всех тут хватает. Из рассказа Эчика: «Город этот единственный в России не замечал нерусских. А мне всю жизнь приходилось испытывать, что я нерусский. Зато я с малых лет научился отстаивать себя. Свердловск был многонациональным городом, вот почему я здесь и остался».

Вспоминается ему, как трудно начиналась на Урале его семейная жизнь: «Познакомился с Раисой. Она из Чувашии, сиротка. Живем в разных общежитиях. Женихаться вроде рановато, но пришлось. Появился сын. Наконец-то ухватили комнату в бараке. Самовольно. Оформились. И потом еще 15 лет проживали в общежитиях безвылазно».

Учеба была не напрасной, пришла пора искать должность инженера. Но, оказалось, трудно найти такую работу без партбилета. Угнетало безденежье, хотя оба пахали, все равно каждый рубль — на счету.

1970—1980 годы — Эчик теперь инженер в проектно-конструкторском бюро, инженер-технолог, ведущий конструктор. Вуз Эчик бросил, рассудив, что и без диплома он «очень грамотный». Вгрызаясь в любое дело, неизменно доводит его до совершенства. Но угнетен, что находится в подчинении у тех, кто имеет магическую красную книжку — члена партии. И пришел отчаянный вывод: «Все брошу, пойду в рабочие, выберу новую профессию, хоть в ученики согласен».

В 1980-м, за 15 лет до пенсии, определяется Эчик в Свердловское швейное объединение имени Крупской учеником слесаря. И здесь становится высокоградным специалистом-ремонтником швейных машин и

Домашняя галерея художника Барцева

даже вносит рацпредложения. Он и в «домашних делах» на все руки мастер — портной, столяр, слесарь и даже спец по ремонту механических часов и магнитофонов.

Так шла его судьба «в первом круге», как он сам означил. Искал, бился, стремился, но везде натывался на глухую стену непонимания. Больше всего его удручало расхождение между высокими лозунгами и повседневной явью. Везде вдалбливали, что советские люди рождены для великих дел. Но даже на кустанайской целине, где Эчик надрылся молотобойцем, за эту работу по призыву платили всего 55 рублей в месяц, то есть гроши. И не было никаких возможностей просто своим усердием чего-то добиться. Всюду по-прежнему требовался партбилет, хотя известно, пункта такого в Конституции не было, чтобы верховодили одни члены партии.

Только освобожденный пенсионным возрастом от всяких общественных обязательств Эчик оказался на «втором круге» жизни. Вдруг проснулось в нем ясное чувство, что не зря он когда-то мечтал поступить в художественное училище. Он же художник по душе! И эта новая тяга повела его к живописи, в искусство. Теперь он мог свободно позволить себе воплотить свои воспоминания в красках. А тему не надо было придумывать и искать: в его сердце пульсировала неистребимая любовь к своему народу, и он решительно

Девочка в новом платке

взялся за кисть, чтобы навсегда запечатлеть дорогие образы, которые хранились годами в памяти.

В свободном полете творческих раздумий, словно сам собой, появился у Эчика символ его жизни. Первая и последняя буквы марийского слова «эрдене» как бы сомкнулись в двух кругах. В переводе на русский «эрдене» значит «утром». Так вот однажды утром осенила Эчика мысль заняться рисованием. Это слово будто прикипело к нему, и он теперь уже сам придумал себе имя — Эрдене. Так он стал подписывать свои картины.

«Никому не нужно знать мое настоящее имя, так как картины не представляют никаких ценностей», — поясняет художник, как бы не придавая большого значения своим работам. По его словам, они совершенно безадресные, не для широкой публики, некоммерческие, не несущие каких-либо высоких идей и хороши тем лишь, что в них автор пытается излить душу.

В поисках каких-то деталей, образов художник в одиночку, с фотоаппаратом и на велосипеде, исколесил почти всю страну. Нежданным гостем появлялся на пороге у дальних родственников, чтобы терпеливо, по деталям воссоздать родовое древо жизни. Все это он зафиксировал на большом листе бумаги. По его словам, ему удалось проследить историю предков вглубь на пять веков. Были в роду и люди нерядовые. Среди них моряк царской армии, служил в Порт-Артуре. Кое-кто «служил и в московском правительстве», но художников не было.

По существу, Эчик проделал огромную исследовательскую работу над этим древом, где по веточкам теперь есть конкретные обозначения имен и фамилий и открывается панорама целого народа.

Нарисовал древо и восхитился: «А ведь оказывается, среди моих родственников есть все нации России! И в России нет ни одной области, где бы ни жили мои родственники!»

Художника греет мысль, что эта великая панорама только укрепит контакты в его семье среди представителей разных поколений. До сих пор они живут вместе в одной скромной трехкомнатной квартире, но, к сожалению, мало общего и в делах, и в интересах, и Эчика это очень огорчает. Он доверительно рассказывает: «Сын мой два раза нерусский, но с малых лет приучился писать, что он русский, и по документам выходит, — русский. Внуки живут своей жизнью, они, похоже, даже не знают, чем их дед занимается, что пишет. О вере вообще говорить не приходится. Так что мы живем, не ощущая родственных связей. Такая вот история».

В своих путешествиях Эчик набирался силы и видения. Проследившая историю семьи, он спустя много лет вернулся в родную деревню. Застал там только брата своего — Виктора, остальные давно поразъезжались. Осмотрелся, и душе стало больно — от большой когда-то деревни дворов на сто остались три-четыре домишки и несколько стариков. «Смотрю, а ведь ма-

Круглая сиротка

Начало войны

Там — еще далеко за Уралом — Москва

Пешком по Родине

рийцы исчезают!» — с горечью замечает Эчик-Эрдене. Захотелось ему сохранить виденные картины жизни — и пошла целая серия картин из быта, из уклада.

«Безотцовщина» — название одной из работ художника. Обычный летний день деревенских буден, кутерьма забот. Виднеются валок сена, отброшенные грабли. Мать основательно охаживает сына-бездельника кнутом. Мальчишка ростом с мать, но смиренно просит пощады. «За подаянием» пожаловал в избу, наполненную весельем, малолетний скиталец в будёновке. А вот «Трудный рейс» для малыша в чепчике, который представил себя шофером и катит грузовичок. Ребенок еще увлечен игрой, он не ведает, насколько бывает горьким трудовой опыт.

Или вот картина «Ценные указания». Это уже эпизод наших дней. На почтительном расстоянии от трибуны «избиратели» выслушивают очередные обещания. А ближняя «паства» посасывает бюджетные деньги. На другом полотне — «Утренний обход» — запечатлен человек в поисках завтрака, которого художник увидел рано утром в своем дворе (Сортировка, ул. Дружининская). Этого он упустить не мог, и тут же родилась картина.

Неожиданный автопортрет — «Там — еще далеко за Уралом — Москва». Странник верен своему маршруту.

На одном из холстов в овальной раме изображена страна счастья — Марий-град (по-марийски «Мари тӱня»). И помещены здесь все, кого разбросало по свету. «Тӱня» в переводе с марийского — как раз «мир», «вселенная», «свет». По воле Эчика-Эрдене в «стране счастья» оказались «обобщены» порядка десяти марийских диаспор из Татарстана, Удмуртии, из Новгородской, Нижегородской, Кировской областей. А также с Урала, где еще есть люди, сохранившие верность языческой религии. С филигранной точностью изображает мастер красочные колоритные костюмы, богато украшенные вышивкой, неотъемлемые головные уборы, праздничные и повседневные. Кто-то ткёт, а кто-то танцует или играет на свирели — благо, народ этот талантами не обижен. Один-два штриха, и лицо оживает.

Венчает «страну счастья» оберег — дерево с мощными разветвленными корнями, символизирующее основу жизни. Эчик поясняет: «Неспроста тут дерево. Наши в лес ходили молиться — в священную рощу. Если посмотреть вокруг, там все живое. Для нас в детстве самым страшным было сломать какое-то растение. Вот вера какая в силу одухотворенной природы!»

У автора, по его словам, около ста полотен. Часть написанного представлена в Екатеринбургском музейном центре народного творчества «Гамаюн». Порядка двадцати картин находятся в собрании коллекционера Евгения Ройзмана. Остальные произведения устроены в «домашней картинной галерее» Барцевых и не привлекают широкого внимания.

Эчик спокойно резюмирует, что готов отдать их любому человеку, который заплатит только за рамки,

Трудный рейс

Утренний обход

Первые переселенцы

потому что оформление картины достается недешево. И еще признается, надумал было разместить в своем подъезде объявление, чтобы люди узнали: здесь есть маленькая домашняя картинная галерея и, кто желает, может прийти посмотреть.

Одно терзает душу. Остается безвестной судьба 14 картин, которые у художника были украдены. Вот выдержка из объяснения художника, которое он составил на имя начальника ОП № 5 Управления МВД России по городу Екатеринбургу Дмитриева А.Ю.:

«Осенью 2014 года я в своем доме в почтовом ящике обнаружил красочно оформленный листок рекламы компании «Право», где было указано, что фирма принимает на комиссию старинные вещи, антиквариат, картины и другое. У меня возникла мысль: «Я, пожалуй, сюда не подхожу». Но решился показаться этому «Право»...

Картины не только приняли. Художнику тут же выдали определенную сумму денег. Кое-кто в фирме заказал еще одну картину уже лично для себя. В качестве аванса автору предложили «добавку». Но Эчик вежливо отказался. Он подписал «красивый» юридический договор — с гербом и печатью, сомневаться в серьезности намерений благодетеля не приходилось.

В списке были означены 14 картин — с наименованиями, размерами в сантиметрах и закупочными ценами. Так, например, работа маслом «В чем смысл жизни?» на холсте 81х65 была оценена в 15 тысяч рублей. А работа «Не один» на холсте размером 81х61 — в 8 тысяч рублей.

Долго ждать известий не пришлось. Автора обнадежили, что четыре картины проданы, деньги вскоре придут на счет. Вместо этого из передачи по телевизору Эчик узнает, что фирмы «Право» на месте больше нет, и след его «благодетеля» простыл.

В голосе досада и боль: «Они просто смылись с этими картинами. Я в суд подал. Суд, как бы вам поаккуратнее сказать, — плевать на нас хотели все эти судьи. Документы вроде бы приняли, но никто ничего не сделал, чтобы найти хоть какой-то след. От милиции я долго ответа ждал. Потом сам начал к ним ходить. Потом было сообщение, что этих людей вроде бы нашли около западной границы России. А потом и вовсе перестали сообщать. Для успокоения души я стал думать, что мои картины не будут жить без пользы. Пусть они находятся не у меня. Но ими все равно будут пользоваться...»

...В районе Сортировки на окраине Екатеринбурга живет квалифицированный кадр, хотя и беспартийный, ефрейтор в отставке Эчик Барцев, он же самобытный художник Эрдене, «натуральный мариец» и истинный патриот своей большой Родины — России.

Ценные указания

XVI Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России»

Поздравляем Валерия Костюкова с его творческой победой!

Июль 2017-го... На этот раз награждение победителей Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» состоялось в Туле, в одном из старейших российских городов. Красавица Тула — оружейная, самоварная, пряничная, гармонная — сохранила в себе дух истории и свой особенный колорит. На века ее прославили мастеровые люди. И до сих пор след их творчества носят сувениры, которые с удовольствием приобретают все, кто сюда приезжает.

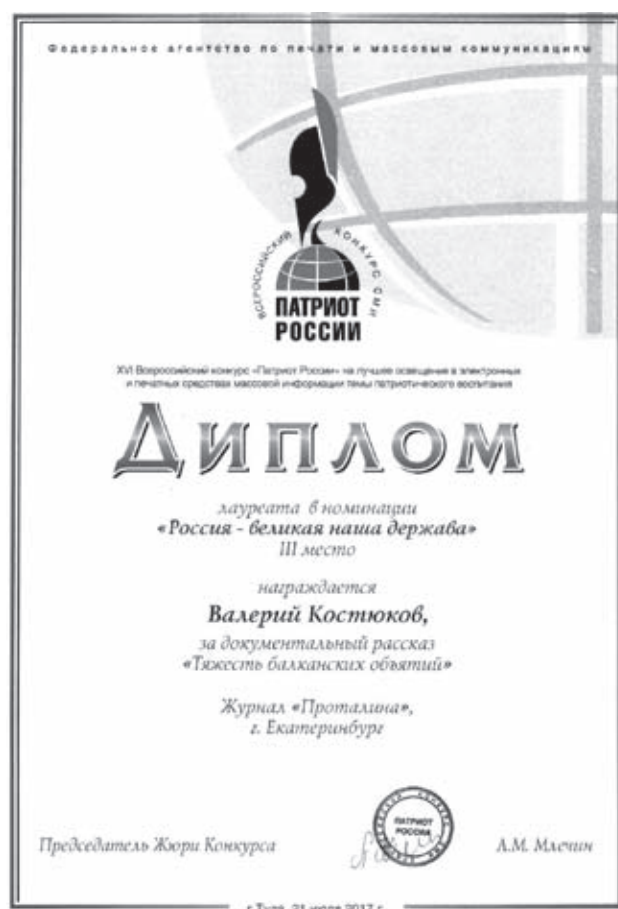
Город, хотя и небольшой, не однажды доказал свою обороноспособность и устоял во многих сражениях. Здесь есть свой кремль — надежные крепостные стены. За подвиг в годы Великой Отечественной войны Тула получила звание города-героя.

21 июля 2017 года мы прибыли в Тулу на церемонию награждения победителей XVI Всероссийского конкурса на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания «Патриот России-2017». Состоялось это торжество в здании Тульского государственного музея оружия — одного из старейших музеев России.

Сама собой как-то возникла такая традиция — победители конкурса встречаются в разных городах нашей большой страны. Теперь это была Тула. Здесь «Проталина» получила уже девятую по счету награду от жюри конкурса «Патриот России». В главной номинации «Россия — великая наша держава» был отмечен наш постоянный автор Валерий Костюков из города Берёзовского Свердловской области. За свой документальный рассказ «Тяжесть балканских объятий» он получил диплом лауреата (3 место).

Нелишне повторить, что конкурс является самым массовым и популярным по количеству творческих работ в СМИ. Проводится он в соответствии с государственной программой по патриотическому воспитанию граждан, которая утверждается Правительством Российской Федерации каждые пять лет. Организует его Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) при участии Министерства обороны РФ и Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ (Росвоенцентр). Оргкомитет конкурса сформирован Международным пресс-клубом (МПК).

На торжество в Тулу от «Проталины» приехали Валерий Костюков, автор журнала, с главным редактором Еленой Минаковой-Черновой.

Награждения всегда проходили в разных городах. Победителей принимали Москва, Екатеринбург, Великий Новгород, Волгоград, Омск, Воронеж, Белгород, Уфа, Нижний Новгород, Челябинск и — Тула. Предложенные работы рассматривались по таким категориям, как «Телевидение», «Радио», «Газеты», «Журналы», «Интернет-проекты». В работе жюри приняли участие представители Роспечати, Минобороны РФ, эксперты в области журналистики и массовых коммуникаций.

По итогам рассмотрения на сайте Международного пресс-клуба публикуются «Аналитические записки» с кратким обзором работ. В категории журналов отмечено, что «сложился пул региональных журналов, которые из года в год, последовательно и творчески готовят материалы патриотической тематики, представляя в каждом случае новых авторов и новые актуальные материалы». Это свидетельствует о том, как востребовано и живо наше печатное слово! Среди таких журналов отмечены «Морское наследие» (Санкт-Петербург), «Веси» и «Проталина» (Екатеринбург), «Северяне» (Салехард).

Каждая награда, которая вручается «Проталине» на этом конкурсе, вдохновляет нас и обязывает служить полезному для России делу. Мы рады поздравить Валерия Костюкова с высокой оценкой его работы и, как всегда, желаем ему вдохновения и новых творческих удач.

Полная информация о победителях, а также аналитические обзоры по каждой из номинаций конкурса доступны на сайте Международного пресс-клуба www.pr-club.com

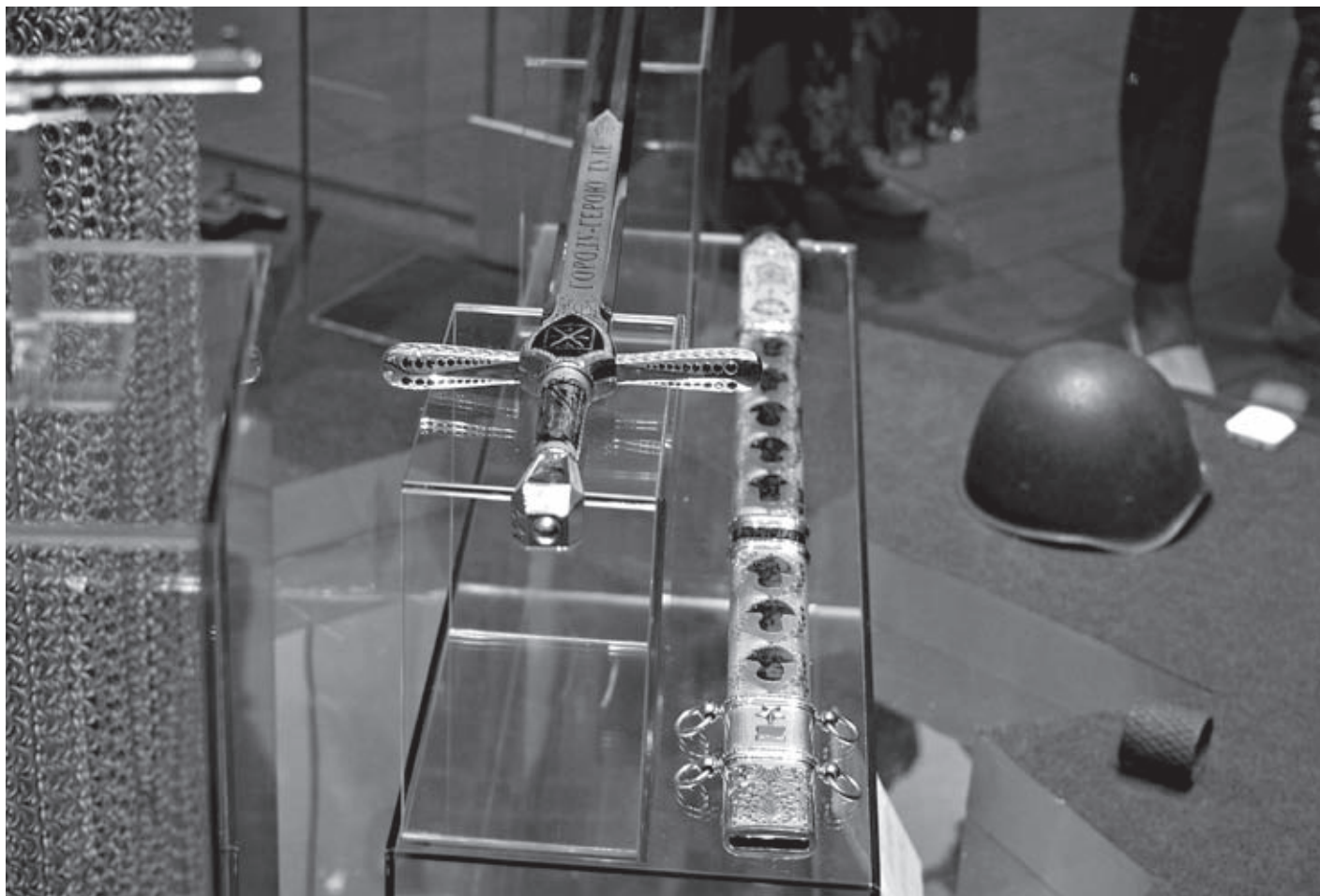
Впечатления от встречи с тулой

Валентин Ферулёв

Утро моросит туманом —
 мокрит листву,
травницу тоже...
Должно быть,
 вышел слишком рано —
утро на озноб похоже.
Ушла последняя звезда...
День будет явно непогожим.
Скворец метнулся от гнезда,
мой взгляд за ним
 метнулся тоже.
Туман от мокрого порога
скользит в низины осторожно...
Скользит в душе моей тревога,
и у скворца,
 я знаю, тоже.